Е. А. ДАВИДОВИЧ

ДЕНЕЖНОЕ ХОЗЯЙСТВО СРЕДНЕЙ АЗИИ В XIII ВЕКЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ имени АХМАДА ДОНИША

Е. А. ДАВИДОВИЧ

ДЕНЕЖНОЕ ХОЗЯЙСТВО СРЕДНЕЙ АЗИИ ПОСЛЕ МОНГОЛЬСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ И РЕФОРМА МАС'УД-БЕКА (XIII в.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

9(С)
Д13

Настоящая публикация рассматривает особенности денежного хозяйства Средней Азии в XIII в., денежную реформу правителя-купца Мас'уд-бека и ряд других проблем. Нумизматический материал, исследуемый в работе, служит основой новой исторической характеристики последствий монгольского завоевания и дает возможность периодизации частичного восстановления хозяйства Средней Азии в XIII в.

1-6-4
113-72

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нумизматике Средней Азии времени монгольского владычества[1] в известной степени повезло. Это один из немногих разделов среднеазиатской нумизматики, давно привлекших к себе пристальное внимание исследователей. Некоторое количество монет попало в каталожные описания, и уже в 1891 г. была сделана попытка свести воедино все известные к тому времени материалы о чагатаидском чекане[2]. Опубликована довольно полная сводка монетных дворов XIII — начала XIV в. и дат чекана монет этого времени[3]. Отдельные монеты

---

[1] Здесь и дальше под Средней Азией подразумевается только та ее часть (к востоку и северо-востоку от Амударьи), которая почти все время входила в состав Чагатаидского государства. Монетное дело на территории современной Южной Туркмении и Хорезма здесь не рассматривается.

[2] E. E. Oliver («The Coins of the Chaghatai Mughal»,— JASB, vol. LX, pt 1, № 1, 1891, стр. 8—16) использовал преимущественно неопубликованные чагатаидские монеты (из своего собрания и из коллекций других лиц), а также и публикации. В результате в его работе оказалось немногим более полусотни монет, в подавляющем большинстве серебряных XIV в., чеканенных уже после реформы Кебека, т. е. со второй четверти этого столетия. Насколько мало тогда были известны более ранние монеты, видно из того, что даже виднейшие нумизматы одинаковым маленьким серебряным монетам давали разное и неверное определение (см. Приложение, стр. 152—153).

[3] Наиболее полный перечень этих монетных дворов и дат содержится в работе: А. К. Марков, Инвентарный каталог мусульманских монет имп. Эрмитажа, СПб., 1896 (с приложениями). Очень фундаментальный труд известного нумизмата Э. Цамбаура (E. Zambaur, Die Münzprägungen des Islams, Wiesbaden, 1968), завершенный почти через полстолетия и специально посвященный монетным дворам и датам так называемого мусульманского чекана, не внес почти ничего нового в этой части: сводка монетных дворов и дат XIII — начала XIV в. здесь в основном повторяет то, что было опубликовано Х. М. Френом, В. Трутовским и особенно А. К. Марковым. При этом следует иметь в виду, что в таблицах Е. Цамбаура обозначение металла монет довольно часто перепутано. Новые данные о монетных дворах и особенно датах чекана монет были получены лишь недавно, в результате обработки кладов монет (см. ниже, стр. 51—60 и табл. 19 на стр. 98—99).

и целые клады кратко описаны в работах, посвященных регистрации монетных находок на территории Средней Азии. Имеются более серьезные и обстоятельные публикации. Отдельные вопросы чагатаидской нумизматики вызвали живой обмен мнениями. Из частных вопросов особое внимание исследователей привлекли два: «угрожающие» надписи на самаркандских монетах XIII в. и имя халифа Насира, весьма долго после его смерти проставлявшееся на джучидских и особенно чагатаидских монетах.

Не приводя здесь подробной истории изучения чагатаидских монет, отметим, однако, что особенно существенным вкладом в чагатаидскую нумизматику являются статьи об отдельных кладах среднеазиатских монет XIII—XIV вв. Подробная и обстоятельная публикация кладов, по существу, соответствует критическому изданию письменного источника. В этом смысле публикация кладов является своего рода подготовкой самого полноценного источника для изучения любых вопросов монетного дела. Упомянутые же статьи включают, как правило, не только необходимое описание состава кладов, но и решение ряда частных и общих вопросов чагатаидской нумизматики. Небезынтересно отметить, что среди всех кладов среднеазиатских средневековых монет (изученных, обстоятельно описанных и опубликованных в виде отдельных статей) клады чагатаидских монет по числу такого рода публикаций занимают одно из первых мест. Этих кладов насчитывается восемь: клад золотых монет XIII в.[4], три клада серебряных монет XIII — XIV вв.[5], три клада медных посеребренных дирхемов XIII в.[6] и клад монет утвари фальшивомонетчика XIV в.[7].

---

[4] Г. А. Федоров-Давыдов, Клад золотых монет XIII в. из Средней Азии,—НЭ, II, 1960, стр. 118—140.

[5] М. Е. Массон, Монетный клад XIV века из Термеза,— «Бюллетень САГУ», вып. 18, № 7, 1929, стр. 53—68; его же, Исторический этюд по нумизматике Джагатаидов (по поводу Таласского клада монет XIV в.),— «Труды САГУ. Новая серия», вып. CXI, 1957, стр. 41—108; В. Д. Жуков, Дукентский клад (Предварительное сообщение),— сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 1, Ташкент, 1959, стр. 176—207; его же, Чекан Кенджде и анэпиграфические монеты в Дукентском кладе (Дополнение к предварительному сообщению),— сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 307—312.

[6] З. А. Альхамова, Клад медных посеребренных самаркандских дирхемов 663 г. х.,— «Труды САГУ. Новая серия», вып. XI, 1950, стр. 69—74; Е. А. Давидович, Клад медных джагатаидских монет XIII в.,— «Доклады АН УзССР», 1949, № 6, стр. 35—38; ее же, Заметки по нумизматике Средней Азии, ч. 1 (Караханиды, Джагатаиды, Джаниды),— «Материальная культура Таджикистана», вып. 2, Душанбе, 1971, стр. 181—183.

[7] М. Е. Массон, Клад утвари мастерской фальшивомонетчика XIV века под Ташкентом,— «Материалы Узкомстариса», вып. 4, Ташкент, 1933.

Первые обобщающие характеристики денежного хозяйства Чагатаидов принадлежат историкам[8]. В этих характеристиках многое ошибочно, в чем, однако, нельзя винить авторов: нумизматические материалы тогда не были достаточно разработаны для использования.

В нумизматической литературе первый опыт обобщающей характеристики и периодизации монетного дела при Чагатаидах, основанный на изучении значительного числа монет того времени, принадлежит М. Е. Массону. Чекан и обращение монет в Средней Азии XIII—XIV вв. он делит на три этапа. Первый этап — время господства крупного медного дирхема и золотого динара. Второй этап (начало — 669/1270 г.) — время исчезновения медного дирхема, замены золотой валюты серебряной, восстановления на многих монетных дворах чекана серебряного дирхема весом примерно 1,9 *г*, но без единого общегосударственного образца. Третий этап начинается реформой Кебека, проведенной в 1321 г. Реформа установила чекан «общегосударственной монеты, основанной на употреблявшейся в Персии и Золотой Орде серебряной системе и чеканившейся от имени хана, что являлось внешним выражением проводившейся политики государственной централизации и постепенного вытеснения местной автономии». В основу нового чекана был положен дирхем весом около 1,4 *г* и динар (равный 6 дирхемам) весом выше 8 *г* — «...в соответствии с весом таковых же динаров, выпускавшихся в Персии при преемниках Газан Махмуда». Чекан монет, особенно на первых порах, был чрезвычайно интенсивным и напряженным[9]. Далее М. Е. Массон подробно излагает подмеченные им последствия реформы Кебека.

Периодизация М. Е. Массона отражает основные особенности и сдвиги в развитии монетного дела Средней Азии при Чагатаидах. Представляется, однако, что предложенная им сравнительная оценка значения каждого этапа в истории монетного дела XIII—XIV вв. должна быть пересмотрена — особенно, если использовать нумизматические материалы как источник для изучения путей и темпов частичного восстановления городской жизни, товарного производства и денежной торговли. Правда, такой задачи перед собой М. Е. Массон не ставил. Следует также отметить, что первый этап (по периодизации М. Е. Массона), как показало изучение более обширного монетного материала, не был однородным. Появилась необходимость расчленить первый этап на две части. Кроме того, начало этапа, который М. Е. Массон назвал вто-

---

[8] В. В. Бартольд, *История Туркестана*,— *Сочинения*, т. II/1, М., 1963, стр. 152—153; его же, История культурной жизни Туркестана,—там же, стр. 263; А. Ю. Якубовский в «Истории народов Узбекистана», т. I, Ташкент, 1950, стр. 339. См. подробнее на стр. 122—123.

[9] М. Е. Массон, Исторический этюд..., стр. 75—80.

рым (третий этап нашей периодизации), кажется более правильным относить не к 669/1270-71, а к 670/1271-72 г.

Развития монетного дела в XIV в. и реформы Кебека мы здесь не касаемся: это самостоятельная тема, выходящая за хронологические рамки нашей работы. Отметим лишь, что наиболее подробное описание реформы Кебека и монетного дела последующего времени принадлежит М. Е. Массону [10]. Может быть высказано одно дополнительное соображение. Безусловно, системы Хулагуидов и Джучидов оказали влияние на реформу Кебека. Но это, очевидно, не касается ее весовой стороны. Если вес дирхемов и динаров Кебека (как утверждает М. Е. Массон) был соответственно около 1,4 *г* и выше 8 *г*, весовая сторона реформы Кебека выглядит совершенно самостоятельной. Серебряный дирхем Золотой Орды после реформы 710/1310-11 г. весил 1,59 *г* [11]. Серебряный дирхем Хулагуидов весил при Абу Са'иде сначала 1,775 *г* (1317—1326/7 гг.), затем—1,60 *г* (1326/7—1333 гг.) и только с 1333 г. (т. е. много позже среднеазиатской реформы Кебека!) — 1,40 *г* [12].

Что же касается денежного хозяйства при Чагатаидах в XIII в., то для его изучения нами проработан достаточно обширный неопубликованный материал: два больших клада серебряных монет, несколько кладов золотых монет и медных посеребренных дирхемов и коллекции монет в Государственном Эрмитаже (Ленинград) [13], Государственном Историческом музее (Москва), в Музее истории АН УзССР (Ташкент) и в Институте истории АН ТаджССР. Интересный дополнительный материал именно о составе кладов удалось найти в архиве Археологической комиссии. Изучение более обширного нумизматического фонда, чем тот, которым раньше пользовались историки и нумизматы, подсказало и новую периодизацию истории монетного дела Средней Азии в XIII в.: первый этап — до середины XIII в.; второй — 50—60-е годы; третий этап — с 670/1271-72 г.

Задачу свою автор видит в том, чтобы на основании изучения и анализа доступного ему нумизматического материала расширить и дополнить опубликованные характеристики монетного дела при Чагатаидах в XIII в., пересмотреть неко-

---

[10] Там же, стр. 77 и сл.

[11] Г. А. Федоров-Давыдов, Основные закономерности развития денежно-весовых норм в Золотой Орде,— «Археографический ежегодник за 1957 г.», М., 1958, стр. 11.

[12] Г. А. Федоров-Давыдов, К вопросу о денежном курсе золота в Иране и Средней Азии в XIV в.,— КС ИИМК, 66, 1956, стр. 56. То обстоятельство, что дирхем весом 1,40 *г* установлен только с 733/1332-33 г., зафиксировал еще А. К. Марков («Каталог джелаиридских монет», СПб., 1897, стр. LXXIX).

[13] Чагатаидские монеты ГЭ опубликованы (А. К. Марков, Инвентарный каталог...), но с недостаточной степенью подробности.

торые точки зрения по частным и общим вопросам, поставить и в возможной степени разрешить ряд новых вопросов. Сразу, однако, нужно оговорить, что наличный нумизматический материал далеко не достаточен для решения всех тех вопросов, которые он позволяет поставить. Новые монетные находки, безусловно, откроют новые, более широкие возможности перед исследователями. Тем не менее уже и сейчас историки смогут убедиться в ценности нумизматического источника для конкретно-исторической характеристики экономического состояния Средней Азии в XIII в. и в необходимости привлекать его как дополнение к письменным источникам и археологическим данным.

Хотя некоторые вопросы экономической жизни страны и затронуты в настоящей работе (особенно в Заключении), автор отнюдь не ставил перед собой задачу характеризовать состояние и частичное восстановление хозяйства в той мере, в какой это было бы возможно на основании всех видов источников. Автор, наоборот, рассматривает свою работу как один из подготовительных этапов изучения этой кардинальной проблемы.

Список сокращений

АК — Археологическая комиссия
АН — Академия наук
ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва)
ГМТР — Государственный музей Татарской АССР (Казань)
ГЭ — Государственный Эрмитаж (Ленинград)
ЗВО — «Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества», СПб., Пг.
ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук СССР
ИИТ — Институт истории АН ТаджССР
КС ИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР», М.
ЛОМ — Ленинабадский областной историко-краеведческий музей Таджикской ССР
МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР»
МИ Уз — Музей истории АН УзССР
НЭ — «Нумизматика и эпиграфика», М.
СА — «Советская археология», М.
САГУ — Среднеазиатский государственный университет (Ташкент)
СМ — Республиканский музей истории и культуры узбекского народа, Самарканд, УзССР
ЭВ — «Эпиграфика Востока», М.— Л.
JASB — «The Journal of the Asiatic Society of Bengal», Calcutta

Глава 1

КЛАССИФИКАЦИЯ МЕДНЫХ ПОСЕРЕБРЕННЫХ ДИРХЕМОВ ПЕРВЫХ ДВУХ ЭТАПОВ. КЛАДЫ. ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА «МЕНГУ» В НАДПИСЯХ МЕДНЫХ ПОСЕРЕБРЕННЫХ ДИРХЕМОВ

Источник характеристики монетного дела первых двух этапов — несколько кладов медных посеребренных дирхемов, клады золотых монет и отдельные экземпляры разных музейных собраний. Некоторое количество чагатаидских монет того времени уже опубликовано. В этих публикациях высказаны разные соображения по частным вопросам, преимущественно относительно чтения и смысла монетных надписей. Некоторые из высказанных в печати соображений такого рода требуют пересмотра, с другими нельзя не согласиться. Однако все эти частные вопросы нумизматики Чагатаидов мы не выделяем в особый раздел, предполагая рассмотреть их по мере описания и классификации самого монетного материала.

Сводного описания и типологической классификации медных посеребренных дирхемов XIII в. в литературе нет. Их, как и аналогичного облика крупные монеты предшествующего времени, считали просто медными и именовали то медными фельсами, то медными дирхемами. Позже было установлено, что многие из такого рода дирхемов сохранили следы поверхностного покрытия тонким слоем белого металла. Было предположено, что они покрывались серебром, что подтвердил спектральный анализ одной из монет[1]. Следовательно, во второй половине XII и на протяжении трех четвертей XIII в. караханидские, хорезмшахские (ануштегинидские) и чагата-

---

[1] Подробнее см.. (там же литература вопроса): Е. А. Давидович, Из области денежного обращения в Средней Азии XI—XII вв.,— НЭ, II, 1960, стр. 105—107. Дополнительные примеры серебрения этих дирхемов см.: Г. В. Шишкина, Клад медных монет с Афрасиаба,— сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 5, Ташкент, 1964, стр. 113—114 и табл. 1.

идские медные дирхемы на самом деле имели внешний вид серебряных монет, т. е. по первоначальному замыслу предназначались для обслуживания сферы серебряного обращения. Иначе говоря, это были знаки стоимости с принудительным курсом, предназначенные заменить в денежном хозяйстве настоящие серебряные монеты.

Размер и вес медных посеребренных дирхемов в XIII в. после монгольского завоевания не всегда был одинаковым в разных городах и в одном городе за разные годы. Но все же общей их чертой является относительно высокий вес, относительно большие размеры и правильная круглая форма самих монетных кружков, красивый почерк надписей и хорошее оформление. Такими внешними признаками эти монеты сходствуют с позднекараханидскими и хорезмшахскими; эти же внешние признаки позволяют легко выделить их среди всех прочих медных монет средневековой Средней Азии.

Опубликованные крупные медные посеребренные чагатаидские дирхемы первых двух этапов чеканены в Бухаре, Самарканде и Отраре. К этим экземплярам мы сможем прибавить несколько новых типов и дат, характеризующих чекан этих трех монетных дворов. И совершенно новым является чекан посеребренных дирхемов Ходженда: по литературе до сих пор были известны только золотые монеты Ходженда этого времени.

Приводимое ниже описание монет построено следующим образом. Чекан каждого монетного двора рассмотрен отдельно. В основу описания положен тип, т. е. комплекс признаков (содержание и взаиморасположение надписей, картуши и прочие декоративные элементы), позволяющих легко отличить одни монеты от других. Типы пронумерованы в хронологическом порядке (когда на монетах есть даты), а недатированные монеты (не имевшие или не сохранившие дат) отнесены в конец. Дальнейшие находки, конечно, уточнят хронологическое место недатированных сейчас типов. Монеты некоторых типов автор в натуре не видел, и их описание приводится по публикациям (такие случаи оговорены в примечаниях) [2].

---

[2] Однако некоторые из опубликованных монет мы не сочли возможным использовать ввиду недостаточно убедительного чтения надписей и определения. Например, очень интересной была бы крупная медная монета (очевидно, медный посеребренный дирхем), на которой Ф. Соре читает имя Чингисхана (правда, со знаком вопроса). Но такое чтение, судя по прорисовке монеты, весьма сомнительно (см.: F. J. Soret, Trois lettres sur des monnaies cufiques, rares ou inedites, du Musée de Genève,— «Memoires et Documents de la Société d'Histoire et d'Archeologie de Genève», t. 1, 1841, стр. 60—61).

В чекане БУХАРЫ удалось выделить семь типов[3].

Тип 1, Бухара, 629/1231-32 г. или 627/1229-30 г.[4]

Л. ст. В квадратном двухлинейном картуше — символ веры тремя строками: لا اله الا / الله محمد / رسول الله. Кругом, между двумя линейными ободками, — выпускные сведения.

Об. ст. В поле — упоминание халифа Насира с его титулатурой (тремя строками): الامام الاعظم / الناصر لدين الله / امير المومنين. Кругом как на л. ст.

Наименование монетного двора не вызывает сомнений — это Бухара. Относительно же даты Х. М. Френ высказал ряд сомнений и соображений. Сама надпись подсказывала чтение 627 или 629 г. х., но этому, по мнению Х. М. Френа, противоречило имя халифа Насира, так как в 627—629 гг. х. был халиф Мустансир. Поэтому более правдоподобным ему представлялось другое чтение — 617 или 619 г. х., хотя для этого ему пришлось признать ين от عشرين оторванной и сдвинутой со своего места буквой *ра* в слове عشر. Развивая далее свою мысль, Х. М. Френ из этих двух дат — 617 и 619 гг. х. — достоверной признал вторую, ибо чекан монет в 617 г. х. — в год разрушения Бухары Чингисханом — казался ему маловероятным. Х. М. Френ пришел к выводу, что монету следует приписывать Чингисхану и относить к 619/1222-23 г.

Не рассматривая в данной связи экскурс Х. М. Френа о причинах появления на монете Чингисхана имени халифа и отсутствии имени самого завоевателя, отметим лишь, что его соображения о датировке этой монеты следует признать ошибочными, хотя упрекать в этой ошибке знаменитого нумизмата никак нельзя. Сейчас в музеях накопилось большое число монет XIII—XIV вв., и по этим монетам видно, что имя халифа Насира не дает никаких оснований для датировки самих монет: имя этого халифа встречается в монетных надписях

---

[3] Х. М. Френ («Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении из прежнего собрания... К. Фукса в Казани», пер. М. Волкова, СПб., 1832, стр. 60, прим.) опубликовал, а В. Г. Тизенгаузен («Восточные монеты Н. П. Линевича»,— ЗВО, IV, 1890, стр. 302—303) повторил описание бухарской монеты с именем Чингисхана, но без даты. Оба нумизмата называют ее медной, не исключено, что она принадлежит к группе медных посеребренных дирхемов Бухары. Если бы вес, размеры (не упомянутые Х. М. Френом и В. Г. Тизенгаузеном) и общий облик подтвердили это предположение, экземпляр следовало бы считать первым типом среди медных посеребренных дирхемов Бухары. Пока мы не сочли возможным этой уникальной монете дать отдельный типовой номер.

[4] Описание типа дано по публикации и рисунку монеты: Х. М. Френ, Монеты ханов..., стр. 58—60, табл. XVI *в*.

вплоть до XIV в. (об этом см. гл. 9). Следовательно, и в данном случае наличие имени халифа Насира не требует «насилия» над монетными надписями: в соответствии с написанным дату следует читать именно как 627 или 629 г. х. Уточнить чтение единиц по прорисовке нельзя. Самому Х. М. Френу написание единиц казалось более похожим на девять, поэтому самая вероятная дата — 629/1231-32 г., и в этом случае монету никак нельзя отнести к Чингисхану.

Тип 2, Бухара, 628/1230-31 г.[5]

Л. ст. В 16-лепестковом картуше — символ веры тремя строками (как у типа 1). Кругом, между двумя линейными ободками, — выпускные сведения (сохранилось только наименование монетного двора ... لده بخارا — Бухара).

Об. ст. В поле — упоминание халифа Насира с титулами тремя строками (как у типа 1), а сверху не совсем разборчивая надпись (видимо, بخارا «Бухара»). Кругом, между внутренним двухлинейным и внешним однолинейным ободками, — выпускные сведения (сохранилась дата — [6]28 г. х.).

Тип 3, Бухара, 637/1239-40 г.[6]

Л. ст. В квадратном, украшенном орнаментом картуше — символ веры тремя строками: لا اله الا الله / وحده لا شريک له. Кругом, между двумя линейными ободками, — выпускные сведения, сохранилось: ... بخارا ... سبع ثلثين ستمايه

Об. ст. В поле — вторая часть символа веры тремя строками, сверху — наименование монетного двора («Бухара»), снизу — титул (*каан*): بخارا / لا اله الا الله / محمد رسول الله / قاان. Кругом, между внутренним двухлинейным и внешним однолинейным ободками, — выпускные сведения (сохранились незначительные фрагменты).

Тип 4, Бухара, 651/1253-54 г.[7] (фототабл. 1/5)

Л. ст. В поле — символ веры тремя строками (как у типа 1), сверху — منصوری, снизу — точка. Кругом, между двумя линейными ободками, — выпускные сведения, сохранилось: ضرب هذا الدرهم ببلده بخارا.

Об. ст. В круглом картуше, обрамленном орнаментом, — منگو

---

[5] Монета ГИМ.

[6] Монета ГИМ.

[7] Монет этого типа много, в том числе и опубликованных. Описание дано по неопубликованным экземплярам ГИМ, СМ и ГЭ (один экземпляр ГЭ опубликован А. К. Марковым, но без подробного описания и без надписей).

قاانی. Кругом, как на л. ст., сохранилось: ضرب هذا الدرهم ببلده بخارا احدی خمسین.

В литературе опубликовано несколько монет этого типа. Авторы этих публикаций прочитали в круглом картуше оборотной стороны не منگو قاانی, а منگو قاان — без конечного *йа*[8]. На всех доступных мне экземплярах наличие конечного *йа* не вызывает сомнений, ибо буква *нун*, будучи последней, имела бы совсем другое начертание. В данном же случае ясно видны две буквы: *нун* изображена в виде простого зубца, переходящего в *йа*, опущенный вниз и загнутый направо, назад. Любопытно, что прорисовка монеты этого типа в труде Х. М. Френа имеет такое же начертание разбираемой легенды.

Наличие конечного *йа* в надписи منگو قاانی имеет принципиальное значение при истолковании ее смысла.

Тип 5, Бухара, 660/1261-62 г.[9] (фототабл. 1/6)

Л. ст. В круглом картуше, обрамленном орнаментом, — наименование монетного двора двумя строками: سکه / بخارا. Кругом, между двумя линейными ободками, — выпускные сведения: ضرب هذا الدرهم بالبلده الفاخره سنه ستين و ستمایه, причем вместо слова «Бухара» ее эпитет.

Об. ст. В круглом картуше, обрамленном орнаментом, — «Бухара», переданная китайскими иероглифами. Кругом как на л. ст.

Тип 6, Бухара, 663/1264-65 г.[10]

Л. ст. В центральном картуше, обрамленном орнаментом (отличным от орнамента типа 5), — наименование монетного двора двумя строками: سکه / بخارا. В трех фигурных кар-

---

[8] Ch. M. Fraehn, Recensio numorum muhammedanorum..., Petropoli, MDCCCXXVI, стр. 422—423, № 1; Х. М. Френ, Монеты ханов..., стр. 61, № 439; F. Erdmann, Numi asiatici musei Universitatis Caesareae Literarum Casanensis, pt 1, Casani, 1834, стр. 309; В. Трутовский, Московский публичный и Румянцевский музей. Нумизматический кабинет, вып. III. Каталог восточных монет, М., 1886, стр. 123, № 3825; Р. Шерцль, Описание медалей и монет, хранящихся в нумизматическом кабинете имп. Харьковского Университета, III. Восточныя монеты, Харьков, 1912, стр. 116, № 6927, и др.

[9] Несколько монет этого типа опубликовано (см.: Ch. M. Fraehn, Recensio..., стр. 428, № 2; Х. М. Френ, Монеты ханов..., стр. 61, № 440, и др.). В публикациях иногда встречается ошибка при описании монет этого типа (см., например: F. Erdmann, Numi asiatici..., стр. 310—311). Нами проработаны также и неопубликованные монеты МИ Уз и ГИМ.

[10] См.: Ch. M. Fraehn, Recensio..., стр. 423, № 3. Проработанные в натуре монеты ГЭ (часть их опубликована А. К. Марковым без подробного описания) позволили полностью восстановить круговую надпись оборотной стороны.

тушах орнаментального обрамления — часть благочестивого восклицания (очевидно, الملک). Круговой легенды нет. Ободок точечный.

Об. ст. В восьмигранном картуше, обрамленном орнаментом, — китайские иероглифы. Круговая надпись содержит выпускные сведения: ضرب هذا الدرهم بالبلده الفاخره بسم اله(!) سنه ثلاث وستين وستمايه, причем вместо слова «Бухара» только ее эпитет.

Тип 7, Бухара, 666/1267-68 и 667/1268-69 гг.[11] (фототабл. 2/*1*)

Л. ст. В 12-лепестковом картуше — символ веры тремя строками: لا اله الا الله / وحده لا شريک له, сверху — более мелкими буквами الله, снизу — наименование монетного двора بخارا «Бухара». Кругом — выпускные сведения: ضرب هذا الدرهم ببلده الفاخره سنه (سه или) ست (سبع или) و ستمايه (و ستين или) ستين. Ободок линейный.

Об. ст. В 8-лепестковом картуше — другая часть символа веры тремя строками: لا اله الا الله / محمد رسول الله, а сверху и снизу более мелкими буквами как на л. ст. Круговая надпись и ободок как на л. ст., только слово сотен в дате уместилось не целиком.

В чекане САМАРКАНДА по опубликованным и неопубликованным монетам удалось выявить десять типов.

Тип 1, Самарканд, 619/1222-23 или 617/1220-21 г.[12]

Л. ст. В поле — символ веры и имя халифа Насира: لااله الا الله / محمدر سول الله الناصر لدين الله. Кругом, между внутренним двухлинейным и внешним однолинейным ободками, — выпускные сведения (лучше сохранившиеся на об. ст.).

Об. ст. В поле — эпитет *хани* и упоминание тремя строками халифа Насира с его титулами: خانى / الامام الاعظم / الناصر لدين الله / امير المومنين. Внизу — виньетка. Кругом, между

---

[11] Тип описан по неопубликованным монетам ГИМ, ГЭ и Института истории и археологии АН УзССР.

[12] Описание типа дано по неопубликованным экземплярам ГИМ и МИ Уз. Монеты такого типа опубликовал М. Н. Федоров, который уверенно читает дату как 617 г. х. и полагает, что чеканены они во время осады Самарканда монголами или в конце 616 г. х. (М. Н. Федоров, Мухаммад хорезмшах и чекан Самарканда в конце первого и во втором десятилетии XIII в. (Нумизматические данные к истории Самарканда начала XIII в.),— сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 6, Ташкент, 1955, стр. 169). На наш запрос М. Н. Федоров ответил, что другое чтение — 619 г. х.— на публикуемых им монетах тоже возможно.

линейными ободками, — выпускные сведения: بسم الله ضرب هذا الدرهم بلده سمرقند بتاريخ سنه سبع عشر وستمايه.

Слово единиц в дате на монетах типа 1 начертано так, что позволяет двоякое чтение: «7» и «9». Если это 617 г. х.— эти монеты можно было бы считать эмиссией и хорезмшаха Мухаммада, и монголов. Но первый чеканил монеты от своего имени, монеты же типа 1 анонимные — имени государя на них нет. Следовательно, чеканены они уже после взятия Самарканда монголами. В этом случае более правдоподобен 619/1222-23 г.

Тип 2, Самарканд, 619/1222-23 или 617/1220-21 г.[13] (фототабл. 2/2)

Л. ст. В фигурном картуше — символ веры тремя строками: لا اله الا الله / محمد رسول الله. Кругом, между линейными ободками, — выпускные сведения, реконструируется: بسم الله... سنه سبع عشر وستمايه.

Об. ст. В поле — эпитет и упоминание халифа Насира: قادری / الامام الاعظم / الناصر لدين الله / اميرالمومنين. Внизу — виньетка. Кругом, между внутренним двухлинейным и внешним линейным ободками, — выпускные сведения, сохранилось: بسم الله ضر... الدرهم بسمرقند سنه.

Тип 3, Самарканд, 622/1225 г., месяц мухаррам (рис. 1/1)[14]

Л. ст. В маленьком круглом картуше — наименование монетного двора سمرقند «Самарканд». Надписи по сторонам образуют два квадрата. Внутренний квадрат — надпись بسمرقند / ونواحی / او این / شهرروان. Внешний квадрат — надпись, содержащая выпускные сведения: ضرب هذالدر / هم بسمرقند/سنه اثناو/عشرين وستمايه. Ободок линейный.

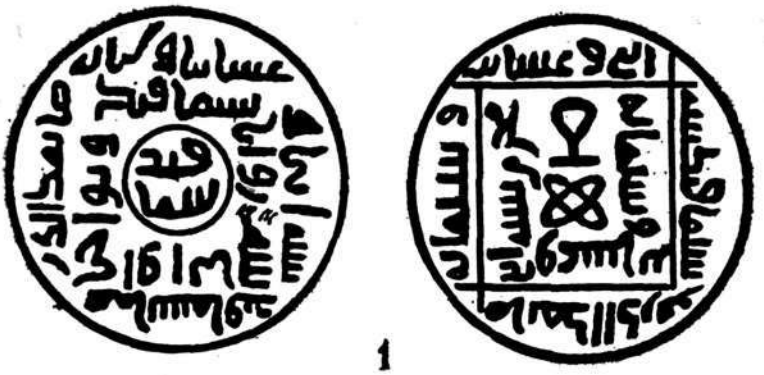
Об. ст. В квадратном картуше — две тамги (рис. 1/2—3)[15].

---

[13] Тип описан по монете ГЭ (проработанной в натуре) и по публикации М. Н. Федорова («Мухаммад хорезмшах и чекан Самарканда...», стр. 169—170, II тип). А. К. Марков («Инвентарный каталог...», стр. 300, № 45) отнес монету ГЭ к чекану хорезмшаха Мухаммада, но ее следует считать «монгольской» в силу тех же соображений, что и монеты типа 1 (в первую очередь в силу отсутствия имени Мухаммада). М. Н. Федоров на монете СМ эпитет читает как قدری (на монете ГЭ ясно قادری), а дату — как 617 г. х.

[14] Описание типа дано по неопубликованным экземплярам МИ Уз.

[15] Среди монгольских тамг (B. Rintchen, Les signes de propriete chez Mongols,— «Archiv orientalni», XXII, Praha, 1954, № 2—3, стр. 470) тамга в виде плетенки есть (№ 177). Эта же тамга встречается и на мелких серебряных монетах третьего этапа (см. гл. 5). Вторая тамга этих самаркандских монет подобна (хотя очертание полностью и не совпадает) монгольской тамге № 146. Но не исключено, что это местные тамги.



1

2 3 4 5 6 7

Рис. 1. *1* — медный посеребренный дирхем 622 г. х. (реконструкция типа); *2—7* — тамги на монетах первого этапа

По сторонам в виде буквы «п» расположена надпись, содержащая дату (месяц и год) выпуска: محرم سنه اثنى / وعشرين / وستمايه. В сегментах вне картуша — выпускные сведения как на л. ст.: ضرب هذالدرهم / بسمرقند دمه(!) / اثنى وعشرين / وستمايه. Ободок линейный.

Монеты типа 3 уникальны, нам неизвестны публикации монет такого типа. Между тем они весьма интересны для характеристики чекана и обращения медных посеребренных дирхемов. Особенно примечательна надпись лицевой стороны, совершенно четко реконструируемая по нескольким монетам— بسمرقند و نواحى او اين شهرروان «В Самарканде и его округе это ходячая монета». Надпись эта важна и сама по себе, и как первое, до сих пор неизвестное звено в сложении типа самаркандских монет с «угрожающими» надписями (см. ниже, стр. 43, 132).

Нельзя не отметить также указание месяца в надписях монет 622 г. х. Любопытно, что месяц иногда отмечался на медных посеребренных дирхемах и Отрара (см. ниже, стр. 19, 21)[16].

[16] В чагатаидском чекане наличие месяца в дате до сих пор было зафиксировано лишь на значительно более поздних серебряных дирхемах и динарах. Сводку упоминания месяцев на серебряных динарах XIV в. составил М. Е. Массон («Исторический этюд...», стр. 102). В. Д. Жуков («Дукентский клад...», стр. 199) утверждает, что названия месяцев встречаются на мелких серебряных дирхемах Термеза (третьего этапа по нашей периодизации).

Тип 4, Самарканд, 624/1226-27 г.[17] (фототабл. 1/*4*)

Л. ст. В центре поля две тамги (рис. 1/*4—5*), вторая в виде лука со стрелой[18]. По сторонам — надпись, образующая прямоугольник: خانی / بسمر / قند و / نواحی. Кругом, между линейными ободками, — выпускные сведения ضرب هذالدرهم سمرقند سنه اربع عشرین ستمایه.

Об. ст. В центре 15-лепесткового картуша надпись тремя строками: منگو / چنگزی / چنگز خان. По сторонам, но внутри картуша, расположена надпись, образующая квадрат. Она содержит выпускные сведения: ضرب هذالد / رهم سمر / قند سنه / اربع عشر, которые целиком не уместились (нет конца слова десятков и слова сотен в дате). Ободок линейный.

Монеты типа 4 весьма интересны. Надпись лицевой стороны بسمرقند و نواحی в несколько сокращенном варианте повторяет соответствующую надпись типа 3. Обе эти надписи имеют один смысл: они подчеркивают, что монеты предназначены для Самарканда с округой, являются законным средством обращения для этой территории. Но если монеты типа 3 анонимные, то на монетах типа 4 — имя Чингисхана. На монетах типа 4 еще одна весьма интересная надпись — منگو چنگزی. В. Г. Тизенгаузен читал ее неверно, как منگو بنصرة, сопроводив, правда, свое чтение знаком вопроса. Первое слово, *менгу*, сомнений не вызывает. Второе слово написано совершенно так же, как и имя «Чингис» в третьей строке: очертания букв и все соединения совершенно одинаковы. Единственная разница заключается в том, что после имени چنگز во второй строке стоит буква *йа* (в самом типичном начертании, с концом, загнутым вправо, назад), а в третьей строке — титул «хан». Таким образом, во второй строке имя без титула дано в форме относительного прилагательного, определяющего предшествующее слово.

Следовательно, надпись в целом следует читать и переводить так: منگو چنگزی چنگز خان «монета чингизова, Чингиз-хан».

---

[17] Монета этого типа из коллекции Бухарина подробно описана В. Г. Тизенгаузеном (ЗВО, VI, стр. 253—254; прорисовка не совсем точна). Хранящаяся в ГЭ и упомянутая в 4-м приложении к каталогу А. К. Маркова монета такого же типа обработана нами, что позволило несколько уточнить чтение В. Г. Тизенгаузена. Очевидно, монета ГЭ — та самая, которую опубликовал В. Г. Тизенгаузен.

[18] Лук со стрелой известен среди монгольских тамг (B. Rintchen, Les signes..., стр. 47, № 122 на табл.), но встречается и в домонгольском чекане Средней Азии.

Тип 5, Самарканд, 630/1232-33, 631/1233-34 гг.(?)[19] (фототабл. 2/*3*)

Л. ст. В поле — трехстрочная надпись: / این ونواحی -سمرقند / شهر هر که. Сверху — тамга (рис. 1/*6*)[20], снизу — виньетка. Кругом, между линейными ободками, — выпускные сведения (дата).

Об. ст. В поле — трехстрочная надпись (продолжение надписи л. ст.): نگیرد / گناه / کاربود. Кругом, между внутренним двухлинейным и внешним однолинейным ободками, — выпускные сведения (дата).

В. Л. Вяткин на Афрасиабе (городище домонгольского Самарканда) обнаружил медный штамп в виде цилиндра (высота 2,8 *см*, диаметр 4,0 *см*) для чекана монет и медные монеты, часть которых была отчеканена с двух сторон, другая — только с одной стороны. Этот штамп В. Л. Вяткин сопоставляет с самаркандскими монетами 630 г. х., читая именно эту дату в круговой надписи. В центре — зеркально-обратная надпись лицевой стороны سمرقند / و نواحی این / شهر هر که. Дату по фотографии проверить невозможно, надпись же поля лицевой стороны расположением, очертанием букв и прочими деталями действительно сходствует с лицевой стороной монет типа 5. М. Е. Массон считает, что этот штамп был изготовлен фальшивомонетчиком[21].

---

[19] Описание монет 630 г. х. дано по публикации В. Г. Тизенгаузена (ЗВО, VI, стр. 253; чтение В. Г. Тизенгаузена повторил А. К. Марков, Инвентарный каталог..., стр. 547, № 1) с учетом всех последующих поправок В. В. Бартольда (ЗВО, XII, стр. XXVII). В круговых надписях перед словом سنه, где, как правило, стоит наименование монетного двора или выражения вроде فی شهور или بتاریخ, здесь пока еще не прочтенное слово, видимо из семи букв. В. Г. Тизенгаузен предлагал (со знаком вопроса) читать بتاریخ, но это не соответствует начертанию. Дату 630 г. х. В. Г. Тизенгаузен читал со знаком вопроса, А. К. Марков — уверенно. На неопубликованном экземпляре МИ Уз, № 25/3, на оборотной стороне четко читается [6]30 г. х. А. К. Марков (там же, № 2—3) упоминает медные монеты Самарканда 631 г. х., не приводя их надписи. Мы не имели возможности осмотреть их в натуре, но фотография монеты № 2 показывает, что она не отличается от монет 630 г. х., это тоже тип 5. Чтение даты как 631 г. х. вызывает некоторые сомнения, так как на оборотной стороне для слова единиц есть только одна буква — *алиф*. Круговая легенда лицевой стороны на фотографии видна плохо.

[20] Такой формы тамгу B. Rintchen привел среди монгольских тамг («Les signes...», стр. 470, № 124 на табл.). Но такая же тамга известна с глубокой древности — ср. надчекан на сасанидских монетах клада, найденного в Душанбе (Н. Н. Забелина, Обзор древнейших монет из коллекции Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР,— «Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР», вып. 1, Сталинабад, 1952, стр. 80).

[21] В. Вяткин, Матрица и штамп из Самарканда,— «Известия Средазкомстариса», вып. 1, Ташкент, 1926, стр. 71—73 и рис. 1; М. Е. Массон, Клад утвари фальшивомонетчика XIV века под Ташкентом, стр. 16—17.

Тип 6, Самарканд, дата неизвестна[22]

Л. ст. В 13-лепестковом картуше — символ веры тремя строками: لا اله الا / الله محمد / رسول الله. Круговая надпись стерта.

Об. ст. В поле — *хакан* (?)[23] и упоминание халифа Насира: خاقان(؟) / الامام الاعظم / الناصر لدين الله / امير المومنين. В круговой легенде сохранилось только наименование монетного двора بسمرقند

Тип 7, Самарканд, дата неизвестна

Л. ст. В центре поля — конец имени халифа Насира ...ين الله. По сторонам квадратом — символ веры и начало имени халифа Насира: لا اله الا / الله محمد / رسول الله / الناصر لد... Кругом, между внутренним двухлинейным и внешним линейным ободками, — выпускные сведения (дата стерта).

Об. ст. В поле — эпитет[24] и упоминание халифа Насира: ...[1] / الامام الاعظم / الناصر لدين الله / اميرالمومنين... Круговая надпись стерта.

Тип 8, Самарканд, дата неизвестна[25]

Л. ст. Во вписанной в круг звездообразной рамке — наименование монетного двора (двумя строками) سمر / قند. Кругом стерто.

Об. ст. В такой же, как на л. ст., рамке надпись двумя строками (посредине верхней — тамга, рис. 1/6): ونواحی این (آن или). Кругом стерто.

Тип 9, Самарканд, дата неизвестна

Л. ст. В двойном линейном круге — наименование монетного двора (двумя строками) سمر / قند. Кругом сохранилось слово السلطان.

Об. ст. В центре — тамга (рис. 1/7)[26], по четырем сторонам — надпись: ...نواحی / نگیرد / گناه / کار

---

[22] Описание типов 6—7 дано по публикации М. Н. Федорова («Мухаммад хорезмшах и чекан Самарканда...», стр. 170).

[23] Слово *хакан*, прочтенное М. Н. Федоровым на оборотной стороне типа 6, на месте, где обычно расположен эпитет, сомнительно.

[24] Эпитет на оборотной стороне типа 7 М. Н. Федоров предлагает читать как مرحومی, однако оговаривает, что написание букв م и ح «несколько нестандартное». М. Н. Федоров уверенно относит оба эти типа к 617 г. х., «так как в начале VII в. х. нам известны анонимные монеты Самарканда только для 617 г. х.». Это, конечно, не аргумент, так как известны анонимные монеты и для других лет. Вопрос датировки монет типов 6—7 мы оставляем пока открытым, хотя их типологическая близость к типам 1—2 несомненна.

[25] Описание типов 8—9 дано по публикациям В. Г. Тизенгаузена (ЗВО, VI, стр. 253) с учетом поправок В. В. Бартольда (ЗВО, XII, стр. XXIII).

[26] Тамга такой формы станет основной в чекане серебряных монет третьего этапа.

Тип 10, Самарканд, 663/1264-65 г.[27]

Л. ст. В поле — трехстрочная надпись: تاشلين / دا ايچلين / سمرقند. Кругом, между двумя линейными ободками, — выпускные сведения.

Об. ст. В поле — трехстрочная надпись (продолжение надписи л. ст.): بولغای / قلوغ و يال / الماغوچی. Кругом как на л. ст.

Чекан ОТРАРА за многие годы однотипен. Два варианта этого типа монет различаются лишь верхней строчкой поля оборотной стороны (на одних монетах خانی *хани*, на других منگو خانی *менгу хани*) и орнаментальными деталями[28].

Л. ст. В поле — символ веры и упоминание халифа Насира: لا اله‌الا / الله محمد / رسول الله ا / لناصر لدين / الله. Сверху — виньетка, по бокам — орнамент в виде кружков или значков параграфа (§). Кругом, между линейными ободками, — выпускные сведения.

Об. ст. В верхней строке поля — *хани* или *менгу хани*, затем упоминание халифа Насира с его титулами: или) خانی منگو خانی). Снизу — виньетка, по бокам как на л. ст. Кругом, между внутренним двухлинейным и внешним линейным ободками, — выпускные сведения.

Выпускные сведения на отрарских монетах содержат термин «дирхем» то в единственном числе الدرهم, то во множественном الدراهم. Даты в надписях двух сторон монетного кружка изредка бывают разные. Вообще же в Отраре монеты описанного типа выпускались почти ежегодно с 649/1251-52 по 662/1263-64 г.[29]. Изредка указывался и месяц производства монеты,

Тип недавно обнаруженных нами монет ХОДЖЕНДА почти полностью повторяет тип 1 монет Самарканда. Различаются они только круговыми надписями обеих сторон и некоторыми деталями (в том числе ошибками) надписей поля. В остальном содержание и взаиморасположение надписей поля лицевой и оборотной сторон на монетах типа 1 Самарканда и на монетах Ходженда одинаковы. Но время выпуска тех

---

[27] Надписи даны в соответствии с чтением и реконструкцией З. А. Альхамовой («Клад медных посеребренных дирхемов 663 г. х.», стр. 72).

[28] Реконструкцию первого варианта отрарского типа монет см.: Е. А. Давидович, Клад медных джагатаидских монет XIII в., стр. 35, рис. 1.

[29] Упомянутые в литературе более ранние даты (например, 646 г. х.) пока нельзя признать достоверными (см. стр. 22).

и других монет различно, и промежуток, их разделяющий, весьма велик. Приведем описание ходжендских монет.

Л. ст. В поле — символ веры и упоминание халифа Насира: لا اله الا الله / محمد رسول الله / الناصر لدين الله. Последняя строчка написана мелкими буквами, весьма схематично и условно. По бокам — точки. Кругом, между линейными ободками, — выпускные сведения.

Об. ст. В поле — эпитет *хани* и упоминание халифа Насира с титулами: خانى / الامام الاعظم / الناصر لدين الله / امير المومنين. Внизу — виньетка, с правой стороны (вертикально) — какое-то слово мелкими буквами. Кругом как на л. ст.

В круговых надписях разбираемых монет на многих экземплярах совершенно четко написано خجند «Ходженд». Вообще же круговые надписи сохранились очень фрагментарно и содержат ряд ошибок. Определение даты выпуска этих монет представило значительные затруднения. Лишь на одной монете дата восстанавливается достаточно определенно — [6]63 г. х. (видно слово единиц и почти целиком слово десятков). В других случаях была иная дата, слово единиц в ней — «пять», что позволяет всю дату реконструировать как [66]5 г. х.

* * *

Клады медных посеребренных дирхемов нередки. В этот раздел включено описание только тех кладов, состав которых выяснен с той или иной степенью полноты. Некоторые из них проработаны нами в натуре, другие приводятся по публикациям.

1. Клад найден в 1941 г. в пригороде Самарканда. Монеты правильной формы, почти одинаковых размеров (*Д*=37—38 *мм*), хорошей сохранности, на многих ясные следы серебрения, технических изъянов почти нет. В кладе 43 однотипные монеты, чеканенные в 663/1264-65 г. в городе Самарканде. В поле монет — тюркоязычная «угрожающая» надпись (тип 10 Самарканда по нашей классификации). В круговых надписях, содержащих выпускные сведения, небольшие различия: слово сотен в дате иногда совсем отсутствует, иногда изображено лишь частично; соединительных союзов в дате чаще нет, буквы имеют иногда разные очертания [30].

2. Клад найден в 1948 г. при прокладке железной дороги на ст. Чирчик Горная и состоит из 36 монет (34 целые и 2 разломанные), чеканенных в Отраре. В кладе монеты обоих вариантов отрарского типа (см. стр. 19), причем с *менгу хани* — 26 экземпляров, а с *хани* — 10. Круговая легенда про-

[30] З. А. Альхамова, Клад медных посеребренных самаркандских дирхемов 663 г. х., стр. 69—74.

чтена далеко не на всех монетах: на одних она то полностью, то частично стерта, на других — просто обрезана, не уместилась на монетном кружке в силу того, что он был меньше штампа. Дату полностью или частично удалось прочесть на 14 экземплярах. На одной монете, на двух ее сторонах, разные даты: 654/1256 и 655/1257 гг. Это значит, что в 655/1257 г. мастер-чеканщик еще использовал старый, прошлогодний штамп, что при однотипности монет не имело существенного значения, если старый штамп был в хорошем состоянии. Даты других монет — 656/1258 г. и 65. г. х. Наименование монетного двора сохранилось на 12 экземплярах. Слово «дирхем» во всех случаях, кроме одного, стоит во множественном числе. Частные различия круговых надписей: هذا и هذه, разное начертание буквы *ра* (то в виде наклонной дужки, то в виде горизонтальной волнистой линии).

Внешне монеты клада — кружки довольно правильной формы. Размеры их колеблются от 38—39 до 43—44 *мм*. Вес монет дает большой диапазон колебаний — от 6,38 до 10,57 *г*, но вес основной массы (26 экземпляров) располагается в пределах 6,8—7,9 *г*[31].

3. Клад (не опубликован), по сообщению А. Н. Бернштама, был найден в Южном Казахстане, на городище Кара-Гундучук (Кунчук) Шаульдерского района[32]. Клад состоял из 100 монет. А. Н. Бернштам передал нам для определения 18 монет. Все обработанные нами монеты — однотипные дирхемы Отрара, причем с *менгу хани* — 14 экземпляров, а с *хани* — 4. Круговые легенды на монетах либо выщерблены, либо стерты. Наименование монетного двора сохранилось на многих экземплярах. Слово «дирхем» встречается и в единственном и во множественном числе. Прочтены следующие даты: 652/1254-55, 655/1257, 656/1258 гг., 65. и 64. гг. х. На одной монете сохранилось начало названия месяца في جمادى الـ... Внешне монеты такие же, как в предыдущем кладе.

4. Клад (не опубликован) найден на городище Култепе Сары-Суйского района Джамбульской области Казахстана. Восемь монет клада доставлены нам для обработки О. И. Смирновой. Монеты чеканены в Отраре, обычного отрарского типа и даже одного и того же варианта (с *менгу хани*). На одном экземпляре сохранилась дата — 656/1258 г. Внешне монеты такие же, как в двух предыдущих кладах.

---

[31] Е. А. Давидович, Клад медных джагатаидских монет XIII в., стр. 35—38.

[32] Клад коротко (без всякого определения) упомянут в «Археологической карте Казахстана» (Алма-Ата, 1960, стр. 234, № 3395). Городище, на котором клад найден, датировано I—IV вв. Приводимое ниже определение клада (XIII в.) заставит пересмотреть подъемный материал с городища и, возможно, изменит его датировку.

5. Клад найден в 1929 г. в Чаяновском районе Чимкентского округа. М. Е. Массону доставлены пять экземпляров, которым дано следующее определение: все пять монет однотипны, только на одном экземпляре — *хани,* а на четырех — *менгу хани.* Экземпляр с *хани* чеканен в Отраре в 646 г. х. (?) (слово единиц стерто); из четырех экземпляров с *менгу* три биты в Отраре, а один как будто в Самарканде, причем все отнесены к [64]6 г. х.[33].

Следует оговорить, что даты, предложенные М. Е. Массоном, не кажутся достоверными. В первом случае слово единиц не сохранилось и реконструировано, очевидно, на основании слова единиц на других монетах, а слово десятков, не сохранившееся на других монетах, реконструировано по слову десятков первой монеты. Иначе говоря, М. Е. Массон исходил из предположения, что все пять монет чеканены в одном году, и реконструировал эту дату, соединив единицы одних монет с десятками другой. Достоверно пока неизвестно, был ли в 646 г. х. в Отраре выпуск монет того самого типа, который хорошо известен по монетам 649—662 гг. х. Четыре монеты М. Е. Массона, сохранившие слово единиц, с равным и даже большим основанием можно счесть выпущенными не в [64]6, а в [65]6 г. х., а первую — не в 64[6], а в 64[9] г. х. Относительно самаркандской монеты: другие экземпляры Самарканда такого совершенно «отрарского типа» пока неизвестны.

6. Клад найден в 1927 г. в окрестностях Намангана, М. Е. Массону доставлены восемь монет. Они аналогичны монетам предыдущего клада, т. е. чеканены в Отраре. Дата не сохранилась ни на одной монете[34].

7. Клад найден в 1958 г. на территории г. Ленинабада. Десять монет, доставленных нам на определение, однотипны и чеканены в Ходженде. Наименование монетного двора читается на большинстве монет, дата же фрагментарно сохранилась лишь на четырех монетах: на одной — слово сотен (600), на двух — слово единиц (5) и на одной — слово единиц с началом слова десятков (63). Таким образом, несомненна дата [6]63/1264-65 г. и очень вероятна дата [66]5/1266-67 г.

Ходжендские монеты разбираемого клада очень примечательны. На нескольких экземплярах четко видны следы двойного чекана: сдвинутые ободки, остатки перебитых круговых надписей и пр. Проще всего было бы допустить, что это следы двойного удара, сдвинувшего штамп. Ближайшее рассмотрение одной из монет (ИИТ, КП-700/*6*) показало, что на ней не следы сдвинутого при чекане штампа, а разновременный

---

[33] М. Е. Массон, Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 годах, стр. 12, № 22.

[34] Там же, № 23.

двойной чекан, т. е. перечекан старой монеты новым штампом. Так, на оборотной стороне монеты видны перебитые остатки надписи лицевой стороны какой-то другой, старой монеты, и наоборот. Внимательное рассмотрение перебитых фрагментов первоначальных надписей не оставило сомнений: первоначальная монета была чеканена в Самарканде в 619 (617?) г. х. (тип 1 по нашей классификации). Остатки этой даты сохранились на обеих сторонах монетного кружка, причем даже палеографические детали (например, буквы *айн* и *ха*) совпадают с самаркандскими монетами типа 1.

Сравнение самаркандских монет типа 1 с ходжендскими монетами открывает еще одно чрезвычайно интересное обстоятельство: они однотипны, различаются лишь незначительными деталями. Например, на оборотной стороне ходжендских монет справа в поле слово, которого нет на самаркандских. Совершенно четкое на самаркандских монетах имя халифа Насира на ходжендских частично превратилось в условное начертание. В надписях ходжендских монет есть ошибки, почерк менее изящен.

Все изложенное дает основание сделать два вывода: во-первых, тип ходжендских монет 663—665 гг. х. копирует тип самаркандских монет 619 (617?) г. х.; во-вторых, выпуск ходжендских монет частично базировался на простом перечеканивании самаркандских монет.

Нужно отметить, что резчик штампов для ходжендских монет не был достаточно опытен: повторяя тип самаркандских монет, он не все надписи понял и кое-где поэтому допустил ошибки или некоторую условность в начертании слов. Меньше ошибок и промахов у него оказалось в надписях поля, так как их он просто копировал, круговые же надписи с выпускными сведениями ему пришлось резать «самодеятельно», и поэтому здесь больше нелепостей.

* * *

В надписях медных посеребренных дирхемов Бухары, Самарканда и Отрара XIII в. встречается слово منكو *менгу*, которое уже давно привлекло внимание исследователей и получило разное истолкование. На бухарских монетах 651/1253-54 г. нумизматы, начиная с Х. М. Френа[35], под этим словом понимали имя каана Мунке — Менгу. Такое толкование казалось очень убедительным, так как в тот год, когда были выпущены эти монеты, действительно царствовал Мунке (1251—1259). Подкрепляло этот вывод и несколько неверное чтение монетной надписи: منكو قاان *Менгу каан* (вместо правильного منكو قاانى *Менгу каани*). К этому следует до-

[35] Ch. M. Fraehn, Recensio..., стр. 422—423, № 1; Х. М. Френ, Монеты ханов..., стр. 61, № 439.

бавить, что в письменных источниках принята двоякая передача имени этого каана арабскими буквами и один из этих двух вариантов — именно منگو (Джувейни и др.).

Позже стало известно, что слово *менгу* встречается не только на этих бухарских монетах. Оно оказалось на монетах Отрара за годы, когда каана Мунке уже не было, и на монетах Самарканда 624/1226-27 г., когда каана Мунке еще не было. В. Г. Тизенгаузен (1892 г.) [36] заключил, что это не могло быть именем каана Мунке и относится либо к какому-нибудь другому Менгу, либо является передачей монтольского слова «монета» арабскими буквами. В совокупности же со словом *хани* это означает «монета ханская». М. Е. Массон (1933 г.) [37] присоединился ко второму толкованию В. Г. Тизенгаузена, добавив, что аналогичный, вероятно, смысл имело употреблявшееся в XVI в. выражение *теньга хани*. Нами (1949 г.) в пользу этого же толкования приведены еще некоторые соображения. На однотипных отрарских монетах даже за одни и те же годы иногда стоит *менгу хани*, иногда же просто *хани*, что само по себе не позволяет в данном случае в слове *менгу* видеть имя государя. Для выражения *менгу хани* в смысле «монета ханская» упомянута еще одна аналогия — надпись надчекана Кундуза начала XVI в. فلوس عدل «монета доброкачественная» — слово *фулюс* к этому времени служило собирательным названием для медных монет любого достоинства [38]. Позже (1957 г.), пересмотрев чтение надписи на бухарских монетах 651/1253-54 г. и убедившись, что вместо منگو قاان следует читать منگو قاانی, мы пришли к выводу, что и в этой надписи, несмотря на совпадение годов чекана монет и царствования Мунке, правильнее видеть не имя государя. Надпись дана в форме относительного прилагательного, отсюда ее чтение и перевод — «монета каанская» (по аналогии с надписью отрарских монет منگو خانی «монета ханская»). Даже если допустить, что в данном случае словом *менгу* обозначено не слово «монета», а имя государя, это не меняет дела, перевод будет тот же: «[монета] Менгу-каанская» (по аналогии с другой надписью тех же отрарских монет: خانی «[монета] ханская») [39].

---

[36] В. Г. Тизенгаузен, *Нумизматические новинки*,— ЗВО, VI, 1892, стр. 254.

[37] М. Е. Массон, Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 годах, стр. 12.

[38] Е. А. Давидович, Клад медных джагатаидских монет XIII в., стр. 38.

[39] Е. А. Давидович, Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии среднеазиатских Караханидов,— «Нумизматический сборник», ч. 2, М., 1957 («Труды ГИМ», вып. XXVI), стр. 95—96.

Против понимания слова *менгу* как монгольского слова «монета», переданного арабскими буквами, в 1962 г. выступил К. А. Лютер[40]. Пользуясь нашей сводкой (1957 г.) употребления слова *менгу* в чекане XIII в., он предлагает следующее объяснение. Опираясь на указания Дж. А. Бойля о том, что монгольское *мунке (möngke)* также и прилагательное, означающее «вечный», К. А. Лютер надпись منگو самаркандских монет 624 г. х. переводит исходя именно из этого значения слова. Надпись منگو قاانی бухарских монет он связывает уже с именем Мунке-каана. Появление этого слова на монетах, чеканенных после смерти Мунке, К. А. Лютер предлагает рассматривать по аналогии со словом *санджари* на монетах хорезмшаха Мухаммада, который принял титул «Султан Санджар». Такова позитивная позиция К. А. Лютера, из которой следует, что одно и то же слово *менгу* на монетах одной группы (медные посеребренные дирхемы) и близкого времени (в пределах 624—662 гг. х.) использовалось в трех разных значениях. Возражения же К. А. Лютера против понимания этого слова как «монета» сводятся к следующему. Во-первых, он опасается, что тюрки-мусульмане могли воспринять это слово не как «монета», а как «вечный». Но он почему-то не опасается обратного, и в особенности того, как они вообще могли бы все это понимать, если бы слово *менгу* имело три разных значения (как того хочется К. А. Лютеру) на трех коротких и примыкающих один к другому отрезках времени. Во-вторых, К. А. Лютеру кажется нелогичным использование незнакомого монгольского слова *менгу* «монета» в арабском облачении на мусульманских монетах. Неясно только, почему тогда то же самое незнакомое монгольское слово *менгу* в значении «великий» на тех же монетах кажется ему логичным. Кроме того, нужно сказать, что XIII век (после монгольского завоевания) весь состоял из разного рода «нелогичностей». Вместо традиционных арабских появились надписи на фарси и на тюркском языке, да еще самого необычного содержания. Слово «Бухара» на одном типе монет было написано непонятными мусульманам китайскими иероглифами. А на монетах кроме обычных их названий «динар» и «дирхем» стали обозначать и более общее слово — «монета», «деньги», «чекан»: по-арабски سکه — в одних случаях (К. А. Лютер этого просто не знает) и по-монгольски منگو — в других. Возражения К. А. Лютера столь же мало убедительны, как и концепция о трех последовательных изменениях значения и назначения

---

[40] K. A. Luther, Notes on 'Ala al-Din Muhammad's Coinage of Transoxiana.— «The American Numismatic Society. Museum Notes», X, New York, 1962, стр. 134—135.

одного и того же слова в течение менее чем сорока лет на монетах одной и той же группы.

В 1968 г. мы еще раз рассмотрели этот вопрос в свете нового чтения надписи на самаркандской монете 624/1226-27 г.[41]. Надпись эта дает еще одно, к тому же самое весомое доказательство в пользу толкования слова *менгу* именно как «монета», «деньги». Сейчас мы располагаем следующими вариантами употребления этого слова (табл. 1). Хронологически, как уже отмечалось, на бухарских монетах 651 г. х. и на ранних отрарских слово *менгу* могло бы быть именем каана Менгу — Мунке. Такое предположение было подвергнуто сомнению уже по одному тому, что на отрарских монетах одних лет надпись то с этим словом, то без него, что было бы невозможно, если бы поступило указание чеканить в эти годы медные посеребренные дирхемы с именем каана. Когда было установлено, что слово قاانی в надписи бухарских монет 651 г. х. имеет форму относительного прилагательного,

Таблица 1

Варианты употребления слова *менгу* на медных посеребренных дирхемах XIII в.

Монетный двор	Год хиджры	Надпись	Перевод
Самарканд	624	منگو چنگزی چنگز خان	«Монета чингизова; Чингиз-хан»
		отдельно خانی	«[Дирхем] ханский» или «[монета] ханская»
Отрар	649 — 662	منگو خانی	«Монета ханская»
		или خانی	«[Дирхем] ханский» или «[монета] ханская»
Бухара	651	منگو قاانی	«Монета каанская»
Ходженд	663, [66]5	خانی	«[Дирхем] ханский» или «[монета] ханская»

[41] Е. А. Давидович, Нумизматические заметки (Караханиды, Чингиз-хан, Шейбаниды),— «Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР», № 3(53), 1968, стр. 79—80.

толкование в ней слова *менгу* как собственного имени тоже было подвергнуто сомнению, хотя и не снято совсем. Новое чтение надписи самаркандской монеты 624 г. х., чеканенной от имени Чингисхана, зафиксировало ту форму употребления слова *менгу (менгу чингизи* «монета чингисова»), которая лишь повторена на отрарских монетах *(менгу хани)* и на бухарских *(менгу каани)*, что и делает наиболее вероятным предложенный перевод надписей последних как «монета ханская» и «монета каанская». К этому нужно добавить еще одно соображение. При жизни Мунке в ряде областей и городов монеты действительно чеканились от его имени[42], в том числе и золотые монеты[43], что в данной связи особенно существенно. Но золотые монеты Бухары близкого времени (а также и другие известные сейчас среднеазиатские монеты, чеканенные в пределах государства Чагатаидов), выпущенные при жизни каана Мунке, анонимные — на них имени государя нет. Коль скоро каан Мунке отдал бы приказ проставлять свое имя на монетах Средней Азии или подобную инициативу проявил купец-правитель Мас'уд-бек, к золотым монетам это относилось бы в первую очередь.

Все это дает основание заключить, что на медных посеребренных дирхемах Самарканда, Отрара и Бухары второй и третьей четверти XIII в. слово *менгу* должно было означать «монета», «деньги» вообще; после него следовал эпитет — определение в форме относительного прилагательного *(чингизи, каани, хани)*, что вместе должно было подчеркивать государственный характер чекана, фиксировать принадлежность монетной регалии. Другое дело, что в годы царствования каана Менгу слово *менгу* могло осмысливаться некоторыми из современников и как его имя. Но и в этом случае значение надписей в целом не изменялось: слово «монета», «дирхем» подразумевалось, так же как на отрарских монетах без *менгу*, в надписях с одним *хани*.

Удачным ли было монгольское слово *менгу* в значении «монета»? По этому поводу Н. Ц. Мункуев (в письме от

---

[42] Д. Г. Капанадзе, Грузинская нумизматика, М., 1955, стр. 76—78, № 86, 92—93 и табл. на стр. 90; И. Л. Джалагания, Из истории монетного дела в Грузии XIII века, Тбилиси, 1958, стр. 42—46; М. А. Сейфеддини, Монеты ильханов XIV века, Баку, 1968, стр. 18—21; Ch. M. Fraehn, Recensio..., стр. 191, № 1; С. А. Янина, Общий обзор коллекции джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах (1946—1958),— МИА, № 111, 1962, стр. 155, табл. 2, и др.: начертание مونككا и منكو.

[43] Например, монеты Шафургана (Е. А. Давидович, Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1957 г.,— «Труды АН ТаджССР», т. CIII, 1959, стр. 158—159) или Герата (Г. А. Федоров-Давыдов, Клад золотых монет..., стр. 118). См. также: В. В. Вельяминов-Зернов, Описание нескольких монет, привезенных из Бухары,— «Записки имп. Академии наук», т. III, 1863, стр. 77.

15 апреля 1969 г.) сообщил следующее: «Монголы между собой могли называть монеты и даже монеты определенных достоинств *mönggü* (например, у совр. монголов и бурят русск. «копейка» и монгольская 1/100 часть тугрика именуются *mönggü*). *Mönggü* ~ *münggü* — древнее монгольское слово. В значении «серебро» оно часто употребляется в «Тайной истории монголов» (в русской литературе «Сокровенное сказание», изд. С. А. Козина, М.— Л., 1941; см., напр., § 133, 238, 248, 260, 265, 267, 272, 273) и других источниках [напр., в словарях «Хуа-и и-юй» («Китайско-монгольский словарь») 1389 г.] [см.: M. Lewicki, La langue mongole des transcriptions chinoises du XIV-e siecla, Le Houa-yi yi-yu de 1389, Wroclaw, 1949; Н. Н. Поппе, Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб, ч. II—III, М.— Л., 1938 (см. ч. III, М.— Л., 1938, стр. 484, указатель)]. Более современные значения слова *mönggü* ~ *mönggün* — «серебро, вообще деньги» (О. Ковалевский, Монгольско-русско-французский словарь, т. III, Казань, 1849, стр. 2054). В китайско-монгольской надписи 1338 г. монг. слово «серебро» имеет форму *menggü* (F. W. Cleaves, Harvard Journal of Asiatic Studies, vol. 14, 1951, lines 25, 26, 29 факс. монг. текста). Эта же форма сохранилась в некоторых современных монгольских диалектах. Таким образом, монг. *mönggü* ~ *münggü* ~ *menggü* — «серебро». Это слово *mönggü* или *menggü* вполне могло означать «деньги» вообще и «монеты».

Глава 2

КУРУЛТАЙ 1251 г. И МЕСТО ЗОЛОТА В ДЕНЕЖНОМ ХОЗЯЙСТВЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ НА ПЕРВЫХ ДВУХ ЭТАПАХ

Если рассмотреть все известные сейчас золотые монеты, чеканенные после монгольского завоевания на монетных дворах Средней Азии (в территориальных границах будущего Чагатаидского улуса), единичным золотым монетам первого этапа[1] будут противопоставлены весьма многочисленные золотые динары второго этапа. Это сравнение само по себе показывает, что регулярный и интенсивный чекан золота имел место на протяжении именно второго этапа, т. е. двух десятилетий, начиная с середины XIII в. Особенно убедительный материал в этом плане дают клады золотых монет XIII в., найденные на территории Средней Азии.

1. Клад, найденный в 1898 г. в Чимкентском уезде Сыр-Дарьинской области, включал (по данным архива АК) 83 золотых и серебряных предмета, в том числе 40 золотых монет. Определены три монеты, переданные в Эрмитаж: 50-е годы XIII в., монетные дворы Отрар и Герат[2].

2. Клад, найденный в 1954 г. в г. Ленинабаде ТаджССР, частично разошелся по рукам, сохранилось 19 монет, чеканенных в Бухаре (1 экз.) и Ходженде (18 экз.). Все ходжендские монеты одного типа, дата на одной — 65. г. х., следовательно, все они относятся к 50-м годам XIII в. или близкому времени[3].

---

[1] Например, анонимный (только с упоминанием халифа Насира) динар Самарканда 618/1221-22 г. (ГИМ, № 91563, не опубликован); разного типа динары с надписями то на арабском языке, то на фарси, чеканенные от имени Чингисхана в Самарканде (В. Г. Тизенгаузен, Восточные монеты Н. П. Линевича,— ЗВО, IV, 1890, стр. 303, 320; И. Г[о т в а л ь д], Самаркандская коллекция монет,— «Ученые записки имп. Казанского университета», год LVII, кн. 3, Казань, 1890, стр. 2, и др.). На одной из самаркандских монет с именем Чингисхана А. К. Марков («Инвентарный каталог...», стр. 437, № 1) читает дату 621/1224 г. См. также неопубликованную монету ГЭ, № 5-а (1461).

[2] Архив ИА АН СССР, Ленинград, ф. 1, 1889 г., № 72.

[3] Е. А. Давидович, Монетные находки на территории Таджикистана в 1954 г.,— «Труды АН ТаджССР», т. XXXVII, 1956, стр. 99—100, № 14.

3. Клад, найденный в 1955 г. близ г. Ташкента, включает монеты (сохранилось 145 экз.), чеканенные в Бухаре (66 экз.), Самарканде (30 экз.), Ходженде (13 экз.), Отраре (8 экз.), Орду ал-А'заме (3 экз.), Алмалыке (1 экз.) и Герате (1 экз.). Все монеты, полностью или частично сохранившие даты, относятся к третьей четверти XIII в. (657/1258-59, 658/1259-60, 665/1266-67, 667/1268-69 гг. и 65. г. х.) [4].

4. Клад, найденный в 1957 г. в районном центре Шахристан Ленинабадской области ТаджССР, находился в глиняном кувшине и состоял из различных украшений, целых и фрагментированных монет. Осмотренные две целые монеты чеканены в Бухаре (656/1258 г.) и Шафургане (657/1258-59 г.). Фрагменты монет в составе этого клада по типу должны быть отнесены к этому же или близкому времени, т. е. к третьей четверти XIII в. [5].

Итак, все четыре клада однородны: близки типологически (см. стр. 32—33), близки по составу монетных дворов и включают монеты одного отрезка времени в пределах третьей четверти XIII в. (50—60-е годы) [6]. Вот этот-то отрезок, зафиксированный датами монет и самим составом кладов, и был временем регулярного, часто ежегодного (сравни Бухару), чекана золота на ряде монетных дворов.

Некоторые особенности чекана и обращения этих золотых монет удачно подметил Г. А. Федоров-Давыдов: они имеют самый различный вес, но твердую и одинаковую, хотя и низкую пробу (чаще всего 583, изредка 500); это значит, что золотые монеты обращались по весу (что подтверждают обрезки монет в составе разбираемого им клада), а государство, придерживаясь определенной единой пробы, создавало тем самым для этого весового обмена необходимые условия и гарантии. Состав же клада — наличие в нем монет разных городов — позволил Г. А. Федорову-Давыдову сделать еще один вывод: «Золотые монеты легко проникали через политические границы, которые членили Среднюю Азию на феодальные улусы. Динары продолжали оставаться средством международного денежного обращения» [7].

---

[4] Г. А. Федоров-Давыдов, Клад золотых монет XIII в...., стр. 133, 136.

[5] Е. А. Давидович, Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1957 г., стр. 158—159, № 14.

[6] Известны также клады смешанного состава с включением чагатаидских золотых монет, но сведения о них слишком отрывочны и недостаточны для изучения и анализа причин и характера сложения такого рода кладов (например, Г. Алимов, Клад золотых монет из Узбекистана,— «Труды АН ТаджССР», т. XXXVII, 1956, стр. 122; М. Е. Массон, Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за 1928 и 1929 гг. (отд. отт. из журн. «Научная мысль», 1930, № 1, стр. 7, № 19).

[7] Г. А. Федоров-Давыдов, Клад золотых монет XIII в...., стр. 136—137.

К этому следует добавить еще несколько соображений. Представляется, что низкая проба золотых чагатаидских монет XIII в. не случайна, не результат произвольного решения или недостатка золота-металла, а целенаправленное установление, опирающееся на эмпирическое понимание ряда объективных закономерностей денежного обращения. Дело в том, что функция золотых монет как средства обращения в Средней Азии на протяжении всего средневековья (за исключением отдельных периодов) была наименее развитой, золоту были более присущи функции сокровища и мировых денег. Ключом к пониманию места золота в денежном хозяйстве средневековой Средней Азии являются материалы X в., так как для этого столетия представляется возможность сопоставить известия письменных источников и данные самих монет. Сравнительный анализ двух этих видов источников убеждает в том, что в государстве Саманидов функция золотых монет как средства обращения была наименее развитой[8]. Когда золотые монеты все же вторгались в торговый оборот, они принимались на вес, рассматривались не как деньги, а как товар, т. е., по существу, не обрели полной монетной формы. Между тем X век в истории Средней Азии был временем большого развития городов, товарного производства и торговли. Экономика в X в. шла на подъем, в то время как в XIII в. монгольское нашествие, последующие междоусобия и безудержная эксплуатация оставшегося населения привели хозяйство Средней Азии в очень тяжелое состояние.

Если даже в X в. стоимость золота, его покупательная способность были слишком высокими, чтобы золотые монеты стали постоянным средством обращения при уровне развития и объеме торговли того времени, то тем меньшее применение золото могло найти на среднеазиатских рынках XIII в. Вот тут-то и обращает на себя внимание проба золотых монет. Золотые динары Саманидов были разной, но в целом высокой пробы[9]. Золотые динары Чагатаидов устойчиво низкопробные, в них золота немногим более половины. Это не что иное, как попытка «приблизить» деньги к товару, т. е., уменьшая стоимость золотых монет за счет резкого снижения пробы и снижая тем самым их покупательную способность, превратить их в реальное средство обращения. Эта низкопробность при условии хождения монет на вес, да к тому же не только и, очевидно, не столько целыми экземплярами, сколько в

[8] Е. А. Давидович, Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах,— НЭ, VI, 1966, стр. 104—110, 130.

[9] Небольшое число анализов дает следующую картину: нишапурские динары Саманидов содержат чаще всего 93—96% чистого золота, прочие динары этой династии — 79—98% (см.: A. S. Ehrenkreutz, Studies in the Monetary History of the Near East in the Middle Ages. II,— «Journal of Economic and Social History of the Orient», vol. VI, pt III, Leiden, 1963, стр. 252—255).

виде фрагментов, давала ожидаемый результат: такие низкопробные кусочки золота и даже целые монеты могли обслуживать реальную торговлю Средней Азии XIII в.

Изучая вес фрагментов золотых монет, мы обратили внимание еще на один весьма любопытный факт: вес этих фрагментов чаще всего не был случайным и произвольным. Приведем два примера:

1) клад, найденный в 1957 г. в районном центре Шахристан Ленинабадской области ТаджССР, наряду с украшениями и целыми золотыми монетами включал еще и семь фрагментов[10]. Бухарская монета 656/1258 г. в этом кладе весит 3,29 *г*, один фрагмент — 1,65 *г* (т. е. половину), а три мелких фрагмента — 1,08; 1,05; 1,05 *г*, т. е. (округляя до десятых грамма, что даст 1,1 *г*) треть веса бухарской монеты;

2) клад, найденный в 1955 г. близ Ташкента, состоял из 145 монет. Среди них оказалось несколько обрезков. Часть их имеет рациональный вес: 0,92 и 0,32 *г*[11].

Конечно, обломки эти не обращались поштучно так же, как и целые монеты. Но их рациональные размеры облегчали проверку их веса, что удобно было и для самостоятельного их использования, и для использования их в качестве довесков к целым монетам. Это свидетельствует о том, что нужда в штучном обращении монет была и делались какие-то попытки облегчить и упростить весовое обращение золота. А это тоже говорит в пользу того, что золотым монетам рассматриваемого времени была присуща функция средства обращения.

Существен еще один момент — чрезвычайная типовая близость золотых монет разных городов и разных годов чекана. Облик этих монет определяют надписи поля обеих сторон монетного кружка и почерк надписей[12]. Репертуар надписей очень невелик: две части символа веры (لا اله الا الله محمد и لا اله الا الله وحده لا شريک له رسول الله) и имя с титулами халифа Насира (الامام الاعظم الناصر لدين الله). К этому добавляется наименование монетного двора, на некоторых монетах эпитет خانی, титул قاان и другие второстепенные компоненты. Расположение основных надписей тоже довольно единообразно. В одних случаях на обеих сторонах монетного кружка — две части символа веры, реже — одна часть дважды (так, например, в чекане Самарканда и Бухары). В других случаях на одной стороне — символ веры, а на другой — имя с титулами

---

[10] Е. А. Давидович, Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1957 г., стр. 158—159.

[11] Г. А. Федоров-Давыдов, Клад золотых монет XIII в...., стр. 139—140.

[12] Круговые надписи, содержащие, как правило, выпускные сведения, обычно стерты и обрезаны.

халифа Насира (так, например, в чекане Ходженда и Отрара). Иногда имя халифа Насира на одной стороне с символом веры и т. д.

Монеты, надписи которых несколько различаются содержанием или расположением, все же имеют совершенно сходный облик, чему весьма способствует одинаковый почерк их надписей. Динары второго этапа образуют своим внешним обликом настолько определенную и своеобразную группу, что еще до чтения надписей они всегда легко могут быть выделены среди любых более ранних или более поздних золотых монет. Так же их должны были воспринимать и современники. Сравнительное единообразие надписей, одинаковый почерк, единство облика — все это свидетельствует о наличии определенного указания относительно внешнего вида золотых динаров второго этапа и об эффективном контроле.

Регулярность чекана золотых динаров и присущая им функция средства обращения свидетельствуют о том, что в третьей четверти XIII в. уже существовала объективная экономическая необходимость в монетах из валютного металла. Но эта необходимость не объясняет выбор металла — золота, ибо серебро в большей степени отвечало уровню развития торговли феодальной Средней Азии на любом отрезке времени. Лучше отвечало бы серебро запросам торговли и третьей четверти XIII в., в чем особенно убеждает последующее развитие монетного дела и реформа Мас'уд-бека. Вместе с тем одинаковая проба, единый облик и систематичность выпуска золотых динаров в третьей четверти XIII в. после нескольких десятилетий, в продолжение которых золотые монеты почти не чеканились, ясно показывают, что это было централизованное мероприятие, проведенное последовательно, быстро и успешно.

Время декретирования регулярного чекана золотых динаров одинаково низкой пробы на нескольких монетных дворах Средней Азии — ближайшие годы после курултая 1251 г., на котором кааном был провозглашен Менгу, поддержанный Батыем. Такое совпадение не кажется случайным, так как на этом же курултае был рассмотрен вопрос о денежном налоге *купчур*. Самым достоверным источником в данном случае является Джувейни[13] — не только современник событий, но и очевидец, ибо он во время курултая был в ставке Менгу-каана, куда прибыл в свите эмира Аргуна, будучи секретарем последнего. Джувейни сообщает, что Менгу-каан повелел

[13] «The Ta'rikh-i-Jahán-gushá of 'Alá'u d-Din 'Aṭá Malik-i-Juwayni...». Ed... by Mirzá Muḥammad ibn 'Abdu'l-Wahháb-i-Qazwíní: pt I, Leyden — London, 1912; pt II, Leyden — London, 1916; pt III, Leyden — London, 1937 (GMS, XVI, 1—3) (далее — Джувейни, изд. Казвини); «The History of the World-Conqueror by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini», transl. from the text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, vol. I—II, Manchester, 1958 (далее — Джувейни, пер. Бойля).

всем прибывшим правителям и наместникам подготовить докладные о состоянии подвластных им территорий. На обсуждении все высказали общее мнение, что причиной бедственного положения населения являются разнообразие и ненормированность таких налогов, как *ихраджат* и *ильтимасат*. Вместо этого следовало бы ввести *купчур*, ежегодный размер которого зависел бы от состоятельности налогоплательщика, причем после уплаты этой фиксированной суммы в течение того же года к выплатившему *купчур* лицу уже не должны были бы предъявлять в этой части никаких дополнительных требований. Менгу-каан в соответствии с этими соображениями отдал приказ о введении *купчура*, оговорив его размер (в динарах), статьи расхода (на войско, содержание ямов и послов) и запретив взимать с населения что-либо сверх того или производить какие-либо незаконные реквизиции [14].

О размерах *купчура* с оседлого населения Джувейни говорит дважды. В одном месте сказано, что Менгу-хан приказал, чтобы с богатых брали по десять динаров, а с бедных — по одному динару в год. В другом месте эта ежегодная норма уточнена: в Китае и Мавераннахре Менгу-хан приказал с богатых брать по одиннадцать динаров, а с бедных — по одному динару, в Хорасане же — с богатых по десять динаров, а с бедных — тоже по одному [15].

О каких динарах идет речь в данном случае? Не вызывает сомнений, что 1, 10, 11 динаров отнюдь не означали 1, 10, 11 золотых монет. В этом убеждают следующие соображения. Как уже было показано, в Средней Азии X—XIII вв. штучного обращения золотых монет вообще не было, об этом свидетельствуют как письменные источники, так и вес самих монет. Не могло быть штучного обращения и в Хорасане, так как сельджукские динары также очень разновесны. Следовательно, под динарами могли подразумеваться весовые динары в монетах или весовые динары чистого золота-металла.

В Хорасане середины XIII в. обращались золотые динары *рукни*, их неоднократно упоминает сам Джувейни. Он же со-

[14] Джувейни, изд. Казвини, ч. II, стр. 254; Джувейни, пер. Бойля, стр. 517.

[15] Джувейни, изд. Казвини, ч. II, стр. 254; ч. III, стр. 79; Джувейни, пер. Бойля, стр. 517, 600. Рашид ад-Дин текстуально повторяет второе свидетельство Джувейни, только цифры в одних случаях совпадают, в других отличаются: у Рашид ад-Дина (как и у Джувейни) с бедных — по одному динару, с богатых в Китае и Мавераннахре по разным рукописям — 10, 11, 15 динаров, в Хорасане — 7 динаров (Рашид ад-Дин, Сборник летописей, т. II, пер. с перс. Ю. П. Верховского, М.—Л., 1960, стр. 142). В 1259 г. Менгу-каан послал к Хулагу в качестве посла китайца Ch'ang Te. При описании пути от Сырдарьи до Самарканда сообщено, что народ платит ежегодно подушный налог в 10 золотых монет максимально, но делается различие между богатыми и бедными (E. Bretschneider, Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources, vol. I, London, 1910, стр. 131).

общает, что динары *рукни* имели четырехданговую пробу[16]: عیار آن چهار دانگست. Слово *данг* получило широкое применение для обозначения одной шестой части любой величины (веса, площади, длины и т. д.), но его специальное значение — это $^1/_6$ *динара-мискаля*. Отсюда можно заключить, что в динарах *рукни* должно было быть $^4/_6$, т. е. $^2/_3$ чистого золота и $^1/_3$ лигатуры[17].

В Средней Азии регулярного чекана золотых монет, как уже упоминалось, после монгольского завоевания вообще не было. Мы не знаем, имели ли хождение на первом этапе домонгольские (караханидские или хорезмшахские) золотые динары. Скорее всего нет (если они и сохранились, их должны были припрятывать). Об этом свидетельствует общее состояние денежного хозяйства на первом этапе, особенно же тот факт, что именно п о с л е курултая и декретирования взимания *купчура* в денежной форме явилась необходимость наладить регулярный чекан золотых низкопробных динаров в Средней Азии. Последнее обстоятельство говорит о том, что реализовать решение курултая при состоянии денежного хозяйства Средней Азии к середине XIII в. было бы невозможно, даже если какое-то количество домонгольских или других динаров было в обращении.

Поэтому наиболее вероятным представляется, что размер *купчура* был определен в весовых динарах чистого золота-металла, динары здесь выступали в качестве счетной единицы, в каждой области их еще предстояло пересчитать в весовые динары местных монет с учетом их пробы. Конечно, для Хорасана, а возможно и Мавераннахра, такой пересчет мог бы быть произведен сразу, чтобы выразить размер *купчура* в динарах-монетах. Но это не было сделано, иначе в Хорасане и Мавераннахре *купчур* с бедноты не выражался бы одинаковой цифрой (один динар). Об этом же косвенно говорит еще одно свидетельство Джувейни. Когда эмир Аргун после курултая вернулся в Хорасан, в соответствии с приказом Менгу-каана он предписал эмирам и секретарям практическую разработку вопроса. Наконец, было решено, что после переписи населения с каждых десяти человек будет взиматься ежегодно 70 динаров *рукни*[18]. Из этого свидетельства видно, что сбор *купчура* подразумевался в размерах, установленных Менгу-кааном, рассмотрены же были и разработаны

---

[16] Д ж у в е й н и, изд. Казвини, ч. I, стр. 16.

[17] Бойль именно так толкует это выражение: «... rukni dinars, the standard of which is two thirds» (Д ж у в е й н и, пер. Бойля, стр. 23). Непонятно другое: почему фразу «балыш в пятьсот мискалей золота или серебра» (текст) Бойль перевел как «балыш в пятьдесят мискалей золота или серебра».

[18] Д ж у в е й н и, изд. Казвини, ч. II, стр. 256; Д ж у в е й н и, пер. Бойля, стр. 519.

практические вопросы: организация сбора *купчура* (с десяти человек, конечно, по раскладке) и его размер, пересчитанный в конкретные динары *рукни* четырехданговой пробы.

А в Средней Азии купец-правитель Мас'уд-бек оказался перед большой трудностью, так как в предшествующее время здесь не было систематического чекана монет из валютных металлов. Чтобы практически осуществить сбор *купчура* в каких-то конкретных монетах, нужно было сначала наладить их выпуск, причем таким образом, чтобы они стали и средством обращения, приняли реальное участие в торговле. В противном случае они приняли бы форму сокровища, а население не могло бы реализовать часть своих продуктов и товаров для уплаты *купчура* в денежной форме. Все это и было достигнуто регулярным чеканом низкопробных золотых динаров. Здесь ясно выступает взаимовлияние и взаимозависимость: сбор *купчура* в динарах способствовал внедрению динаров в торговлю, а развитие их функции средства обращения способствовало успешному сбору *купчура* в денежной форме.

Глава 3

ОСОБЕННОСТИ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ НА ПЕРВЫХ ДВУХ ЭТАПАХ. ОБЕСЦЕНЕНИЕ МЕДНОГО ПОСЕРЕБРЕННОГО ДИРХЕМА (ПЕРВЫЙ ЭТАП) И ОПЫТ РЕОРГАНИЗАЦИИ МОНЕТНОГО ДЕЛА (ВТОРОЙ ЭТАП)

На первых двух этапах (вторая и третья четверти XIII в.) при Чагатаидах работало немного монетных дворов. Для этого времени известны золотые и серебряные монеты, медные посеребренные дирхемы и медные фельсы. Золотые монеты чеканили Бухара, Самарканд, Ходженд, Отрар, Алмалык и др. Серебряные монеты на этом этапе регулярно выпускал только Алмалык. Эпизодический чекан серебра известен также в Мавераннахре. Медные посеребренные дирхемы чеканили Бухара, Самарканд, Ходженд и Отрар. В Алмалыке их, очевидно, не чеканили, поскольку там регулярно выпускали дирхемы из настоящего серебра. Медные фельсы достоверно зафиксированы пока только в чекане Алмалыка.

На монетах этих этапов самые различные надписи и разное оформление. Но для всех вне зависимости от металла характерна анонимность: на среднеазиатских монетах после Чингисхана нет как будто собственных имен (кроме имени халифа Насира, о котором — особо). Правда, исследователи (историки и нумизматы) считают, что исключением было время царствования каана Менгу. В литературе неоднократно подчеркивалось, что при нем во всем монгольском государстве (включая Золотую Орду) монеты чеканились от его имени[1]. В части Средней Азии это заключение нельзя признать абсолютно доказанным. На чем оно могло основываться? Очевидно, дело здесь в крупных бухарских медных посеребренных дирхемах 651/1253-54 г. (тип 4 бухарских монет по нашей классификации), на которых нумизматы, начиная с Х. М. Френа, читали имя каана Менгу (вопрос этот рассмотрен выше, см. гл. 1). Новые материалы и новое чтение некоторых надписей не оставили сомнений в том, что по своему значению монгольское слово *менгу* не имя государя, а «монета», «деньги», переданное арабскими буквами. Даже на зо-

[1] В. В. Бартольд, История Туркестана,— Сочинения, т. II/1, М., 1963, стр. 149; его же, История культурной жизни Туркестана,— там же, стр. 260; М. Е. Массон, Исторический этюд..., стр. 76.

лотых монетах достоверно среднеазиатского происхождения имени Менгу-хана нет[2] — они анонимные[3].

Серебряные монеты не типичны для первых двух этапов. Собственно, регулярный чекан серебра известен сейчас лишь для одного монетного двора — Алмалыка. В монетных надписях эти серебряные монеты названы дирхемами, т. е. тем самым словом, которое в течение уже весьма длительного времени прилагалось к медным монетам, лишь сверху покрытым тонким слоем серебра. Следовательно, в официальной терминологии этого времени не делалось различия между настоящими серебряными монетами и государственными фальсификатами под серебро.

Алмалыкские серебряные монеты известны нам в небольшом количестве, но даты даже этих монет свидетельствуют о регулярности чекана, о том, что серебряные монеты для Алмалыка — явление не случайное, не эпизодическое. Вот эти даты: 628/1230-31, 638/1240-41, 639/1241-42, 643/1245-46, 645/1247-48, 646/1248-49, 648/1250-51, 650/1252-53 гг. и 65. г. х.[4].

Алмалыкская монета 628 г. х. маленькая и толстая, все остальные одинаковы — тонкие небольшие кружки (фототабл. 1/*3*).

Л. ст. В поле — двухстрочная надпись (титул), образующая квадрат العادل / الاعظم. По сторонам «квадрата» — выпускные сведения.

Об ст. В центре круглого двухлинейного картуша — наименование монетного двора (заключено в маленький кружок), а вокруг — символ веры и упоминание халифа Насира. Вне картуша — круговая надпись (как правило, неразборчива: стерта и обрезана).

Тип алмалыкских монет с 638 г. х. не изменялся. Это значит, что чекан серебряных монет в Алмалыке в каждом новом

---

[2] Имя Менгу-хана есть на золотых монетах, выпущенных за пределами Средней Азии, например в Герате и Шафургане.

[3] М. Е. Массон («Исторический этюд...», стр. 75—76) упоминает еще имя хана Аригбуги в арабской легенде бухарских монет 660—663 гг. х. Монеты этих годов известны нам по публикациям и в натуре в большом количестве (это типы 5—6 по нашей классификации), но названного собственного имени на них нет. Может быть, М. Е. Массон имеет в виду бухарские монеты этих же лет, но каких-то других типов.

[4] Монеты ГЭ, Основное собрание, № 00, 10—12, 12-а, 12-в, 13, 27 (часть монет приведена без описания в «Инвентарном каталоге...» А. К. Маркова), Монеты 65. г. х.— см. также Архив ИА АН СССР, Ленинград, ф. 1, 1887 г., № 16 (в составе монет, найденных близ Кульджи, поступивших в Семипалатинский музей, а оттуда присланных в АК, где их определял В. Г. Тизенгаузен). Монета 648 г. х.— МИ Уз, колл. 25/8. Монета 650 г. х.— см.: В. Тизенгаузен, Еще о кульджинской находке.— ЗВО, III, 1888, стр. 129—130. Монеты 646 и 65. гг. х. также в частной коллекции В. Ю. Жукаускаса (г. Каунас).

году призван был только пополнять количество средств обращения, ничего не меняя в их положении (вес алмалыкских серебряных монет рассмотрен ниже, см. гл. 7).

Серебряные монеты Самарканда — явление эпизодическое. Сохранившаяся дата дает 634/1236-37 г.[5]. Монеты однотипные, одного размера, но вес очень варьирует. Вопрос о причинах появления и назначении этих серебряных монет Самарканда будет рассмотрен ниже, в связи с чеканом и обращением медных посеребренных дирхемов.

Чекан и обращение медных посеребренных дирхемов на первых двух этапах характеризует ряд особенностей.

Медные посеребренные дирхемы выпускали несколько монетных дворов. Сейчас их известно четыре: Бухара, Самарканд, Отрар, Ходженд. Многие монеты сохранили даты (табл. 2)[6]. Эти даты показывают, что два этапа с точки зрения интенсивности и времени работы монетных дворов не

Таблица 2

Годы чекана медных посеребренных дирхемов

Монетный двор	Годы хиджры					
	610-е	620-е	630-е	640-е	650-е	660-е
Бухара		629 [7?] 628	637		651	660 663 666 667
Самарканд	619 [7?]	622 624	630			663
Отрар				649	650—659	660—662
Ходженд						663 [66]5

[5] А. К. Марков («Инвентарный каталог...», стр. 547, № 6) читает еще одну дату — 637 г. х. Мы осмотрели эту монету, начало слова единиц в дате стерто, две же последние буквы с большей уверенностью позволяют читать не «семь», а «четыре». Тип этой монеты тот же, что и монет 634 г. х.

[6] Упомянутая А. К. Марковым («Инвентарный каталог...», стр. 548, № 24) медная монета Самарканда 657 г. х. в таблицу не включена. Мы видели ее в натуре, чтение наименования монетного двора вызывает некоторые сомнения. Типом она похожа не на медные посеребренные дирхемы, а скорее на фельсы.

были одинаковыми. Четко выделяется последний отрезок времени: 650—660-е годы хиджры, т. е. второй этап. В это время работают параллельно все четыре монетных двора. Обильную и почти ежегодную продукцию дает Отрар. Похоже, что отрарский монетный двор вообще вступил в строй именно на втором этапе. Монет Отрара много, но среди них нет более ранних. Значит, до этого в течение длительного времени отрарский монетный двор скорее всего вообще не работал или работал так мало и эпизодически, что до сих пор нет ни одной монеты — следа этой ранней деятельности. Аналогичная картина с Ходжендом. А Бухара и особенно Самарканд выпускают монеты на втором этапе явно после некоторого перерыва. Для раннего же отрезка времени (до 630-х годов хиджры включительно) известны монеты только двух монетных дворов — Бухары и Самарканда.

Второй этап в чекане медных посеребренных дирхемов совпадает со временем интенсивного и регулярного чекана золота (см. гл. 2) на тех же четырех монетных дворах и еще на некоторых дополнительных.

То, о чем говорят даты, подтверждается и составом кладов (описанных в гл. 1), и фактом перечеканивания старых монет новыми штампами. Состав кладов с хронологической точки зрения однороден: все клады относятся целиком к выявленному последнему отрезку времени, т. е. ко второму этапу; более ранних монет в составе этих кладов нет. Следовательно, ко времени чекана и обращения этих поздних монет второго этапа ранних монет первого этапа на рынках уже не было. В этой же связи существен тот факт, что выпуск ходжендских монет 663—[66]5 гг. х. в значительной степени, очевидно, базировался на перечеканивании старых монетных кружков раннего времени; значит, последние действительно к 660-м годам хиджры не являлись «монетами ходячими», были давно изъяты из употребления.

Таким образом, следует признать, что между первым и вторым этапами действительно есть рубеж, отмечаемый не только регулярным чеканом золота со второго этапа, но и некоторыми переменами в чекане и обращении медных посеребренных дирхемов, составляющими первый важный компонент характеристики этого вида монет XIII в.

Второй существенный компонент, характеризующий чекан и обращение медных посеребренных дирхемов,— это их довольно узкая локальность: каждый монетный двор чеканил их для своего города и прилегающего района, они не были предназначены для общегосударственного обращения и действительно обслуживали только ту территорию, для которой выпускались.

Впервые подобную мысль, но относительно лишь одной группы монет (медных посеребренных дирхемов Самарканда

663 г. х. с тюркоязычной «угрожающей» надписью) высказала З. А. Альхамова: «Судя по месту обнаружений, изучаемая группа монет имела небольшой ареал распространения и почти не выходила за пределы округа Самарканда. Как утверждает и легенда, это был местный чекан, с самого начала предназначенный для внутреннего оборота области»[7].

Собранные нами факты позволяют расширить это наблюдение, распространив его на остальной самаркандский чекан и на чекан других монетных дворов.

Действительно, самаркандский чекан за время, предшествовавшее тюркоязычным монетам 663 г. х., также предназначался только для города и области, что прямо и недвусмысленно отражено надписями на монетах:

1) 622/1225 г. (тип 3): بسمرقند و نواحی او این شهرروان «В Самарканде и его округе это ходячая монета»;

2) 624/1226-27 г. (тип 4): بسمرقند و نواحی «Для Самарканда и его округи»;

3) 630/1232-33 г. (тип 5): بسمرقند و نواحی این شهر هر که نگیرد گناه کار بود «Кто в Самарканде и округе этого города не будет брать [эту монету], тот преступник»;

4) дата неизвестна (тип 8): سمرقند و نواحی این (آن или) (сокращенный вариант надписи монет типа 3 или 5);

5) дата неизвестна (тип 9): سمرقند و نواحی نگیرد گناه کار (сокращенный вариант надписи монет типа 5).

Итак, в надписях монет пяти разных типов, выпущенных в разное время, одинаково подчеркнуто, что монеты эти предназначены именно для Самарканда с его округой, здесь они являются «ходячими монетами». Тюркоязычные надписи монет 663 г. х. в этом смысле лишь повторяют многократно подчеркнутое раньше.

Надписи монет Бухары, Отрара и Ходженда не содержат таких прямых указаний, но косвенные данные не оставляют сомнений в том, что их чекан также имел аналогичное узколокальное назначение. Прежде всего об этом говорит состав кладов: все известные сейчас клады совершенно однородны, в каждом из них монеты только одного монетного двора. Другой косвенный показатель — места находок кладов и отдельных монет. Самаркандские монеты и клады первых двух этапов зарегистрированы пока только в самом Самарканде и поблизости. Единственный известный клад ходжендских монет найден в г. Ленинабаде, т. е. в самом Ходженде. Клады и отдельные экземпляры монет Отрара зарегистрированы в районах, тяготеющих к Отрару.

А что представляло собой обращение медных посеребрен-

---

[7] З. А. Альхамова, Клад медных посеребренных самаркандских дирхемов 663 г. х., стр. 73.

ных дирхемов внутри той области, для которой они выпускались?

На первом этапе обращает внимание частая смена типов в чекане Самарканда и Бухары. Как нами было установлено при анализе монетного дела Караханидов и Хорезмшахов, медные посеребренные дирхемы конца XII — начала XIII в., чеканенные на одном и том же монетном дворе, получали разное типовое оформление в двух случаях: для различения монет разного достоинства или для различения «новых» и «старых» монет одного достоинства. В последнем случае речь шла о том, чтобы легко отличать последний выпуск («новые» монеты) от предшествующих монет, запрещенных для дальнейшего обращения [8].

Для выявления номинала и кратных, т. е. монет разного достоинства, существен вес: медные посеребренные дирхемы разного достоинства получали соответственно кратный вес. Однако ремедиум в чекане этой группы монет был достаточно широким (в отличие от настоящих серебряных монет), не говоря уже об экземплярах со случайными весовыми отклонениями за пределы ремедиума. Поэтому, говоря о кратности веса монет разного достоинства, мы подразумеваем кратность их среднего веса. Делать выводы о достоинстве монет по весу единичных экземпляров в данном случае несколько рискованно.

При изучении веса и номиналов позднекараханидских и хорезмшахских монет мы имели дело, как правило, со значительным количеством экземпляров. Это позволяло выяснить их средний вес графическим методом, поэтому сразу выделялись типы с кратным весом, чагатаидские же монеты Бухары и Самарканда (особенно первого этапа) немногочисленны, поэтому графический метод для определения их среднего веса не может быть применен. В данном случае приходится оперировать индивидуальным весом небольшого числа монет. Поэтому некоторые типы, представленные единичными экземплярами, мы с точки зрения их достоинства вообще не рассматриваем. Относительно же других можно сказать следующее.

Среди десяти типов самаркандских монет шесть датированных типов. Из них пять типов, безусловно, являются одним номиналом. Это типы 1—2 за 619(617?) г. х., тип 3 за 622 г. х., тип 5 за 630 г. х. и тип 10 за 663 г. х. Все монеты одинакового размера (чаще всего 37—38 *мм*), а их вес — вокруг 6 *г*. Так как номинал у пяти типов один, ясно, что смена типов озна-

[8] Е. А. Давидович, Из области денежного обращения на территории Ферганы,— «Труды Музея истории Узбекской ССР», вып. II, Ташкент, 1954, стр. 46—48; ее же, Термезский клад медных посеребренных дирхемов 617/1220 г.,— ЭВ, VIII, 1953, стр. 44—49; ее же, Канибадамский клад караханидских монет,— СА, 1961, № 1, стр. 186—200.

чала запрет предшествующих монет и замену их на рынке новыми (здесь мы не рассматриваем цель и назначение этих замен). Возможно, таких замен в Самарканде на протяжении первых двух этапов было не четыре-пять[9], а больше. Возможно, из пяти остальных типов (достоинство которых из-за единичности монет устанавливать рискованно) хотя бы часть также окажется основным номиналом и тем самым увеличит в Самарканде число замен одних монет другими.

Если проследить изменение надписей в самаркандском чекане, станет ясно, что обращение медных посеребренных дирхемов все время «лихорадило», что оно находилось во все ухудшающемся кризисном состоянии.

На самых ранних самаркандских монетах (типы 1—2) «нейтральные» надписи: символ веры, имя халифа Насира с его титулатурой, выпускные сведения. Уже в 622/1225 г. содержание надписей резко меняется (тип 3): «нейтральных» надписей нет, легенда подчеркивает, что эти монеты чеканены для Самарканда с округой, что они здесь являются законными, «ходячими». А ведь типы 1—2 и 3 — это один и тот же номинал. К 622/1225 г. типы 1—2 уже были запрещены, изъяты из обращения, «ходячими» монетами в 622/1225 г. являлись не любые монеты, а только монеты типа 3. Это было бы ясно и по косвенным данным (изменение типа внутри одного номинала), но в данном случае это подчеркнуто, на этом сделано прямое ударение: монеты 622/1225 г. в надписях названы شهروان «ходячими». А на монетах типа 4, выпущенных всего через год после монет типа 3, не только указано, что они предназначены для Самарканда с округой, но подчеркнуто, что это «чингизовы монеты», а потом отдельно, еще раз, проставлено имя Чингисхана. Номинал монет типа 4 пока неясен. Но надписи отражают нарастание тревоги, они взывают к доверию, назойливо утверждают законность монет.

А дальше уже строго: «Кто в Самарканде и округе этого города не будет брать [эту монету], тот преступник». Время уговоров прошло, начались угрозы. Это надписи 630/1232-33 г., монеты типа 5, тот же номинал, что у типов 1—3. Ясно, что никто не хотел брать медные посеребренные дирхемы, им окончательно перестали доверять. Правительство запретило и изъяло «уговорные» монеты, заменило их новыми и пригрозило.

Заверения не подействовали в 1225—1227 гг. А подействовали ли угрозы в 1232-33 г.? Ответ на этот вопрос дают серебряные монеты. Даты сохранились не на всех, но все

---

[9] Типы 1—2 очень сходны содержанием и взаиморасположением надписей. Возможно, они обращались одновременно, поэтому тут речь может идти не о пяти, а именно о четырех заменах.

известные сейчас самаркандские серебряные монеты однотипны. Следовательно, все они чеканены в 634/1236-37 г. (такая дата есть на некоторых) или в близкое время. Итак, не прошло и трех-четырех лет после выпуска фальсификатов под серебро с «угрожающими» надписями, как понадобилось настоящее серебро. Значит, вариант с угрозами провалился, медные посеребренные дирхемы на рынке не шли. Пришлось прибегнуть к настоящему серебру.

Но вот что интересно: на настоящих серебряных монетах те же «угрожающие» надписи. Почему? Можно высказать два предположения. Правительство настолько было напугано отказом рынка от монет (напугано хотя бы потому, что отказ рынка от монет лишал больших доходов от монетного чекана), что могло усомниться в положительных результатах «серебряного опыта», почему и сохранило «угрожающие» надписи. Но более правдоподобным кажется другое: содержанию надписей на серебре не было уделено особого внимания и в силу традиции просто повторили надписи ближайших по времени монет. В пользу второго предположения говорит нелепое деление надписи между двумя сторонами серебряного монетного кружка, да и вообще такое перемещение всех слов, что в свое время это вызвало недоумение у исследователей и попытку иного чтения. Размещение надписи такое (фототабл. 1/*1—2*):

Л. ст. هر كه
این شهر
سمرقند

Об. ст. و نواحی
بگیرد كه
كار بود

В. Г. Тизенгаузен читал эту надпись подряд и переводил следующим образом هر كه این شهررا سمرقند و تواجی بگیرد كنه كاربو «Всякий, кто этот город Самарканд и военачальника [его] захватит,— преступник»[10]. В. В. Бартольд вместо تواجی читал نواحی и перевел эту надпись по-другому: «Всякий, кто этот город Самарканд и окрестности его захватит,— преступник»[11]. Он тоже читал надпись подряд, но предположил, что эта странная надпись является, вероятно, неудачной переделкой надписей медных дирхемов.

Нам представляется, что это действительно неудачное повторение надписи медных посеребренных дирхемов, но не в виде переделки содержания ее (как полагал В. В. Бартольд), а в виде неудачной перестановки всех слов надписи. Надпись эта включает все слова «угрожающей» легенды медных посеребренных дирхемов 630/1232-33 г. (тип 5), только рас-

[10] В. Г. Тизенгаузен, Нумизматические новинки, стр. 252, № 60. А. К. Марков («Инвентарный каталог...», стр. 547, № 4) повторил это чтение.

[11] ЗВО, XII, стр. XXVII.

ставлены они на монетах не подряд, а как бы вразброс, так что читать их подряд нельзя. Вот для сравнения две надписи, имеющие совершенно одинаковый смысл (при небольшой грамматической разнице):

серебро 634 г. х. سمرقند و نواحی این شهررا هر که نگیرد گنه کار بود,

дирхем, тип 5 بسمرقند و نواحی این شهر هر که نگیرد گناه کار بود .

Но чтобы надпись серебряных монет прочесть таким образом, нужно начать ее чтение на лицевой стороне внизу, потом перейти на верхнюю строку оборотной стороны, потом вернуться на лицевую (средняя и верхняя строки) и закончить на оборотной стороне (средняя и нижняя строки). Такое размещение рассчитано было не столько на осмысленное чтение надписи, сколько на придание монетам привычного, традиционного облика.

После выпуска серебряных монет чекан в Самарканде на какое-то время, очевидно, вообще прекратился, ибо пять недатированных типов самаркандских медных посеребренных дирхемов явно относятся к более раннему времени [12]. Возобновился чекан медных посеребренных дирхемов в Самарканде, по имеющимся сейчас данным, лишь три десятилетия спустя (тип 10, тюркоязычные монеты 663 г. х.). И опять после такого большого перерыва на медных посеребренных дирхемах «угрожающие» надписи. Объяснить все это можно только следующим образом. Выпуск серебряных монет в условиях кризисного состояния денежного обращения не оздоровил обстановку. Почему? Очевидно, у правительства не было достаточного количества серебра-металла, чтобы наладить длительный и обильный выпуск серебряных монет при условии, что первые их партии неизбежно должны были уплыть в резервуар сокровища. Не смогло оно, если и пыталось, мобилизовать для этого и частный металл. А выпуск серебряных монет в ограниченном количестве должен был сыграть не положительную, а отрицательную роль: само серебро должно было исчезнуть, окончательно подорвав все надежды на восстановление и нормализацию денежного обращения. Немедленный возврат к медным посеребренным дирхемам (и без того уже дискредитированным) был лишен всякого смысла, продолжать же дальнейший чекан серебра не удалось. Самарканд вступил в «безмонетные» десятилетия.

Интересно сравнить кризис обращения медных посеребренных дирхемов в Самарканде при Чагатаидах и в Фергане в конце XII в. при Караханидах. В обоих случаях доверие населения к этим знакам стоимости было подорвано, оно не

[12] Монеты типов 6—7 (символ веры и имя халифа Насира) примыкают к типам 1—2; монеты типа 8 — к типам 3, 5; монеты типа 9 (с «угрожающей» надписью) — к типу 5.

хотело ими пользоваться. И в обоих случаях правительство искало способ вернуть этим монетам доверие населения. С этой целью в Фергане при Караханидах[13] стали увеличивать абсолютный вес медных посеребренных дирхемов без изменения номинала, что на короткое время дало, очевидно, некоторый психологический эффект. Но так как Караханид Кадыр не отказался от принятой формы эксплуатации монетной регалии, этот опыт с увеличением веса в конце концов потерпел полный крах. В Самарканде при Чагатаидах абсолютный вес монет не увеличивали. Может быть, учли неудачный опыт недалекого прошлого. Поэтому здесь прибегли сначала к «уговорам» и заверениям, потом к угрозам. Но результат был тот же. Кризисное состояние обращения медных посеребренных дирхемов в обоих случаях требовало решительных реформ, для проведения которых в обоих случаях не было объективных предпосылок.

А что в это же самое время было в Бухаре? В чекане Бухары на первых двух этапах выявлено семь типов. Номинал двух типов (типы 1, 3) не выясняется. Монеты же остальных пяти типов чеканены по одному весовому стандарту (реальный вес — вокруг 6 *г*, а чаще выше 6 *г*) и одинаковы по достоинству: кратных среди них нет, все они — основной номинал. Следовательно, пять типов внутри одного номинала — это пять перемен с фискальной целью: изъятие предшествующих и замена их новыми монетами. Как это отразилось на обращении монет? Потеряли ли медные посеребренные дирхемы Бухары доверие населения (как в Самарканде), или их принимали? Надписи бухарских монет ответа на этот вопрос не дают, они «нейтральны» в этом смысле.

Судя по датам, содержанию надписей и типам, перерыв в чекане медных посеребренных дирхемов Бухары был не такой большой и четкий, как в Самарканде. К раннему отрезку времени относятся всего три типа (620—630-е годы хиджры), надписи их — символ веры и имя халифа Насира. К позднему отрезку времени (650—660-е годы хиджры) относятся четыре типа, содержание их надписей все более меняется: на монетах типа 4 подчеркнуто, что они «каанские», т. е. государственные, а на монетах типов 5—7 выделено и подчеркнуто их бухарское происхождение — наименование монетного двора заняло центр монетного кружка. Таким образом, какие-то перемены были. Однако если самаркандский чекан рисует такую яркую и конкретную картину состояния денежной торговли, какую и представить было бы невозможно, опираясь на одни письменные источники, то бухарский чекан в этом смысле не столь красноречив. Для понимания того, в каком состоянии мог быть бухарский рынок, необходимо учесть, что

[13] Е. А. Давидович, Канибадамский клад..., стр. 195—200.

в 1238 г. имело место крупнейшее народное восстание, возглавленное Махмудом Тараби. Чагатай собирался полностью разорить и обезлюдить Бухару после трудного подавления этого восстания. Хотя Махмуд Ялавач спас город от страшной участи, все события этого времени не могли не отразиться на состоянии денежной торговли. Не случайно сразу после восстания в Бухаре выпускается новый тип медных посеребренных дирхемов (тип 3, 637/1239-40 г.), а затем в чекане Бухары, по имеющимся сейчас данным, наступает перерыв.

Для характеристики обращения медных посеребренных дирхемов в Бухаре на втором этапе существенно учесть и тот факт, что в 1263 г. было уничтожено пять тысяч жителей Бухары (очевидно, преимущественно ремесленники и их семьи) [14].

Чекан и обращение медных посеребренных дирхемов в Ходженде и Отраре были организованы несколько по-другому. Особенно хорошо это видно по чекану Отрара. Все отрарские монеты однотипны вне зависимости от года выпуска, а выпуск этот в целом продолжался около 15 лет, судя по сохранившимся достоверным датам (649—662 гг. х.). Следовательно, никаких перемен и замен одних монет другими (как это имело место в Самарканде и Бухаре) здесь не было, т. е. почти ежегодный чекан преследовал цель не замены, а пополнения и увеличения средств обращения. В Ходженде (на более коротком, правда, отрезке времени) было то же самое. Следовательно, в Отраре и Ходженде правительство довольствовалось теми выгодами, которые давала разница между стоимостью монет (металл и работа) и их принудительным курсом, и не прибегало к дополнительным средствам (вроде запрещения одних монет и замены их другими) для увеличения фискальных доходов. А в таких условиях медные посеребренные дирхемы при всей принудительности их курса могли обращаться нормально, не повергая рынок в тревогу и волнения. Длительный и обильный чекан в Отраре однотипных монет как раз и свидетельствует о вполне благополучном состоянии их обращения.

Итак, чекан и обращение монет на первых двух этапах характеризуют следующие основные признаки.

1. Чагатаидское государство с точки зрения организации монетного дела не являлось чем-то единым. Уже сейчас можно условно разделить его на две части с разным принципом организации монетного дела.

---

[14] И. П. Петрушевский, Из истории Бухары в XIII в.,— «Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук», вып. I, Л., 1949, стр. 103; В. В. Бартольд, Сочинения, т. I, стр. 576—577 и прим. ред. на стр. 577—578.

Основным средством обращения на значительной территории Чагатаидского государства был медный посеребренный дирхем (Бухара, Самарканд, Ходженд, Отрар), основным же средством обращения в другой (очевидно, меньшей) его части были настоящие серебряные монеты (Алмалык). Те и другие назывались дирхемами и предназначались для обслуживания «серебряной сферы» обращения. Это заставляет предполагать, что для мелкой торговли выпускались медные монеты — фельсы. Такие медные монеты Алмалыка известны, они гармонично дополняли выпуск настоящих серебряных монет. А чеканили ли фельсы в той части Чагатаидского государства, где основным средством обращения были медные посеребренные дирхемы? Сосуществование медных посеребренных дирхемов и медных фельсов теоретически закономерно и подтверждено практикой монетного дела Средней Азии при Караханидах и Хорезмшахах [15]. Ведь они должны были обслуживать разные сферы обращения, а практически критерием их различения было отсутствие или наличие серебряной оболочки. Однако нужно учесть, что на первом этапе принудительный курс медных посеребренных дирхемов в Самарканде (а возможно, и в Бухаре) не удавалось сохранять на высоком уровне, так что реальной потребности в фельсах могло и не быть.

2. Полустолетие со времени завоевания Средней Азии монголами по основным признакам чекана и обращения монет не было единым. Мы делим его на две части: первый этап (до середины XIII в.) и второй этап (следующие два десятилетия, т. е. 1250—1260-е годы). Первый этап для территории обращения медного посеребренного дирхема характеризуется следующими признаками. Медный посеребренный дирхем был основным и почти единственным средством обращения, выпуск других монет (золотых и особенно серебряных) эпизодичен, случаен. Медные же посеребренные дирхемы регулярно и систематически выпускали только Бухара и Самарканд. Назначение этих монет было узколокальное: самаркандский монетный двор выпускал дирхемы для Самарканда с округой (о чем прямо свидетельствуют надписи), бухарский монетный двор — для Бухары. Следовательно, многие города и области Средней Азии на этом этапе вообще обходились без монет, что является весьма красноречивым показателем экономического состояния страны и особенно ее внутренней и межобластной торговли после монгольского завоевания. Чекан и обращение медного посеребренного дирхема в Самарканде и Бухаре также отнюдь не свидетельствуют о благополучном

---

[15] Е. А. Давидович, Из области денежного обращения в Средней Азии XI—XII вв., стр. 109—110; Г. В. Шишкина, Клад медных монет с Афрасиаба, стр. 114—119, 121—122.

состоянии в этих областях денежной торговли. В Самарканде, например, доверие населения к этим монетам настолько было подорвано, что их вообще не хотели принимать. Полумеры же правительства (выпуск серебряных монет, но в ограниченном количестве) не только не ликвидировали этот кризис, но сыграли самую отрицательную роль.

3. Второй этап — время довольно рациональной, хотя и не самой решительной реорганизации монетного дела. Толчком явилось декретирование сбора *купчура* с оседлого населения в денежной форме. Это невозможно было осуществить без предварительной реорганизации зашедшего в «безмонетный» тупик денежного дела Средней Азии. Новые основы монетного дела свелись к следующему. Налажен был регулярный, систематический чекан золотых монет на многих монетных дворах. Все монетные дворы выпускали золотую монету одной пробы, что было реальным основанием ее равного приема по всему государству, вне зависимости от места выпуска. Проба монет специально была назначена низкой, чтобы «приблизить» золотые монеты к уровню и объему реальной торговли того времени.

Государственный чекан гарантировал именно пробу монет, так как вес их был различным. Иначе говоря, принималось золото на вес, а для удобства взвешивания и для расплаты за более мелкие покупки целые монеты ломали на части. Неудовлетворенная потребность в штучном хождении золотых монет выразилась в том, что у этих обломков часто был рациональный вес, упрощающий их взвешивание и использование как в качестве довесков, так и самостоятельно. Наличие этих «рациональных» с весовой точки зрения фрагментов и одинаковая, но низкая проба золотых монет особенно убедительно свидетельствуют о том, что функция золотых монет как средства обращения на этом этапе была развита, вероятно, даже много больше, чем в некоторые предшествующие (например, IX—X) и последующие (например, XIV — XVII) столетия.

Вторым существенным компонентом реорганизации был выпуск медных посеребренных дирхемов. Назначение этих монет по-прежнему было узколокальное — каждый город чеканил медные посеребренные дирхемы для себя и прилегающих районов. Старые же медные посеребренные дирхемы первого этапа (если они где-либо сохранились до этого времени) к обращению разрешены не были, о чем свидетельствуют состав кладов и новые типы монет второго этапа.

В северо-восточной части государства медные посеребренные дирхемы пользовались полным доверием, чему способствовала политика правительства, не производившего с этими монетами никаких фискальных перемен. В этом убеждает однотипность монет Отрара и Ходженда. Не совсем ясно, уда-

лось ли вернуть доверие к медным посеребренным дирхемам в Бухаре, но в Самарканде, очевидно, нет.

Сосуществование золотых низкопробных монет и медных посеребренных дирхемов создавало реальные предпосылки для развития денежной торговли. Но эти предпосылки не были одинаково реализованы по всей Средней Азии. В самом лучшем состоянии на втором этапе была денежная торговля северо-восточной части Средней Азии, о чем свидетельствуют обильный чекан в Отраре и Ходженде золотых монет и организация обращения там медных посеребренных дирхемов. Любопытно, что места находок известных сейчас кладов анонимных чагатаидских золотых динаров (Ташкент, Шахристан, Ленинабад, Южный Казахстан) в совокупности с другими данными также свидетельствуют о сравнительно большом развитии торговли именно на этой территории.

В еще лучшем положении по-прежнему была организация монетного чекана и денежная торговля в другой части Чагатаидского государства, центром которой был Алмалык[16]. Здесь на втором этапе выпускались золотые динары, настоящие серебряные дирхемы и медные фельсы.

Две части Чагатаидского государства, различавшиеся организацией монетного дела на первом этапе, на втором тоже не слились, но все же у них появилось общее основание по линии чекана золотых монет одной общей пробы. Таким образом, на втором этапе государство Чагатаидов получило монеты для общегосударственного обращения и сбора денежного налога (золото) и монеты, по-прежнему обслуживавшие отдельные области Средней Азии (медные посеребренные дирхемы) или части государства (серебряные монеты и медные фельсы Алмалыка).

---

[16] О вероятных причинах этого см. ниже, стр. 135.

Глава 4

КЛАДЫ СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ ТРЕТЬЕГО ЭТАПА

Клады мелких серебряных монет третьего этапа не редкость. Но сведения о них в литературе, как правило, отрывочны и не дают никакого представления об их реальном составе. Несколько таких кладов зарегистрировала еще Археологическая комиссия. Часть их была передана в Эрмитаж или другие хранилища, часть переплавлена на монетном дворе. В печатных же отчетах Археологической комиссии — лишь краткие справки с самым общим определением, дающие весьма лаконичный материал разве только для составления топографии монетных находок. К счастью, довольно подробные сведения об этих кладах сохранились в архиве Археологической комиссии (ныне — архив ИА АН СССР в Ленинграде).

1. В 1889 г. кувшин, содержавший 483 серебряные монеты, был найден на глубине полутора аршин во дворе одного жителя Джалал-Тюбинской волости Ташкентского уезда (по тогдашнему административному делению). Монеты были доставлены в Археологическую комиссию, и определил их В. Г. Тизенгаузен: «Джагатайские монеты 2-й половины XIII-го столетия христ. летоисчисления, чекан. в Бухаре, Самарканде, Ташкенте, Шаше, Таразе, Термедзе, Ходженде, Абхере, Алмалыке, Кашгаре, Пенджикенте и др. Плохой сохранности». Всего 125 монет клада были отобраны для Эрмитажа. Этим монетам В. Г. Тизенгаузен дал подробную опись[1], материалы которой мы группируем в табл. 3 (монетные дворы — по алфавиту).

На двух монетах В. Г. Тизенгаузен (правда, со знаком вопроса) читает «Пенджикент». Думается, что это ошибка и следует читать «Кенджде». Одна из форм начертания «Кенджде» на монетах плохой сохранности, очевидно, и была принята за «Пенджикент». Это предположение кажется особенно правдоподобным еще и потому, что В. Г. Тизенгаузен че-

[1] Архив ИА АН СССР, Ленинград, ф. 1, 1890 г., № 11.

кан Кенджде вообще не отмечает в этом кладе, между тем, судя по другим кладам, монетный двор Кенджде был одним из интенсивно работавших.

На 19 монетах В. Г. Тизенгаузен читает «Абхер» (правда, со знаком вопроса). Нам представляется, что здесь следует читать «Отрар». На отрарских монетах начертание названия города часто очень условное (см. Приложение, стр. 167—168) и без сравнительного анализа всех признаков на многих монетах легко могло привести к ошибочному чтению. Обращает внимание, что В. Г. Тизенгаузен в этом кладе монеты Отрара вообще не называет, между тем Отрар, судя по другим кладам, выпускал обильную продукцию.

Таблица 3

Состав части клада № 1

Монетный двор	Всего монет	В том числе датированных	
		дата хиджры	количество
Алмалык	2	—	—
Абхер (?) [Отрар.—*Е. Д.*]	19	684	4
		685	15
Бинкет	2	—	—
Бухара	10	681	1
Кашгар	3	681	3
Пенджикент (?) [Кенджде. — *Е. Д.*]	2	—	—
Самарканд	4	—	—
Самарканд (?)	1	—	—
Тараз	25	677	9
		686	9
Тараз (?)	5	686	1
Термез	7	—	—
Ходженд	8	—	—
Шаш	7	—	—
[Неизвестен]	24	674	1
»		677	3
»		68.	1

Разумеется, табл. 3 не дает точного, статистически верного представления о составе всего клада. Однако некоторые цифры количественного соотношения монет по монетным дворам и годам выпуска все же достаточно красноречивы. Обращает внимание количественное преобладание монет одних городов и единичность монет других городов. Это определенным образом перекликается с составом других кладов, описываемых ниже.

В кладе 1889 г. были и надчеканенные монеты. Десять надчеканенных монет (без описания надчеканов) упомянуты в числе тех, что были переданы в Эрмитаж. О месте и годе

первоначального выпуска надчеканенных монет ничего не сказано, поэтому мы отнесли их к числу монет со стертыми выпускными сведениями.

2. В 1893 г. в селении Мамаевка Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области, «на кургане» Караул-Тюбе, найдены были д в а клада в кувшинах: в одном было 3700—3800 медных монет (общий вес 18 фунтов 42 золотника), а в другом — 1855 серебряных монет (общий вес 8 фунтов 75 золотников). В сосуде с серебряными монетами были вещи: 2 серебряных браслета, 3 туалетные раковины, 16 разных туалетных камешков, 84 жемчужины, медная пряжка, осколки золота, обломки перстня и т. д. Сведения эти содержатся в рапорте лица, нашедшего оба клада[2]. Очевидно, эти сведения следует считать наиболее достоверными, ибо впоследствии в публикациях об этих двух кладах появились другие данные: они превратились в один клад, находившийся в одном кувшине, заключавшем 5800 серебряных и медных монет (4000 медных и около 1800 серебряных)[3].

Клады поступили в Археологическую комиссию, которая направила в Эрмитаж 318 серебряных монет и 131 медную (а также два первых присыла Остроумова: 6 серебряных и 12 медных монет)[4]. В деле имеется общая опись этих 318 серебряных монет и 131 медной. Материалы этой описи позволили нам составить статистическую таблицу чекана с е р е б р я н ы х монет этого клада (табл. 4).

Среди монетных дворов привлекает внимание Кеш. Его повторил и А. К. Марков[5]. Внимательное рассмотрение этих монет в натуре убедило в том, что это не Кеш, а Кашгар. В наименовании монетного двора вторая буква — *алиф*, а третья *шин* — не последняя, ее конец загнут наверх совершенно так, как буква *ра* на ряде монет Кашгара. Таким образом, здесь كاشر, т. е. пропущена буква *гайн*. Тип и лицевой и оборотной сторон этих монет совершенно такой же, как у тех экземпляров, на которых четко написано كاشغر. На лицевой стороне надпись, содержащая выпускные сведения,

---

[2] Архив ИА АН СССР, Ленинград, ф. 1, 1893 г., № 92.

[3] М. Е. М а с с о н, Исторический этюд..., стр. 44.

[4] В архивном деле № 92 за 1893 г. (Архив ИА АН СССР, Ленинград, ф. 1) содержатся весьма полезные сведения для изучения истории сложения музейных коллекций и для опознания беспаспортных монет. Из описей видно, сколько монет и какие именно поступили в Эрмитаж, в Академию наук для Азиатского музея и в Ташкентский музей. В деле содержится отдельная опись монет, оставленных Эрмитажем и Академией наук: из присланных Археологической комиссией монет Эрмитаж отобрал всего 153 серебряные и 80 медных, Академия наук — 57 серебряных и 28 медных, остальные же 130 серебряных и медных монет были отправлены в Ташкентский музей.

[5] А. К. М а р к о в, Инвентарный каталог..., стр. 553, № 145—147.

очень схематизирована. Ошибки и схематизация надписей типичны для некоторых выпусков этих серебряных монет (например, Отрара и других городов). Поэтому не будет ошибкой считать, что это монеты не Кеша, а именно Кашгара (отмечено в табл. 4).

Таблица 4

Состав части клада № 2

Монетный двор	Всего монет	В том числе датированных	
		дата хиджры	количество
Алмалык	9	670	1
		688	2
		689	1
		692(?)	1
Андиган	5	—	—
Бинкет	4	686	1
Бухара	6	68.	1
Кашгар	5	—	—
Кенджде	23	677	14
		69.	1
		691	1
Кеш (Кашгар.—*Е. Д.*)	2	—	—
Маргинан	24	688	1
		690	1
Отрар	142	677	11
		684	14
		685	23
		690	3
		677—685	91
Самарканд	1	680	1
Тараз	45	677	4
		683	1
		686	29
		689	4
Ташкент	6	—	—
Ходженд	14	—	—
Шаш	21	694	21
نولاد	1	—	—
ترحان	1	671(?)	1
[Неизвестен]	7	689	1

3. В 1949 г. на территории г. Термеза был найден клад, поступивший в Сурхан-Дарьинский областной историко-краеведческий музей и переданный нам на обработку[6]. В кладе 354 серебряные монеты, чеканенные всего на двух монетных дворах — в Самарканде и Термезе. Наименование монетного

[6] Краткое описание клада см.: Е. А. Давидович, Неопубликованные монетные находки на территории Узбекистана,— «Труды Института истории и археологии АН УзССР», вып. 7, Ташкент, 1955, стр. 173, № 34.

двора сохранилось далеко не на всех монетах, но классификация по типам, вариантам и видам не оставила сомнений в том, что никакие другие монетные дворы в этом кладе не представлены. Термезские монеты клада не сохранили дат, самаркандские же датированы. Прочесть дату или определить ее (по вариантным и видовым признакам) удалось на 163 самаркандских монетах. Самая ранняя дата — 681/1282-83 г., самая поздняя — 693/1293-94 г. Таким образом, по датированным монетам клад целиком относится к двум последним десятилетиям XIII в. и хронологический диапазон его невелик. Статистическая таблица дает полное представление о составе клада в части дат и монетных дворов.

Таблица 5

Состав клада № 3

Монетный двор	Всего монет	В том числе датированных	
		дата хиджры	количество
Самарканд	341	681	2
		682	8
		684	13
		685	25
		686	7
		687	34
		688	5
		689	14
		691	19
		692	15
		693	11
Термез	13	—	—

4. В 1952 г. на правом берегу Дукентсая, километрах в 12 от г. Ангрена, обнаружен был клад серебряных монет, небольшая часть которого разошлась по рукам. В Институт истории и археологии АН УзССР было доставлено 1499 монет. В. Д. Жуков в двух статьях[7] изложил результаты обработки этого клада, отметив, однако, что часть монет худшей сохранности еще окончательно не разобрана и не определена.

Выяснение крайних дат клада представляет известные затруднения. Ранней датой В. Д. Жуков называет 673/1274-75 г., но дальше в тексте есть 671/1272-73 г. Самой поздней датой В. Д. Жуков считает 711/1311-12 г., но в тексте описание таких монет мы не обнаружили[8]. Автор, к сожалению, сам не привел статистической таблицы состава всего клада. Но при

[7] В. Д. Жуков, Дукентский клад..., стр. 176—207; его же, Чекан Кенджде и анэпиграфические монеты в Дукентском кладе..., стр. 307—312.

[8] В. Д. Жуков, Дукентский клад..., стр. 177, 192.

описании монет он указал их количество, что позволило нам составить такую таблицу (табл. 6), однако она охватывает не весь клад, а лишь описанную В. Д. Жуковым лучше сохранившуюся его часть. Сомнение вызывает одна цифра — количество монет Ходженда. К числу ходжендских монет В. Д. Жуков причислил какое-то количество монет Кенджде (монетами Кенджде являются типы 3—4 его монет Ходженда). Кенджде вообще не фигурирует в первой публикации В. Д. Жукова, этот монетный двор в составе клада он выделил позже, не разъяснив, однако, во второй статье путаницу с ходжендскими монетами и не исправив цифровых данных. В нашей таблице поэтому при цифрах, указывающих число монет Ходженда и Кенджде по данным В. Д. Жукова, оговорено, что в первом случае их меньше указанной цифры, а во втором случае больше.

5. В 1954 г. в горах северной части Ленинабадской области Таджикистана был обнаружен клад серебряных монет. От клада сохранилось 437 экземпляров, поступивших нам на обработку [9].

Самая ранняя дата в кладе — 671/1272-73 г., однако эта дата не характеризует состав самого клада. На одной монете, на двух ее сторонах, оказались две разные даты, причем 671 г. х.— более ранняя из двух дат, из чего следует, что перед нами просто случай вторичного употребления старого монетного штампа. Самыми же ранними (по времени реального выпуска) среди датированных монет следует признать экземпляры 677/1278-79 г. Самая поздняя точная дата на монетах — 706/1306-07 г. Таким образом, хронологический диапазон по датированным монетам — 30 лет в пределах последней четверти XIII и первого десятилетия XIV в. Представление о составе этого клада дает статистическая таблица 7 [10].

Нужно оговорить, что статистические материалы пяти кладов неравноценны. Два клада (№ 3 и 5), обработанные нами, расписаны целиком, три клада (№ 1, 2, 4) — лишь частично (клад № 1 — 26%, клад № 2 — около 18%, клад № 4 —

---

[9] 26 экземпляров хранятся в Институте истории АН ТаджССР, остальные — в Ленинабадском областном историко-краеведческом музее. Краткое описание состава клада см.: Е. А. Давидович, Монетные находки на территории Таджикистана в 1954 г., стр. 100, № 15.

[10] Следует оговорить, что при изучении клада монеты были классифицированы по типам и вариантам, что позволило определить происхождение многих экземпляров со стертым наименованием монетного двора. Такого рода монеты Отрара и Тараза все же выделены в отдельные рубрики и заключены в скобки. Отдельно указано также количество монет, в надписях которых наименование монетного двора вовсе не проставлялось, чтобы отличать их от монет, происхождение которых (монетный двор) было обозначено, но стерлось и не может быть уверенно определено на основании одних типовых признаков. В последнем случае речь идет о сильно потертых монетах.

примерно наполовину). Таблицы состава кладов № 1, 2, 4, конечно, не являются объективной сводкой статистических данных о составе этих кладов в целом: клады характеризуются в той степени, в какой часть вообще может характеризовать целое. Однако «смягчающим» обстоятельством является то, что в эти части кладов № 1, 2, 4 вошли монеты наилучшей сохранности. Следовательно, в отсутствующей части кладов многие монеты все равно не могли бы быть определены по месту и времени производства, т. е. попали бы в графу «стертых». Поэтому сопоставление кладов № 1, 2, 4 с кладами № 3, 5 должно все же дать известные объективные результаты.

Таблица 6

Состав части клада № 4

Монетный двор	Всего монет	В том числе датированных	
		дата хиджры	количество
Алмалык	88	677	6
		688	1
		689	5
		691(2)	2
		692	3
		693	1
		701	5
		707	2
Андиган	20	—	—
Бухара	91	—	—
Кашгар	22	68.	3
		684 (?)	1
Кенджде	Свыше 123	677	33
		691	15
		696	16
Маргинан	2	—	—
Отрар	19	684	1
Самарканд	39	681	1
		68.	5
		684	1
Тараз	Свыше 300	671	1
		677	12
		686	28
		689	6
Термез	64	—	—
Ходженд	Меньше 76	677	1
Шаш	87	68.	3
		6.5	2
Пулад (*В. Ж.*)	2	—	—
[Не был обозначен]	12	—	—

По составу монетных дворов пять кладов распадаются на две неравные группы: одну группу образуют клады № 1, 2, 4, 5, вторую — клад № 3. Состав монетных дворов в кладах

Таблица 7

Состав клада № 5

Монетный двор	Всего монет	В том числе датированных	
		дата хиджры	количество
Алмалык	18	685	2
		689	2
		694	3
Андиган	4	—	—
Бухара	21	—	—
Кашгар	1	681	1
Кенджде	36	677	6
		681	1
		691	3
		695	3
		696	1
		69.	1
Отрар	2	684	1
		685	1
[Отрар]	67	685	4
		$6^{7}/_{9}7/_{9}$	5
		690	14
		706	1
		7..	1
Самарканд	6	686	3
		696	1
Тараз	116	677	9
		67.	2
		686	21
		689	2
		68.	2
		$6^{7}/_{9}2$	2
		$6^{7}/_{9}.$	1
		696	1
		699	1
		69.	1
		6.3	2
[Тараз]	17	686	5
		68.	1
		706	2
Термез	27	7..	4
Ходженд	12	—	—
Шаш	22	—	—
Бинкет	1	—	—
[Стерт]	67	—	—
[Не обозначен]	20	—	—
Всего	437		
В том числе с надчеканами	4		

первой группы почти идентичен (табл. 8), основные монетные дворы представлены во всех четырех кладах. Но количество монет разных монетных дворов в кладах различное. Однако весьма существенно, что даже эта количественная характери-

Таблица 8

Сравнительный состав пяти кладов

Монетный двор	Количество монет в кладе				
	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5
Алмалык	2	9	—	88	18
Андиган	—	5	—	20	4
Бинкет	2	4	—	—	1
Бухара	10	6	—	91	21
Кашгар	3	7	—	22	1
Кенджде	2	23	—	Свыше 123	36
Маргинан	—	24	—	2	—
Отрар	19	142	—	19	2+67
Самарканд	4+1	1	341	39	6
Тараз	25+5	45	—	Свыше 300	116+17
Ташкент	—	6	—	—	—
Термез	7	—	13	64	27
Ходженд	8	14	—	Меньше 76	12
Шаш	7	21	—	87	22
نولاد	—	1	—	2	—
نرحان	—	1	—	—	—

стика в четырех кладах первой группы весьма близка. Это хорошо видно из табл. 9, в которой монетные дворы распределены по местам в соответствии с количеством их продукции в каждом кладе. Тараз, например, в трех кладах занял первое место, а в четвертом — второе; Отрар в трех кладах занял первое и второе места и лишь в одном кладе — одиннадцатое место. «Хорошие места» занимает Кенджде: второе, третье и четвертое, и лишь в кладе № 1 этот город занял последнее место, но явно только потому, что В. Г. Тизенгаузен в этом кладе чекан Кенджде вообще не выделил (см. выше, стр. 51—52). Шаш во всех четырех кладах занял пятое место. Не продолжая перечня, можно подвести итог: состав и количественная характеристика монетных дворов в Ленинабадском кладе № 5 типичные, три других клада с некоторыми частными модификациями повторяют их.

Эти четыре клада найдены в северо-восточной части Чагатаидского улуса. А это значит, что на этой территории, действительно, количественное соотношение в кладах монет разных монетных дворов определялось не местом сложения клада, а интенсивностью работы самих монетных дворов. Кроме того, эти клады включают монеты не только ближних монет-

ных дворов, но и многих других, расположенных далеко к западу, югу и востоку. Следовательно, в это время серебряные монеты беспрепятственно обращались по всему государству Чагатаидов, вне зависимости от места выпуска; их обращение было избавлено от локальных преград.

Таблица 9

Места монетных дворов по количеству монет в кладах

Место	Монетный двор			
	клад № 1	клад № 2	клад № 4	клад № 5
1	Тараз	Отрар	Тараз	Тараз
2	Отрар	Тараз	Кенджде	Отрар
3	Бухара	Маргинан	Бухара	Кенджде
4	Ходженд	Кенджде	Алмалык	Термез
5	Термез, Шаш	Шаш	Шаш	Шаш
6	Самарканд	Ходженд	Ходженд	Бухара
7	Кашгар	Алмалык	Термез	Алмалык
8	Алмалык, Бинкет, Кенджде	Кашгар	Самарканд	Ходженд
9		Бухара, Ташкент	Кашгар	Самарканд
10		Андиган	Андиган	Андиган
11		Бинкет	Отрар	Бинкет, Кашгар
12		Самарканд, Пулад (?)	Маргинан, Пулад (?)	

Особое место занимает клад № 3. Он найден в Термезе и включает монеты только самого Термеза и Самарканда. Монет Самарканда много больше, чем местных, термезских. Это тоже может свидетельствовать о разной интенсивности работы монетных дворов Самарканда и Термеза, хотя и Термез, судя по другим кладам, выпускал достаточно обильную продукцию. В кладах № 5 и 1 Термез занял даже четвертое и пятое места.

Монеты Термеза и Самарканда встречаются в других кладах, найденных в Фергане, Киргизии, Казахстане. Но в Термезском кладе другие монетные дворы не представлены. Клад такого состава пока один, так что нельзя судить, типичен ли его состав для юга Средней Азии или случаен: определен ли он особенностями денежного обращения или какими-то частными причинами.

Глава 5

КЛАССИФИКАЦИЯ СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОРГАНИЗАЦИИ ИХ ЧЕКАНА И ОБРАЩЕНИЯ

Все серебряные монеты рассматриваемого времени анонимные — на них нет имен государей, что уже неоднократно отмечалось в литературе. Среди них есть даже такие, на которых вовсе нет никаких надписей. Надписи же остальных, т. е. основной массы монет, отнюдь не разнообразны.

1. Единственное имя, зафиксированное на серебряных монетах третьего этапа,— это имя халифа Насира (монеты Кашгара, Кенджде, Отрара, Шаша), чаще всего с его титулом الامام الاعظم الناصر لدين الله или без него. Изредка имя фрагментировано[1]. Наличие имени давно умершего халифа вовсе не снимает определение этих монет как анонимных. Любопытно, что на некоторых монетах от имени с титулом халифа Насира осталось не имя, а, наоборот, только титул. Например, весь центр самаркандских монет занят одним этим титулом الامام الاعظم.

2. Встречаются на монетах и другие титулы, но безотносительно к какому-либо лицу. Самый распространенный среди них — это титул العادل الاعظم (монеты Алмалыка[2], Андигана, Бухары, Кашгара, Отрара, Тараза, Ходженда, Бинкета, Пулада), во всех случаях написанный крупными буквами и занимающий весь центр поля монетных кружков.

Значительно реже на монетах встречаются еще два титула: شاه عادل и پادشاه عادل (Бинкет, Кенджде, Тараз). На монетах Андигана, Самарканда и Ходженда есть слово *хани* в форме относительного прилагательного, по традиции перешедшее с монет предшествующего чекана (медных посеребренных дирхемов XIII в.).

---

[1] Но отнюдь не всегда, как полагает Г. А. Федоров-Давыдов («Клад золотых монет...», стр. 135, прим. 19).

[2] На монетах Алмалыка есть надписи, которые можно читать как титул المالك الاعظم. Но не исключено, что это также العادل الاعظم, чему вполне соответствует начертание первых четырех букв.

3. Довольно часто на монетах стоит символ веры. По большей части он занимает весь центр поля монетного кружка (Самарканд, Тараз, Термез, Маргинан), иногда же составляет круговую легенду (Алмалык, Кенджде) или образует квадрат по сторонам центра, чем-либо заполненного (Тараз).

4. Встречаются на монетах благопожелания и сентенции. Чаще всего это الملک لله الحمد لله (Отрар, Ташкент, Шаш) или только الملک لله (Кенджде, Тараз). Эти надписи по большей части также выполнены крупными буквами и занимают центр поля монетного кружка. Неоднократно отмечено благочестивое восклицание: الملک لله الواحد القهار (Кенджде, Тараз).

5. Выпускные сведения отнюдь не обязательная часть монетных надписей. Иногда их вовсе не проставляли, иногда проставляли частично (например, без даты). Наименование монетного двора часто обозначалось в поле монетного кружка. На монетах Алмалыка и Тараза оно занимает самый центр поля одной из сторон, в большинстве же случаев обозначено в нижней строчке. На монетах Термеза надпись с наименованием монетного двора расположена по кругу, но тоже занимает все поле. Столь же часто выпускные сведения расположены в круговой легенде, вне картуша или в его внешних отсеках. Дата проставлялась обычно цифрами, реже словами. В. Д. Жуков[3] в круговых надписях термезских монет читает также и название месяцев. В круговых легендах часто читается и слово «дирхем».

Итак, все разбираемые монеты дают относительно небольшой репертуар надписей: надписи религиозного содержания (символ веры и благочестивые восклицания), небольшой набор «анонимной титулатуры» (включая имя халифа Насира) и выпускные сведения. Некоторые из этих надписей повторяются на монетах разных городов и чаще всего занимают видное место, определяющее облик монеты, ее тип (например, титул العادل الاعظم и символ веры), другие — явно второстепенные, обозначены по большей части мелкими буквами, иногда обрезаны, часто стерты, особенно когда занимают края монеты. Это относится и к выпускным сведениям (главным образом к дате).

Первостепенными элементами, определяющими (наряду с некоторыми надписями) облик этих серебряных монет, являются тамги, картуши и разные украшения.

В. Д. Жуков по монетам Дукентского клада выявил пять тамг и подметил, что две из них (№ *5—6* на нашем рисунке 2) встречаются не изолированно, а лишь в сочетании с первыми тремя[4] (№ *1—3* на рис. 2). Эти наблюдения пол-

[3] В. Д. Жуков. Дукентский клад..., стр. 199.
[4] Там же, стр. 178.

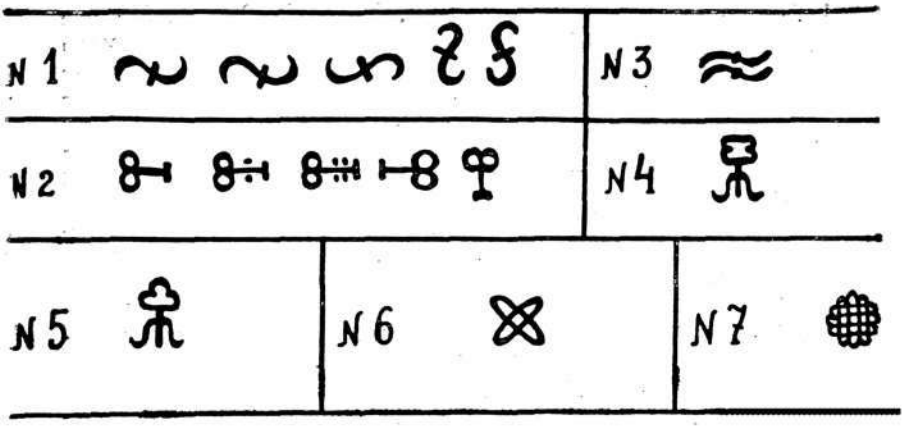


Рис. 2. Тамги на серебряных монетах третьего этапа

ностью подтвердил наш клад из Ленинабадской области, на монетах которого те же пять тамг и, возможно, еще две новые. Тамга № 4 (рис. 2/*4*) очень похожа на тамгу № 5 (рис. 2/*5*), но все же несколько отличается, поэтому не исключено, что это две разные тамги. Отмечен также рисунок в виде сетки, очертания которого отличны от тамги № 6. Возможно, это тоже тамга (рис. 2/*7*). Таким образом, о пяти тамгах можно говорить уверенно, но не исключено, что их было больше. Три из них (рис. 2/*1, 2, 6*) совпадают с тамгами монголов, собранными B. Rintchen'ом в Монголии и опубликованными в виде таблицы с пояснениями относительно монгольского названия каждой[5]. Интересно сравнить положение (низ — верх) этих одинаковых тамг. На монетах положение тамги, ее низ и верх, можно определить только относительно надписей, да и то не всегда. В тех случаях, когда это оказалось возможным, выявилось следующее.

Тамга № 1 имеет два основных положения — горизонтальное и вертикальное. Внутри этих положений есть варианты. При горизонтальном положении чаще левый конец опущен, а правый поднят, но изредка бывает и наоборот. При вертикальном положении те же два варианта: тамга «развернута» в разные стороны (рис. 2/*1*). На таблице B. Rintchen'а аналогичная тамга под № 125 имеет вертикальное положение и фиксирует лишь один вариант разворота. Тамга № 2 на монетах чаще всего расположена горизонтально, но есть и вертикальное положение «головкой» вверх (рис. 2/*2*). На таблице B. Rintchen'а аналогичная тамга под № 167 расположена

[5] B. Rintchen, Les signes..., стр. 467—473. В. Д. Жуков отметил сходство трех тамг, но, очевидно по ошибке, вместо № 6 (в виде сеточки) привел другую тамгу (на нашем рисунке 2 фигурирующую под № 5).

вертикально, но «головкой» вниз. Тамга № 6 (рис. 2/*б*) не только по форме, но и по положению сходствует с тамгой № 177 на таблице B. Rintchen'a, который, между прочим, тамгу этой же самой формы, но другого положения дает под самостоятельным номером (№ 176). Любопытны монгольские названия этих двух одинаковых по форме, но разных по положению тамг: № 176 — «пять дырочек», № 177 — «пять дырочек на отдыхе». Может быть, и на монетах одинаковые по форме, но разные по положению тамги имели разное значение? Несколько смущает то обстоятельство, что на некоторых монетах тамги расположены так изолированно (относительно надписей), что их положение не может быть определено. Не следует ли из этого, что положение этих тамг существенного значения в то время, в XIII в., не имело и единственным определителем была их форма?

На монетах (место производства которых известно) отмечено от одной до четырех тамг (табл. 10/б), на одной стороне монетного кружка — от одной до трех (табл. 10/а).

Таблица 10/а

Тамги на одной стороне серебряных монет третьего этапа

Монетный двор	Тамги и их сочетания (нумерация тамг по рис. 2)							
	1	2	3	7	1, 2	1, 4	1, 5	1, 2, 3
Алмалык	+	+			+			
Андиган					+			
Бухара	+							
Кашгар	+							
Кенджде	+							
Маргинан					+			
Отрар	+							
Ош					+			
Самарканд	+							
Тараз	+		+	+	+	+	+	+
Термез		+						
Ходженд	+							
Шаш	+							
Бинкет	+				+			+
Ташкент	+							
Пулад (?)	+							

Самая распространенная тамга из семи — тамга № 1. Встречается она изолированно (Алмалык, Бухара, Кашгар, Кенджде, Отрар, Пулад (?), Самарканд, Тараз, Ходженд, Шаш-Бинкет-Ташкент), иногда повторяется дважды, т. е. на обеих сторонах монетного кружка (Кенджде, Тараз), или же сочетается с другими тамгами. Существенно, что эта тамга

зафиксирована на медных посеребренных дирхемах Самарканда (тип 9, рис. 1/7) первого этапа. В чекане многих городов тамгу № 1 сопровождает тамга № 2 (Алмалык, Андиган, Маргинан, Ош, Тараз, Бинкет). Тамга № 1 не зарегистрирована пока только на монетах Термеза. Все это ясно указывает на ее общегосударственный характер. Это общая тамга для всех городов и областей Чагатаидского государства и признак, объединяющий весь этот разногородный чекан серебра.

На втором месте по распространенности стоит тамга № 2. Изолированно она нам известна на монетах Алмалыка и Термеза, сочетание же с тамгой № 1 зарегистрировано для многих городов, так что вообще уже сейчас она отмечена в чекане семи из 14 монетных дворов (Алмалык, Андиган, Маргинан, Ош, Тараз, Термез, Бинкет). Эти семь монетных дворов расположены в самых разных концах Чагатаидского государства, так что тамгу № 2 тоже нельзя считать тамгой какого-нибудь местного правителя или владетеля отдельного города или области, следовательно, она тоже имеет общегосударственный характер.

Характерно, что два типа надчеканов на этих серебряных монетах представляют собой маленькие круглые картуши (в виде двухлинейного ободка с точечным кругом посредине), в которых порознь заключены тамги № 1 и 2 (фототабл. 6/*3—5*).

Остальные тамги с большой долей вероятности могут быть связаны с правителями или владетелями отдельных областей и городов, т. е. квалифицированы не как общегосударственные, а как местные. Тамга № 3 зафиксирована на монетах Бинкета и Тараза, которые на каком-то отрезке времени вполне могли составлять общую область управления или владения. Остальные тамги и их разнообразные сочетания (табл. 10/а, б) пока отмечены только в Таразе[6].

Таким образом, многообразие тамг на этих серебряных монетах при ближайшем рассмотрении не «разъединяет» эти монеты, а, наоборот, объединяет. Действительно, для чекана всех монетных дворов характерны две тамги, порознь или вместе повторяющиеся на всех монетах. Эти же тамги использованы и при надчеканивании монет. Особое положение (по имеющимся у нас данным) занимает один лишь Тараз, в чекане которого есть те же две тамги, а также ряд других тамг

---

[6] На монетах, на которых наименование монетного двора стерто или не проставлялось, имеются еще и следующие варианты употребления тамг, не вошедшие в табл. 10/а, б: изолированно тамга № 5 и сочетания тамг № 1, 2, 2 и 1, 1, 2. Тамгу № 6 мы не видели на серебряных монетах этого этапа. В. Д. Жуков («Дукентский клад...», стр. 178) оговорил, что она встречается только в сочетании с другими, но не указал, на монетах каких городов. Нам такая тамга известна на медных посеребренных дирхемах Самарканда первого этапа (тип 3, рис. 1/*3*).

Таблица 10б/

Тамги на двух сторонах серебряных монет третьего этапа

Монетный двор	Тамги и их сочетания (нумерация тамг по рис. 2)									
	1	2	3	1, 1	1, 2	1, 2, 3	1, 1, 2, 3	1, 5, 3	1, 4, 3	1, 2, 7
Алмалык	+	+			+					
Андиган					+					
Бухара	+									
Кашгар	+									
Кенджде	+			+						
Маргинан					+					
Отрар	+									
Ош					+					
Самарканд	+									
Тараз	+		+	+	+	+	+	+	+	+
Термез		+								
Ходженд	+									
Шаш	+									
Бинкет	+				+		+			
Ташкент	+									
Пулад (?)	+									

и новые их сочетания. Иначе говоря, тамги являются признаком единообразия монет, а Тараз в этом смысле — исключение[7].

Внешнее оформление и расположение надписей решены на рассматриваемых монетах двояко. В одних случаях все поле монетного кружка занимают надписи, в других случаях центр поля выделен картушем. Рассмотрим оба решения.

В тех случаях, когда все поле занято одними надписями, самое обычное их расположение следующее. В центре поля — надпись, выполненная крупными буквами, состоящая из двух строк и образующая квадрат. Почерк таких надписей своеобразный и довольно устойчивый, сочетающий широкие линии с тонкими. Обычно вертикальные тяги букв (особенно *алиф* и *лям*) выполнены широкими линиями, а их соединения и «мелкие» буквы (вроде *мим, нун* и т. д.) — тонкими линиями. Содержание этих надписей — титулы العادل الاعظم, реже الامام الاعظم, благочестивые восклицания الملك لله الحمد لله ' символ веры. Несмотря на разное содержание, все эти надписи (кроме символа веры) благодаря особенностям по-

[7] Что касается происхождения и принадлежности этих тамг, то вопрос этот нельзя считать решенным (даже для тамг № 1 и 2), несмотря на соблазнительное совпадение форм большинства этих монетных тамг с монгольскими тамгами.

черка внешне очень похожи. У монет с этими разными по содержанию, но одинаково расположенными надписями совершенно одинаковый облик, и чтение их требует внимательного и специального рассмотрения [8].

Подобное сходное оформление имеет одна из сторон монетных кружков, выпущенных на самых различных монетных дворах (Алмалык, Андиган, Бухара, Кашгар, Отрар, Ош, Самарканд, Тараз, Ташкент-Шаш, Ходженд). Следовательно, все эти разногородные монеты объединяет единый облик одной из сторон монетного кружка [9].

Второе, еще более распространенное решение — оформление поля монетного кружка картушем. Среди кажущегося многообразия картушей четко выделяются четыре вида, повторяющиеся на монетах выпуска самых различных монетных дворов (эти четыре вида картушей обозначены цифрами I—IV) [10].

Первый картуш — квадрат однолинейный, двухлинейный или из двух фигурно-пересекающихся линий (рис. 3/*I*) [11]. Второй картуш круглый (рис. 3/*II*). Он дает те же варианты, что и квадратный: круги бывают однолинейные, двухлинейные, с ободком в виде узкой плетенки, однолинейные с точечным обрамлением. Чаще всего встречаются параллельно используемые однолинейные и двухлинейные картуши. На монетах Андигана и Ходженда круглый двухлинейный картуш имеет посредине узкую линию-плетенку, на монетах Маргинана картуш в виде линейного и точечного ободков [12].

Третий картуш имеет вид шестиугольной звезды, образовавшейся от пересечения двух двухлинейных треугольников (рис. 3/*III*). Этот картуш очень распространен в чекане Кенджде и Тараза, но есть на монетах и других городов.

Четвертый картуш (рис. 3/*IV*) — восьми- и шестилепестковые розетки.

Заполнение картушей различное. В большинстве случаев центр картуша занимает тамга № 1, реже № 2 или вместе

---

[8] Именно это внешнее подобие иногда вводит в заблуждение даже специалистов. Например, В. Д. Жуков вместо الامام на самаркандских монетах прочел العادل («Дукентский клад...», стр. 191).

[9] Символ веры, также занимающий весь центр поля монетного кружка (на монетах Самарканда, Термеза и Бинкета), придает монете несколько иной облик, однако тоже весьма близкий рассмотренному.

[10] На единичных монетах зафиксировано еще три вида картушей (рис. 3/*V—VII*).

[11] Эти варианты существенного значения тогда не имели. Такое заключение напрашивается само собой, ибо на однотипных монетах одного города и за один год отмечено одновременное употребление и однолинейных и двухлинейных картушей.

[12] Следует оговорить, что изредка, когда надписи за пределами круглого картуша обрезаны и стерты, эти круглые картуши имеют вид как бы внешних ободков.

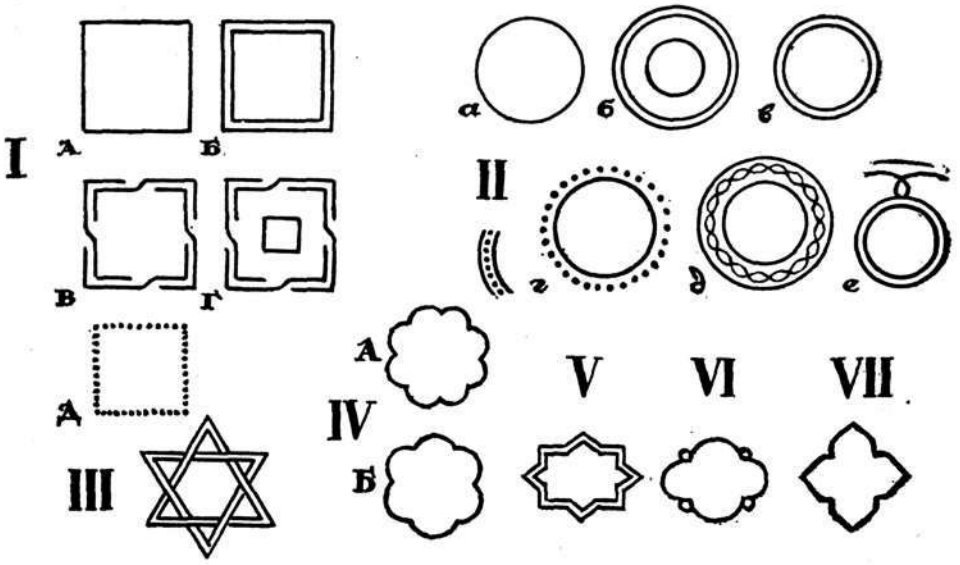


Рис. 3. Картуши на серебряных монетах третьего этапа

№ 1—2, а на монетах Тараза — и все прочие тамги и их сочетания. По сторонам тамг, внутри картуша,— виньетки или надписи мелкими буквами (наименование монетного двора или титулы). Реже внутри картушей место тамг занято одними надписями. На монетах Алмалыка круглый картуш (по традиции с дореформенного времени) как бы двойной: во внутреннем, маленьком круге — наименование монетного двора и тамга, а во внешнем — символ веры (часто с искажениями) в виде кольца. На одном типе монет Тараза встречается такой же усложненный квадратный картуш (во внутреннем маленьком квадратике — тамга № 1). Однако при всех вариантах внутреннего заполнения картушей их облик остается одинаковым и монеты с одним и тем же картушем выглядят похожими.

Однако облик монеты в целом определяют не одна, а обе стороны монетного кружка. Пять основных и все время повторяющихся видов оформления монет (двухстрочная надпись квадратом и картуши I—IV) на двух сторонах кружка дают самые различные сочетания. На первый взгляд сочетания эти столь разнообразны, что оставляют впечатление полного разнобоя. Кажется, что сходных монет — монет с одинаковым обликом обеих сторон монетного кружка — вообще нет в чекане разных городов. Однако более детальное рассмотрение убедительно показывает ошибочность и поверхностность такого впечатления (табл. 11). То или иное сочетание на обеих сторонах монетного кружка двух из пяти основных рассмотренных выше элементов облика монеты обозначено парой

цифр. Знаком 0 обозначено оформление без картуша (в подавляющем большинстве случаев в виде двухстрочной надписи), а римскими цифрами I—IV и VII — картуши (см. рис. 3). Например, монета 0—II на одной стороне содержит двухстрочную надпись без картуша, а на другой — круглый картуш; монета I—II — на одной стороне — квадратный картуш, а на другой — круглый [13].

Для табл. 11 использованы только те монеты, которые сохранили наименование монетного двора и тип которых удалось выяснить.

Таблица дает очень яркую картину соотношения типов монет в разногородном чекане. Оказывается, основная масса монетных дворов (Алмалык, Андиган, Ташкент-Шаш, Кашгар, Маргинан, Отрар, Ош, Ходженд, Пулад (?) и частично Тараз) выпускала одинаковые монеты 0—II, т. е. монеты со сходными обеими сторонами монетного кружка. Иначе говоря, здесь может идти речь только о централизованном установлении. Сходство облика монет в чекане десяти монетных дворов — убедительное свидетельство того, что их местные правители и владетели отнюдь не проявляли полной «самодеятельности», что им сверху были предписаны основные показатели, определяющие облик монет и позволяющие легко, без всякого чтения надписей, отличать их от монет иного облика.

В связи с этим привлекают внимание еще и следующие моменты. По имеющимся сейчас данным, эти десять монетных дворов (кроме Тараза) других монет вообще не чеканили или чеканили (как, например, Алмалык или Кашгар) эпизодически и в относительно небольшом количестве. А чекан монет 0—II был многолетним и обильным. Например, монеты 0—II в Алмалыке чеканились с дореформенного времени, а поздняя из зафиксированных алмалыкских дат — 707/1307-08 г. В Шаше-Ташкенте и Кашгаре датированные монеты 0—II падают на 80-е годы VII в. х. Весьма продолжительным был чекан монет 0—II в Отраре: с 670/1270-71 до 706/1306-07 г.

Города, выпускавшие монеты 0—II, образуют и территориально довольно компактную группу: это Фергана (Ходженд, Маргинан, Андиган, Ош), Ташкентская область (Шаш-Ташкент), районы к северу (Отрар, Тараз), северо-востоку (Алмалык) и востоку (Кашгар). Иначе говоря, это северо-восточная часть Чагатаидского улуса.

Итак, на всей этой огромной территории северо-восточной

---

[13] Для табл. 11 и следующих использованы материалы трех кладов (Термезского, Дукентского и Ленинабадского), а также проработанные нами монеты ГЭ и МИ Уз. Безусловно, новые находки серебряных монет пополнят и уточнят эту таблицу.

Таблица 11

Облик серебряных монет и монетные дворы

Облик монеты	Монетный двор															
	Алма-лык	Анди-ган	Бинкет	Ташкент	Шаш	Бухара	Кашгар	Кенджде	Маргинан	Отрар	Ош	Самарканд	Тараз	Термез	Ходженд	Пулад (?)
0 — 0												+		+		
0 — I																
0 — II	+	+		+	+		+		+	+	+		+		+	+
0 — III																
0 — IV						+										
I — I							+	+								
I — II							+	+					+			
I — III	+		+										+			
I — IV								+								
I — VII			+													
II — II								+					+			
II — III								+					+			
II — IV								+					+			
III — IV			+					+					+			

части государства Чагатаидов чекан монет в ряде городов был организован на основе многолетнего выпуска монет одинакового облика. Если эти установления и нарушались, то редко и на коротких отрезках времени.

В этой же северо-восточной части государства Чагатаидов находились города Кенджде и Тараз. Но они почти полностью выпадают из только что рассмотренной единой группы монетных дворов, действительно демонстрируя многообразие сочетаний из пяти основных элементов. Любопытно, что редкие монеты Бинкета I—III и III—IV и Кашгара I—II смыкаются с чеканом Тараза и Кенджде. В Кенджде и Таразе удалось зафиксировать по семи разных сочетаний. По пяти сочетаний (I—II, II—II, II—III, II—IV, III—IV) совпадают в чекане двух городов [14]. Следовательно, у этих двух городов были отдельные от остальных, но общие для них самих основы монетного чекана.

Из табл. 11 видно также, что несколько обособленно (хотя и не совсем) стоит чекан городов Мавераннахра: Термеза, Бухары, Самарканда. Монеты этих трех городов достаточно индивидуальны. Правда, одной стороной монетного кружка сходствуют монеты Самарканда — Бухары (двухстрочная надпись квадратом, без картуша) и Самарканда — Термеза (все поле занято символом веры, без картуша). Самаркандские монеты без изменения основных признаков типа чеканились на протяжении многих лет.

Таким образом, многочисленные, разнообразные и разногородные серебряные монеты рассматриваемого времени наиболее приметными чертами своего облика образуют как бы три группы: группу разногородных, но наиболее унифицированных монет, выпускавшихся на протяжении весьма длительного времени минимум в десяти городах северо-восточной части государства Чагатаидов; группу монет Мавераннахра, обладающих чертами общности, но все же достаточно индивидуальных; группу монет Тараза и Кенджде, весьма разнообразных, в значительной степени сходных между собой, но зато весьма отличных (хоть и не изолированных) от первых двух групп.

Эти три группы, обладая каждая в отдельности своими специфическими особенностями и чертами единства, не изолированы, однако, и одна от другой. Группы связывает сходство облика какой-либо одной из сторон монетного кружка. Например, картуш II, обязательный на всех монетах первой группы, довольно часто встречается и на монетах Кенджде — Тараза, т. е. третьей группы (сочетания I—II, II—II, III—II, IV—II в Кенджде и Таразе и 0—II в Таразе). Таким образом,

---

[14] В Таразе, кроме того, разнообразие сочетаний этих элементов сопровождается еще и разнообразием использованных тамг и их комбинаций.

круглый картуш II — это «мостик» между третьей и первой группами. Между первой и второй группами другой «мостик» — 0: у монет первой группы обязательно, а у монет второй группы часто одна сторона монетного кружка не имеет картуша и занята двухстрочной надписью, скомпонованной в квадрат. Между второй и третьей группами также есть свои «мостики». Картуш IV есть в чекане Бухары (группа вторая) и Кенджде — Тараза (группа третья); картуш 0 — в чекане Бухары — Самарканда (группа вторая) и Тараза (группа третья).

Глава 6

ОСОБЕННОСТИ ЧЕКАНА ТАРАЗА И КЕНДЖДЕ

Группа монет Тараза и Кенджде[1] должна быть рассмотрена особо. Почему столь разнообразны сочетания основных пяти элементов облика монет в чекане этих двух монетных дворов? Выпускались ли монеты разных сочетаний одновременно, параллельно, или же они сменялись в хронологическом порядке?

Начнем с монет Тараза. Чекан Тараза был весьма обильным. В кладах монеты Тараза, как правило, преобладают или занимают в количественном отношении одно из первых мест. Тараз дал и наибольшее число сочетаний основных компонентов, определяющих облик монет. Уже сейчас зафиксировано семь таких сочетаний (рис. 4), а новые монетные находки могут увеличить их число. Самые разнообразные сочетания дают монеты Тараз II (т. е. те, у которых одна сторона II) — со всеми прочими и даже с II. Это хорошо видно на рис. 4. Иначе говоря, Тараз II имеет пять сочетаний и занимает центральное место; только два сочетания (Тараз I—III и III—IV) обходятся без Тараза II. Одно сочетание дает Тараз 0; Тараз I и Тараз IV дают по два сочетания, а Тараз III — три сочетания.

Ясно, что Тараз II все время или на каком-то отрезке времени сосуществовал с монетами всех прочих обликов. Но

[1] Кенджде, Кенджиде — округ к западу от Исфиджаба. Главный город этого округа, носивший другое название, был в двух днях пути от Исфиджаба (G. le Strange, The Lands of the eastern Caliphate, Cambridge, 1905, стр. 485; В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия,— Сочинения, т. I, М., 1963, стр. 233). Следовательно, в данном случае (как это бывало нередко) монетный двор носил название не города, а округа. И принадлежность чагатаидских серебряных монет последней четверти XIII в. именно этому округу не вызывает никаких сомнений, даже без учета состава кладов и типов самих монет. Но E. Zambaur («Die Münzprägungen...», стр. 212, табл. 12—13) опубликованные А. К. Марковым чагатаидские монеты Кенджде отнес к чекану Ганджи в Закавказье, восстановив не приведенное А. К. Марковым начертание Кенджде не как كنجده, а как كنجة.

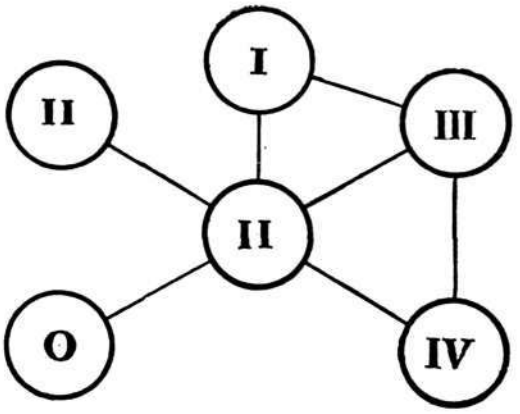


Рис. 4. Сочетания картушей на двух сторонах монетного кружка в чекане Тараза (форму картушей см. на рис. 3)

как? Одновременно или последовательно, как бы «по очереди»? А Тараз I, III, IV, сочетаясь между собой, случайно «обошлись» без Тараза II, или на каком-то отрезке времени Тараз II уже не употреблялся? Вообще, разные сочетания двух из этих пяти обликов сосуществовали или сменяли друг друга хронологически? Если же они сосуществовали, то в результате чего: резались ли одновременно штампы более чем двух обликов, или старые штампы вторично употреблялись при новой паре, получали вторую жизнь? Для решения этих и многих других вопросов особенно важны монетные даты.

На одной монете Тараза III—IV[2] оказались две даты: на одной стороне (Тараз III) — дата цифрами 686 г. х., а на другой стороне (Тараз IV) — тоже цифрами [6]71 г. х. Такое сочетание ясно показывает, что штамп, вырезанный в 671 г. х., употреблялся для чекана монет не только в этом году, но и в последующие годы, до 686 г. х. включительно, хотя между 671 и 686 гг. х. появились новые штампы с новыми промежуточными датами (например, 677 и 683 гг. х.). Отсюда следуют три вывода: 1) дата на монете отнюдь не всегда является годом ее реального чекана, их может разделять значительный отрезок времени; 2) некогда изготовленный штамп мог употребляться очень долго и оказаться «в паре» с другим, совершенно неожиданным штампом более позднего происхождения и нового облика; 3) длительное употребление старых штампов, очевидно, и есть главная причина отмеченного разнообразия сочетаний.

Даты на монетах проставлялись не всегда, а проставленные чаще всего не сохранились. Поэтому монет, имеющих даты, не так много. Безусловно, даты, зафиксированные сейчас, не исчерпывают всего разнообразия в свое время проставлявшихся на монетах дат. Даты на монетах проставлялись двояко — словами и цифрами. Для данной группы монет даты цифрами более достоверны. Это объясняется следующим. Чекан основной массы монет падает на 70—90-е го-

[2] Монета в составе клада, найденного в Ленинабадской области (ЛОМ, № 175).

ды VII в. х. В тех же случаях, когда даты обозначались словами, из-за отсутствия диакритических знаков трудно, а то и просто невозможно решить, какое слово написано: سبعين «семьдесят» или تسعين «девяносто». В том и другом случае написание первых двух букв (если они даны в виде четырех зубцов) допускает обычно оба чтения. Такие даты, параллельно не подкрепленные цифровыми, требуют осторожности (на одной такого рода дате мы ниже остановимся, см. стр. 76). На приводимой ниже табл. 12 сведены все даты, словами и цифрами, оказавшиеся на монетах Тараза, причем в ней отражено, на монете какого облика стоит каждая дата (что весьма существенно для решения поставленной задачи); кроме того, даты сгруппированы по десятилетиям [3].

Таблица 12

Монеты Тараза

Облик монеты	Годы хиджры				
	670-е	680-е	690-е	700-е	?
0					
I					
II	671 67.	686 689 68.			..2
III	677 (?) 67. (?)	683 686 689 68.	696 699	706	6.3
IV	671 677				

Самая ранняя дата — 671 г. х.— у Тараз II и IV. Можно считать, что сочетание II—IV в чекане Тараза и является самым ранним, так как этот год, по всем имеющимся сейчас данным, вообще был первым годом чекана в Таразе серебряных монет третьего этапа. Следовательно, эта «пара» штампов была предназначена одна для другой, т. е. сочетание II—IV было не вторичным, а первичным, и не только в 671 г. х., но и в последующее время — на протяжении 670-х годов хиджры. Об этом опять же свидетельствуют даты: Тараз IV имеет дату 677 г. х., а Тараз II — даты даже следующего десятилетия.

[3] При рассмотрении этих дат необходимо помнить, что датированные штампы любого облика использовались не один год (год их изготовления), а обычно много дольше.

В свете этого вывода кажутся странными ранние даты Тараз III: 677 и 67. гг. х. Неужели кроме «законной пары» II—IV в эти же годы были изготовлены штампы Тараз III? Привлекают внимание следующие факты. Даты монет Тараз II и IV, как правило, обозначены цифрами и реже словами. Оба вида дат на однотипных монетах не оставляют сомнений в правильности чтения дат, обозначенных словами: здесь именно «семьдесят», а не «девяносто». Кроме того, в данном случае сомнений не было бы и без цифровых дат, так как слово «семьдесят» написано так, что чисто палеографически исключает другое чтение. Другое дело Тараз III. Во всех известных нам случаях (включая монеты ГЭ и Дукентского клада) дата обозначена словами, причем первые две буквы слова десятков — в виде четырех зубцов равной высоты. Таким образом, палеография допускает двоякое чтение: «семьдесят» и «девяносто». А. К. Марков[4] и В. Д. Жуков[5] предпочли «семьдесят», так что у них получился 677 г. х.

Цифровые даты семидесятых годов для Тараз III пока неизвестны. Зато много монет девяностых годов с не вызывающими сомнений цифровыми датами. Поэтому кажется более правильным читать на рассматриваемых монетах Тараз III не 677 г. х., а 699 (такая цифровая дата есть — см. табл. 12) или 697 г. х.

Следующие достоверные даты (чаще всего обозначенные цифрами, реже словами) падают на 680-е годы хиджры. Эти даты сохранились на монетах Тараз II и Тараз III, причем на тех и других есть совершенно одинаковые даты: 686/1287-88 и 689/1290 гг. Одно это совпадение не оставляет сомнений в том, что Тараз II и Тараз III в 680-е годы хиджры составляли в монетном чекане «пару». И практически такие сочетания Тараз II—III (с датами на Тараз II или III — см. табл. 12) имеются. Для этого же времени известно и другое сочетание, когда на обеих сторонах одинаково Тараз II. Среди таких сочетаний II—II есть и датированные: 686 и 689 гг. х. Для этого времени есть и другие сочетания (III—I, III—IV), но даты в этих случаях стоят на Тараз III (683, 686 и 689 гг. х.), так что из этого никак не следует, что штампы Тараз I и Тараз IV изготовлялись в 680-х годах хиджры. Сочетание Тараз III—IV (с датой 686 г. х. на Тараз III) говорит о том, что в 680-х годах продолжали употреблять старые, 670-х годов, штампы Тараз IV. Что же касается сочетаний Тараз III—I (с датами 683 и 686 гг. х. на Тараз III), то это, очевидно, свидетельство вторичного употребления датированных штампов Тараз III в то более позднее время, когда были изготовлены штампы Тараз I (см. ниже, стр. 77).

[4] А. К. Марков, Инвентарный каталог..., стр. 549, № 37—40. Облик монет, не описанных А. К. Марковым, установлен их осмотром в ГЭ.

[5] В. Д. Жуков, Дукентский клад..., стр. 193.

Таким образом, данные табл. 12 по 680-м годам хиджры свидетельствуют о следующем. Штампы Тараз IV, характерные для 670-х годов хиджры, в это время уже не изготовлялись, но иногда (как бы вторично) использовались для чекана монет. Заново были заказаны, изготовлены и вошли в употребление штампы Тараз III. Продолжали изготовлять (проставляя новые даты) штампы Тараз II. Декретированным для 680-х годов хиджры было сочетание Тараз II—III, т. е. «парой» были штампы II—III. Но практически «пару» образовывали также и одинаковые штампы Тараз II. Неуничтоженные старые штампы Тараз IV также давали сочетания с Тараз III и могли дать сочетание с Тараз II (Тараз IV—II для 680-х годов пока не зафиксирован). Иначе говоря, монетный двор Тараза в 680-х годах хиджры выпускал монеты следующего облика: в первую очередь Тараз II—III, затем Тараз II—II и Тараз III—IV (вероятно, также Тараз II—IV).

Следующие достоверные даты падают на 690-е и начало 700-х годов хиджры. Даты цифровые. Датированные монеты постоянно дают одно сочетание — Тараз III—I, причем дата стоит на Тараз III. Из этого следует, что Тараз III, введенный в 680-х годах хиджры, продолжали выпускать на протяжении следующих двух десятилетий, изготовляя новые штампы с новыми датами. Когда же введен был Тараз I? Даты на монетах Тараз I нам пока неизвестны. Но они есть на монетах другого города — Кенджде I: 691/1291-92 и 696/1296-97 гг. Это позволяет предположить, что и Тараз I был введен в 690-х годах хиджры и составлял «пару» с Тараз III. Иначе говоря, наиболее правдоподобным кажется, что в 690-е и 700-е годы хиджры декретированной «парой» были Тараз III и I, причем Тараз III перешел от предшествующего десятилетия, а Тараз I был введен заново. Кроме того, как и раньше, продолжали употребляться старые штампы, изготовленные до 690-х годов хиджры. Об этом свидетельствуют сочетания I—III (с более ранними датами на Тараз III) и сочетания I—II (поскольку штампы Тараз II во время производства штампов Тараз I заново уже не делались).

Что касается Тараз 0, то никаких прямых данных для датировки такого рода штампов у нас нет. Может быть отмечено только следующее. Монеты Тараза этого облика вообще единичны и сочетаний тоже мало (пока зарегистрировано только одно сочетание — Тараз 0—II). Штампы такого облика характерны для других городов, и там они употреблялись на протяжении длительного времени, причем в Алмалыке и Отраре с очень раннего времени: в Алмалыке — еще с дореформенного, а в Отраре — с 670/1271-72 г.

Все эти косвенные показатели позволяют высказать три предположения. Первое кажется наиболее правдоподобным:

монеты Тараз 0—II являются самой ранней «парой», штампы 0—II были пущены в производство еще до 671/1272-73 г., т. е. предшествовали «паре» II—IV. Это согласуется с малым количеством разбираемых монет, малым числом сочетаний, а также с тем, что Тараз II в этом случае не был бы оторван от Тараз 0 (на Тараз II известна дата — 671 г. х.). Если Тараз 0—II был ранней «парой», то затем, с 671 г. х., следовал Тараз II—IV (см. выше). А так как сочетание 0—II самое распространенное и известно нам в чекане минимум девяти городов (Тараз — десятый), это также значило бы, что, когда вообще был совершен переход к выпуску мелкой серебряной монеты, первоначально все они были одного облика во всех городах, включая Тараз, и только некоторое время спустя в Таразе начались рассмотренные выше перемены в облике монет.

Второе допущение — считать штамп 0 в Таразе самым поздним, из чего следовало бы, что парный с ним штамп II употреблялся до конца чекана этих серебряных монет, а унификация монет Тараза с монетной продукцией многих других городов имела место не в начале, а в конце этого этапа.

Нельзя исключать и третье предположение — чекан монет Тараз 0—II на любом другом отрезке времени, при условии что этот отрезок времени был коротким.

Все же наиболее вероятным кажется считать штамп 0 самым ранним в чекане Тараза, но убедительно решить этот вопрос пока не представляется возможным, нужно ждать новых монетных находок.

Приведенный материал позволяет представить очередность типов монет и изготовление в Таразе монетных штампов в следующем порядке (табл. 13) [6].

Таблица 13

Время изготовления «парных» штампов Тараза

Облик монеты	Годы хиджры			
	670-е (с 671 г.)	680-е	690-е	700-е
0				
I			+	+ ?
II	+	+		
III		+	+	+
IV	+			

[6] Время производства штампов 0 в данной таблице в силу оговоренных причин не указано.

Конечно, принятая схема — это своего рода рабочая гипотеза, новые монетные находки смогут внести в нее определенные коррективы, тем не менее специфику чекана в Таразе эта схема отражает и сейчас.

Табл. 13 ясно показывает, что на каждом отрезке времени декретировалась «п а р а» штампов для чекана монет, причем вводился один штамп совершенно нового облика, а второй оставался от предшествующего времени. Однако этой «половинной» смены облика штампов было бы вполне достаточно, чтобы легко отличать монеты одну от другой, если бы они чеканились на каждом отрезке времени только новыми «парами» штампов и если бы старые штампы (особенно старые штампы иного облика) уже не употреблялись. Но практически картина совсем иная. Наряду со штампами декретированной новой «пары» в производстве использовались старые штампы (изготовленные в более раннее время). Именно это создавало самые неожиданные сочетания при чекане монет.

Для чего же в Таразе, меняя облик монет, не уничтожали вместе с тем старые штампы? Априорно, а также опираясь на среднеазиатские аналогии (конца XII — начала XIII и особенно XVI—XVII вв.), можно высказать несколько предположений.

1. В Средней Азии (по материалам XVI—XVII вв.) весьма принята была следующая форма эксплуатации монетной регалии. Серебряные монеты одной пробы и одного веса делились на две курсовые группы. Курс одной группы («новые» монеты) был принудительным (норма принудительности бывала различной), а курс другой группы («старые» монеты) соответствовал заключенному в них металлу. Практическим критерием различения разнокурсных монет был их внешний вид — разный тип. Поэтому всегда, когда отмечается изменение внешнего вида монет без изменения их веса и пробы, можно допустить, что это сделано с фискальной целью, и необходимо рассмотреть такую возможность. Но такое предположение в данном случае встречает ряд возражений. Если бы облик монет изменяли для того, чтобы практически легко и просто было отличать новые монеты от всех предшествующих, почему тогда продолжали использовать и старые штампы? Ведь использование старых штампов одновременно с новыми создавало такое разнообразие сочетаний, что одно это свидетельствует о том, что цель выпуска группы монет, своим обликом отличных от всех предшествующих, не ставилась.

Если в данном случае твердые и определенные (никак не «перемешанные») критерии для различения разных групп монет не были нужны, то следует признать, что частичное изменение облика монет (путем введения от десятилетия к деся-

тилетию новых штампов) едва ли преследовало ту фискальную цель, о которой говорилось выше.

2. В Средней Азии (по материалам X и XVI—XVII вв.) отмечена такая, типичная для феодализма форма эксплуатации монетной регалии. В разных областях одного государства монеты обращались по разным курсам: местные монеты — по более высокому курсу, иногородние — по более низкому. А практическим критерием их различения опять же был их внешний вид. Монеты Тараз II—0 того же облика, что монеты многих других городов (Алмалыка, Андигана, Ташкента — Шаша, Кашгара, Маргинана, Отрара, Оша, Пулада(?), Ходженда), но таких монет мало. Основная масса монет Тараза своим обликом отлична от монет этих городов. Можно предположить, что это преследовало фискальную цель: чтобы иногородние монеты принимать в Таразе по более низкому курсу, чем свои, монетам Тараза нужно было придать другой внешний облик.

Однако кое-что явно противоречит и такому предположению. Например, зачем было облик монет менять многократно? Ведь для того чтобы отличать местные монеты от иногородних, достаточно было их облик изменить один раз! Впоследствии изношенные штампы можно было заменять новыми, не меняя их облика и тем самым насыщая рынок Тараза совершенно однотипной, но отличной от иногородней продукцией. Ведь не менялся же облик монет в Самарканде и других городах.

3. Наиболее вероятным кажется, что изменение облика монет предполагало какие-то контрольные функции, связанные с деятельностью самого монетного двора: контроль за количеством и качеством работы монетариев или что-либо в этом роде. Например, каждый монетарий мог использовать пару определенных штемпелей, отличных от пары штемпелей другого мастера. Это облегчало бы контроль и оплату работы монетариев, производимую сдельно.

Но вне зависимости от причин многократного изменения штампов в Таразе одно несомненно: интенсивное использование разновременных старых штампов наряду с декретированной для каждого отрезка времени основной «парой» штампов, обилие поэтому самых различных сочетаний не оставляют сомнений в том, что монетный двор Тараза работал чрезвычайно интенсивно, выпускал очень обильную продукцию, что подтверждается и количеством дошедших монет Тараза. А это существенный штрих для характеристики монетного дела в Средней Азии после выхода ее из состояния «серебряного кризиса» и перехода к систематическому чекану серебряных монет.

Чекан Кенджде во многом подобен чекану Тараза. Он весьма обилен, судя по количеству монет Кенджде в кладах

и в музеях. Он был менее обилен, чем чекан Тараза, но все же по количеству выпускаемой продукции явно занимал после Тараза одно из первых мест. Монеты Кенджде, по имеющимся сейчас данным, дают такое же, как и монеты Тараза, большое число сочетаний основных компонентов, слагающих облик монет, и новые монетные находки также могут умножить число этих сочетаний. В чекане Кенджде нами пока зарегистрировано использование только четырех компонентов (I, II, III, IV) и семь сочетаний из них (рис. 5). На рис. 5 видно, что Кенджде II (так же как Тараз II) дает все возможные сочетания (даже Кенджде II—II); по три сочетания имеют Кенджде I и Кенджде IV, по два сочетания имеет картуш Кенджде III. И все же при всем разнообразии сочетаний, в центре их — Кенджде II и IV.

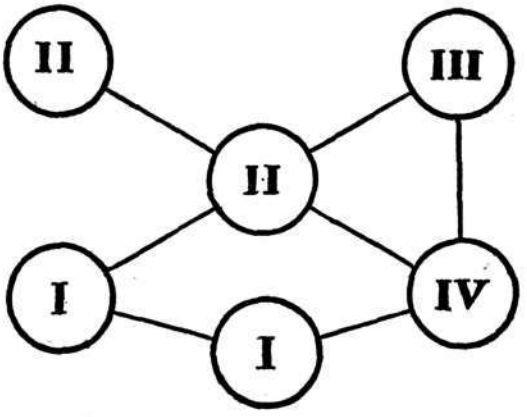


Рис. 5. Сочетания картушей на двух сторонах монетного кружка в чекане Кенджде (форму картушей см. на рис. 3)

Из этого следует, что штампы Кенджде II и IV использовались на монетном дворе все время, штампы же Кенджде I и III, очевидно, более короткое время. Монетные даты, хотя их в чекане Кенджде немного, подтверждают это. Они дают также некоторое представление о времени введения и изготовления разных штампов (табл. 14).

Таблица 14

Монеты Кенджде

Облик монеты	Годы хиджры			
	670-е	680-е	690-е	700-е
I			691 696	
II	677			
III				
IV	677	681	691 695	
?	671			

Из табл. 14 видно, что ранней[7] «парой» является Кенджде II—IV, так же как в чекане Тараза. Декретированной «парой» 690-х годов хиджры был Кенджде I—IV. Когда начали изготовлять штампы Кенджде III? К сожалению, ни на одной из известных нам такого рода монет даты нет. Но в Таразе штамп III введен был в 680-х годах хиджры. Если в Кенджде такие штампы появились параллельно с Таразом (что весьма возможно, учитывая одинаковый облик монет 670-х годов, т. е. предшествующего десятилетия), «парой» 680-х годов следует признать Кенджде III—IV (эти данные сведены в табл. 15; время введения Кенджде III отмечено знаком вопроса).

Таблица 15

Время изготовления «парных» штампов Кенджде

Облик монеты	Годы хиджры			
	670-е	680-е	690-е	700-е
I			+	
II	+			
III		+ (?)		
IV	+	+	+	

Очередность декретирования новых типов монет и изготовления «парных» штампов в Кенджде, судя по этой таблице, была следующей. Штампы Кенджде IV неизменно изготовлялись на протяжении всего того времени, которое вообще выявлено монетными датами, т. е. минимум на протяжении трех десятилетий. Штампы же I, II, III как бы сменяли один другой: производство штампов II было сменено производством, очевидно, штампов III, а затем введены были штампы I, образовав декретированные «пары» II—IV, III—IV и I—IV. Так обстояло дело с изготовлением новых штампов. Однако старые, как и в чекане Тараза, продолжали употреблять для чекана монет, почему и получались все прочие сочетания, образованные штампами самого разновременного происхождения.

Таким образом, к чекану Кенджде приложимы все те соображения, которые были высказаны выше относительно аналогичных особенностей чекана Тараза. Многообразие сочетаний разных штампов, как и в чекане Тараза, преследовало здесь, очевидно, не фискальные, а именно контрольные функции при условии очень обильного и интенсивного чекана мо-

[7] Облик монеты Кенджде 671 г. х. нам неизвестен, дата заимствована из публикации.

нет и, следовательно, большого числа занятых на монетном дворе монетариев.

Очень интересно следующее. Если введение штампа того или иного нового облика на монетных дворах Тараза и Кенджде не всегда было хронологически параллельным, использование старых штампов на обоих монетных дворах производило полную нивелировку. Ведь именно благодаря разнообразию сочетаний и пестрому облику монеты Тараза и Кенджде в целом оказывались одинаковыми. Именно в силу этого монетная продукция Тараза — Кенджде образует единую группу, в которой каждая монета Кенджде находит полную аналогию среди монет Тараза.

Глава 7

ОПЫТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ УКАЗНОГО ВЕСА СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ ТРЕТЬЕГО ЭТАПА ПО ИХ СРЕДНЕМУ ВЕСУ

Относительно веса мелких чагатаидских серебряных монет в литературе уже были высказаны некоторые соображения. Р. Фасмер считал, что эти дирхемы вычеканены весом 1,9 *г*[1]. Аналогичным образом определил их вес и М. Е. Массон, подчеркнувший также, что «анонимные серебряные дирхемы весом примерно 1,9 *г* на протяжении нескольких десятков лет выпускаются многочисленными монетными дворами»[2]. Здесь дан ответ на три вопроса: определен указной вес (1,9 *г*), утверждены наличие и неизменность единого весового стандарта для всех монетных дворов.

В. Д. Жуков по материалам Дукентского клада заключил, что «почти все дирхемы примерно одного и того же веса, около двух граммов (некоторые незначительно превышают этот вес), и только несколько экземпляров сильно уклоняются от этой нормы (уменьшение до 1,4 *г*)»[3].

Вопрос об указном весе серебряных монет третьего этапа должен быть рассмотрен дополнительно.

Очень интересную картину веса дает изучение его графическим методом. Обильный материал для этого дают три клада: Дукентский клад В. Д. Жукова и два клада, обработанные нами (клад из Термеза и клад Ленинабадской области). Особенно интересен в этом смысле Термезский клад, так как он позволяет проследить вес монет не только в целом или по отдельным монетным дворам, но с учетом даже дат выпуска: в этом кладе большое количество точно датированных монет чекана Самарканда.

Самаркандские монеты все однотипны. Устойчивым признаком их типа являются (всегда в одинаковом взаиморасположении): на лицевой стороне — титул государя الامام الاعظم

---

[1] V[a s m e r], Dirhem,— «Wörterbuch der Münzkunde», Berlin, 1930, стр. 147.

[2] М. Е. Массон, Исторический этюд..., стр. 76.

[3] В. Д. Жуков, Дукентский клад..., стр. 179.

в две строки, наименование города Самарканда سمرقند внизу[4] более мелкими буквами и тамга № 1 (рис. 2), а на оборотной стороне — суннитский символ веры в четыре строки لا اله الا الله . محمد رسول الله и всегда одинаковый двухлинейный четырежды фигурно-пересеченный ободок с точечным кругом посредине.

Кроме этих неизменных элементов, слагающих устойчивые признаки типа самаркандских серебряных монет клада, целый ряд второстепенных компонентов образует три варианта внутри этого типа.

Вариант 1 характеризуется наличием на лицевой стороне круговой легенды между двумя линейными ободками. Отличается вариант 1 также и некоторыми палеографическими деталями вроде своеобразного оформления буквы ظ в слове الاعظم. Дата цифрами не является обязательным признаком варианта 1, так как на ряде монет (которые мы считаем ранними монетами этого варианта — см. ниже) она отсутствует и ее место на лицевой стороне монетного кружка занято то двумя волнистыми черточками, то «птичками» — черточками, то просто точками. В тех случаях, когда на монетах варианта 1 дата цифрами имеется, она расположена именно на лицевой стороне, в верхней части монетного кружка, по обеим сторонам тамги (иногда цифра сотен помещена слева, а цифры десятков и единиц — справа, иногда же все три цифры целиком помещены справа от тамги). На монетах варианта 1, имеющих даты цифрами, читаются три года их выпуска: 682/1283-84, 684/1285-86 и 685/1286-87 гг.[5].

Вариант 2 монет этого типа характеризуется тем, что у него в отличие от монет варианта 1 на лицевой стороне отсутствует круговая легенда, причем ее место занято нарядным ободком (двухлинейным восемь раз фигурно-пересеченным), обрамленным снаружи еще и простым тонким линейным ободком. Дата цифрами обязательна для варианта 2, на монетах которого удалось прочесть четыре года: 685/1286-87, 686/1287-88, 687/1288 и 688/1289 гг. Цифры даты, как и у варианта 1, расположены на лицевой стороне, в верхней части монетного кружка, по сторонам тамги, причем в данном случае всегда одинаково: цифра сотен — слева, а цифры десятков и единиц — справа.

---

[4] В кладе из Ленинабадской области есть монета, на которой «Самарканд» обозначен внизу и вторично по бокам (по половине слова).

[5] Монеты варианта 1 показывают также незначительные и уже чисто формальные видовые отличия, восходящие чаще всего к одновременному употреблению нескольких штампов на монетном дворе. В качестве примера можно отметить наличие на лицевой стороне в поле, по сторонам центральной легенды, иногда простых точек, а иногда маленьких орнаментов, напоминающих значок параграфа (§).

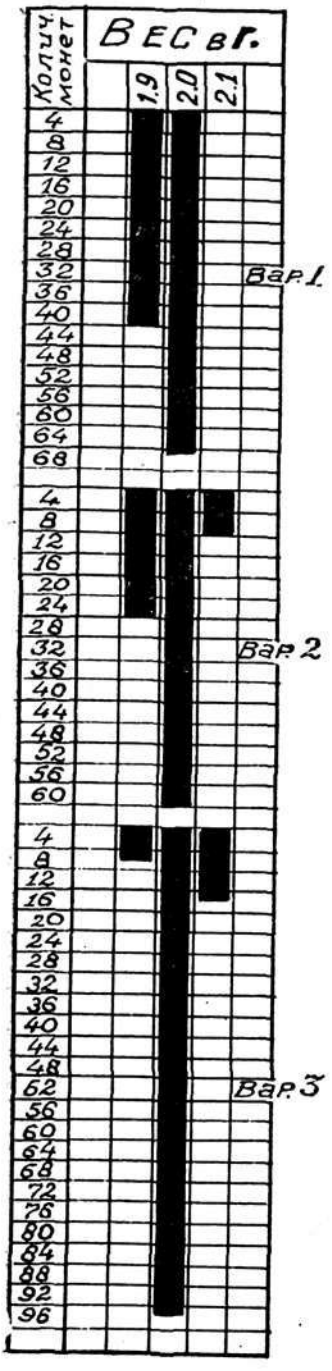


Рис. 6. Вес самаркандских серебряных монет третьего этапа (Термезский клад)

Вариант 2 отличает также и палеографическая особенность — своеобразное оформление буквы ظ в слове الاعظم на лицевой стороне, совершенно отличное от оформления этой же буквы на монетах варианта 1 [6].

Вариант 3 близок варианту 2 отсутствием круговой легенды, характером ободка на лицевой стороне, обязательным наличием даты цифрами и пр. Но содержание легенды на монетах варианта 3 несколько изменилось: на лицевой стороне, между двумя основными строчками титула, появилось слово اختيار. Соответственно изменился вид буквы ظ в слове الاعظم, лишенной на монетах варианта 3 того орнаментального оформления, которое было типично для монет первых двух вариантов.

Дата цифрами на монетах варианта 3 размещена на том же месте, что и у более ранних вариантов, только взаиморасположение цифр различное. На монетах 691/1291-92 и 692/1292-93 гг. цифра сотен стоит слева от тамги, а цифры десятков и единиц — справа; на монетах же 689/1290 и 693/1293-94 гг. слева расположены цифры сотен и десятков, а справа — только единиц.

Из 341 монеты самаркандского чекана в составе Термезского клада только 20 экземпляров не удалось точно приурочить к какому-либо определенному варианту из трех описанных. Несомненно только то, что это не вариант 1, так как у всех 20 монет отсутствует круговая легенда. Но зато все признаки, различающие варианты

[6] Незначительные видовые особенности могут быть отмечены и у монет варианта 2. В частности, на лицевой стороне в поле, по сторонам центральной легенды, иногда (как и у части монет варианта 1) проставлены точки (монеты за 687—688 гг. х.), а иногда — маленькие орнаменты, но отличные от аналогичных орнаментов в варианте 1 (монеты за 685—686 гг. х.).

2 и 3, на этих 20 экземплярах стерты совершенно. Поэтому статистику распределения самаркандских монет клада по вариантам можно представить следующим образом (табл. 16).

Таблица 16

Количественное соотношение вариантов самаркандских монет в составе Термезского клада

Всего монет Самарканда	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3	Вариант 2 или 3
341	110	95	116	20

Вариант 1 самаркандских монет клада охватывает промежуток времени с 681 по 685 г. х. В 685 г. х. произошел переход к варианту 2, ежегодный чекан которого продолжался до 688 г. х. включительно. С 689 г. х. чеканены монеты варианта 3. Таким образом, каждый вариант охватывает (если учесть два пропущенных года — 683 и 690 гг. х.) ровно четыре года чекана.

Статистика монет клада по годам более затруднительна в силу того, что даты, как уже отмечалось, часто стерты или в процессе чекана оказались просто вне монетного кружка. Всего прочесть или установить по ряду видовых признаков полные даты удалось на 163 экземплярах (табл. 17) [7].

Таблица 17

Количественное соотношение датированных монет Самарканда в составе Термезского клада

Вариант	Дата, г. х.		Количество	Вариант	Дата, г. х.		Количество
	словами	цифрами			словами	цифрами	
1	?		49	3		?	57
	681		2			689	14
		?	32			690	—
		682	8			691	19
		683	—			692	15
		684	13			693	11
		685	6				
2		?	30	2 — 3		?	20
		685	19				
		686	7				
		687	34				
		688	5				

[7] Монеты, время выпуска которых определено (на основании видовых признаков) в пределах двух лет, отнесены в графу со стертыми датами.

В основу изучения веса самаркандских монет положен вариант. Графические таблицы веса составлены по каждому варианту отдельно (как обычно, вес монет округлен до десятых грамма, рис. 6) [8]. Оказалось, что средний вес у всех трех вариантов самаркандских монет одинаков и выделяется совершенно четко — 2,0 *г*. Зато неодинаковую и весьма интересную картину дает соотношение монет весом 1,9 и 2,1 *г*. Среди монет варианта 1 много экземпляров весом 1,9 *г* и вовсе нет монет весом 2,1 *г*; среди монет варианта 2 количество экземпляров весом 1,9 *г* уменьшается, появляются монеты весом 2,1 *г*, но все же первых больше, чем вторых. А среди монет варианта 3 обратное соотношение: монет весом 2,1 *г* больше, чем монет весом 1,9 *г*. Изменение веса монет по вариантам лучше всего показывает процентное соотношение,

Таблица 18

Изменение реального веса монет по вариантам (%)

Вариант	Вес монеты, *г*		
	1,9	2,0	2,1
1	38,1	61,9	—
2	26,9	64,5	8,6
3	6,1	81,7	12,2

представленное в табл. 18: ясно видно, как уменьшается процент монет весом 1,9 *г* и увеличивается процент монет весом 2,0 и 2,1 *г*. Такое изменение веса от варианта к варианту заставило предположить, что средний вес монет, если вычислить его до сотых долей грамма, у трех вариантов монет не окажется одинаковым. Поэтому мы составили вторую графическую таблицу веса на основе веса монет с точностью до сотых грамма (рис. 7). Среди монет варианта 1 (чекан Самарканда за 681—685 гг. х.) пять экземпляров демонстрируют случайные отклонения от среднего веса, остальные же располагаются в пределах от 1,85 до 2,04 *г*, хотя вес основной массы монет ниже 1,90 *г* не опускается. Это позволяет средний вес монет варианта 1 считать равным $\frac{1,85 + 2,04}{2} = 1,945$ *г*.

Среди монет варианта 2 (чекан Самарканда за 685—688 гг. х.) только два экземпляра со случайными отклонениями от среднего веса. Амплитуда весовых колебаний монет варианта 2 несколько шире, чем первого,— от 1,85 до 2,09 *г*,

[8] На рис. 6 единичные монеты со случайными отклонениями опущены. Они учтены на рис. 7.

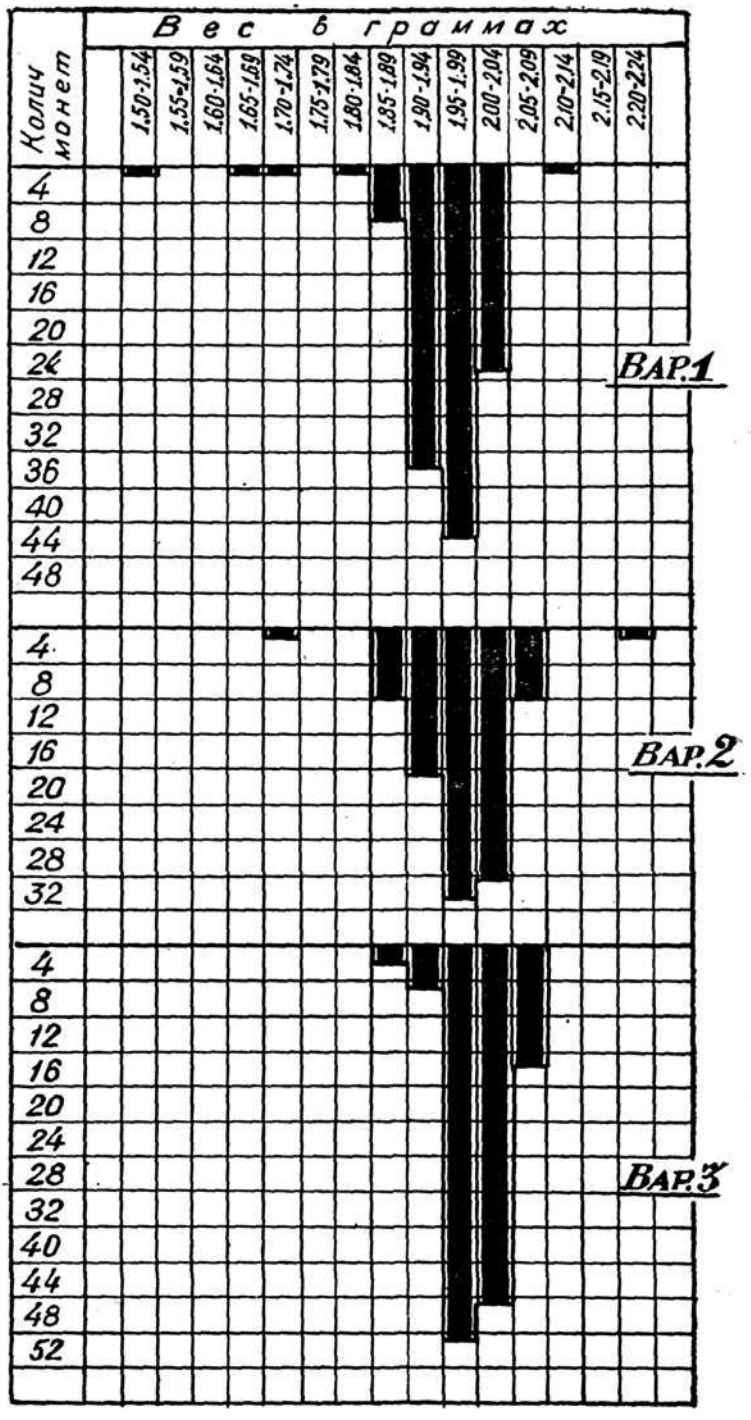


Рис. 7. Изменение среднего веса самаркандских серебряных монет третьего этапа (Термезский клад)

хотя основная масса экземпляров располагается в пределах главным образом от 1,90 до 2,04 *г*. Средний вес монет варианта 2 равняется поэтому

$$\frac{1,85+2,09}{2} = 1,97\ г, \quad \text{или} \quad \frac{1,90+2,04}{2} = 1,97\ г.$$

Монеты варианта 3 (чекан Самарканда за 689—693 гг. х.) случайных отклонений не дают, ибо вес всех экземпляров располагается в пределах от 1,85 до 2,09 *г*. Но в отличие от предыдущих вариантов эти монеты в подавляющем большинстве (94%) показывают вес не менее 1,95 *г*, что делает их средний вес равным $\frac{1,95+2,09}{2} = 2,02\ г$.

Итак, у всех трех вариантов самаркандских монет постоянная амплитуда колебаний — от 1,85 до 2,09 *г*. Следовательно, ремедиум для чекана серебра разбираемого времени был весьма невелик, отклонения в сторону уменьшения и в сторону увеличения не превышают в массе 0,12 *г* (что в восточных метрических единицах, вероятно, равняется половине *нахӯда*). Иначе говоря, весовые отклонения от весового стандарта разрешались немногим более чем на одну десятую долю грамма.

Чему же равнялся весовой стандарт, назначенный когда-то для этой группы монет? Несомненно, указной вес должен быть несколько выше только что установленного среднего веса, так как монеты были в обращении и потерлись. Однако средний вес разбираемых самаркандских монет показал три величины: 1,945, 1,97 и 2,02 *г*.

Самый малый средний вес является и наиболее ранним, а самый большой — наиболее поздним. Следовательно, уменьшения весового стандарта в чекане Самарканда за полтора десятка лет не происходило. Ясно, что разный средний вес трех вариантов самаркандских монет — результат их разной «средней потертости», когда монеты более ранних годов чекана, естественно, оказались и более потертыми, чем монеты более поздних выпусков. Особенно наглядно это становится, если привести некоторые статистические данные.

Выше было показано, что при ремедиуме в 0,12 *г* вес монет всех вариантов располагается в основном в пределах от 1,85 до 2,09 *г*. Однако внутри этих предельных норм количественное соотношение по разным вариантам далеко не одинаково. Это было отмечено уже при анализе данных первой таблицы веса (см. рис. 6) и построенной на ее основе таблицы процентного соотношения разновесных монет по трем вариантам (см. табл. 18). Но для табл. 18 вес монет был округлен до десятых долей грамма. Аналогичный анализ про-

центного соотношения на материале более точного веса (до сотых долей грамма) дает четкую картину.

По варианту 1 за 681—685 гг. х. вовсе нет наиболее высоковесных в пределах ремедиума монет (т. е. монет весом 2,05—2,09 *г*), причем выше двух граммов весят всего 24 экземпляра, т. е. около 22%, зато ниже 2 *г* — 86 экземпляров, т. е. более 78%. По варианту 2 за 685—688 гг. х. уже несколько иная картина: появляется значительное количество монет наивысшего в пределах ремедиума веса и меняется количественное распределение веса монет внутри ремедиума. По варианту 2 37 экземпляров, т. е. уже около 40%, весят выше 2 *г*, а ниже 2 *г* — теперь только 56 экземпляров, т. е. всего 60%.

И наконец, по варианту 3 за 689—693 гг. х.—картина, противоположная варианту 1. Основная масса монет показывает не занижение, а, наоборот, завышение в пределах ремедиума, так что на самых низковесных дозволенных пределах в 1,85—1,94 *г* всего несколько монет — не более 6% общего числа, а монет весом более 2 *г* здесь, наоборот, уже больше половины (51,3%).

Итак, монет весом более 2 *г* по варианту 1 (681—685 гг. х.) — около 22%, по варианту 2 (685—688 гг. х.) — около 40, по варианту 3 — более 51%.

Эти расчеты особенно убедительно показывают, что разный средний вес монет трех вариантов объясняется просто разной длительностью обращения каждого варианта и соответственно разной степенью потертости монет. Поэтому средний вес монет варианта 3—2,02 *г* — наиболее близок весу указному.

Каким же был этот указной вес?

Для установления весового стандарта (с точностью до десятых и сотых долей грамма) по среднему весу необходимо знать, какие восточные метрические единицы были положены в основу этого указного веса и в первую очередь какой мискаль употреблялся в Средней Азии в XIII в. для взвешивания драгоценных металлов, и в частности монет. Однако вопрос этот представляет большую сложность и требует детального и самостоятельного исследования, ибо мискали не только изменялись во времени, но и в разных местах были различными. И для XIII в. конкретный денежный мискаль пока неизвестен. Следовательно, этот путь определения указного веса монет пока закрыт. Но некоторые уточнения все же могут быть сделаны. Выше уже говорилось, что самаркандские датированные монеты охватывают промежуток времени в 13 лет (681—693), а каждый из трех вариантов — по 4—5 лет. Средний вес каждого варианта ниже последующего на 0,03—0,05 *г*. Иначе говоря, 0,03—0,05 *г* — это некая «средняя норма потертости» рассматриваемых монет за 4—5 лет

обращения. Но самаркандские монеты варианта 3 тоже в клад были упрятаны не сразу: монеты варианта 3, судя по их внешнему виду и сохранности надписей, тоже потерты, их средний вес 2,02 *г* ниже указного. Но на сколько, хотя бы приблизительно?

Самые поздние монеты Самарканда в кладе — 693 г. х. Между тем известны еще более поздние самаркандские монеты такого же типа (например, 696 г. х.). В кладе настолько хорошо представлены самаркандские монеты за все годы, что отсутствие экземпляров 696 г. х. не кажется случайным: очевидно, в 696 г. х. или в близкое к этому году время самаркандские монеты клада уже были упрятаны[9]. Монеты варианта 3 (689—693 гг. х.), действительно, некоторое время могли обращаться: одни больше, другие меньше, но в среднем около 4—5 лет. Иначе говоря, для монет варианта 3 0,03—0,05 *г* также можно считать «средней нормой» их потертости. А это значит, что к их среднему весу 2,02 *г* следует приплюсовать «среднюю норму потертости» 0,03—0,05 *г*, что даст величину 2,05—2,07 *г*, равную или уж совсем близкую указному весовому стандарту этой группы монет. Так как абсолютное уточнение весового стандарта в рамках сотых долей грамма при этой методике невозможно, а вычисленные размеры (2,05—2,07 *г*) ближе к 2,1 *г*, чем к 2,0, окончательный вывод можно сформулировать так: указной вес разбираемых серебряных самаркандских монет 681—693 гг. х. при округлении до десятых долей грамма равен 2,1 *г*[10].

Правомерность такой методики уточнения указного веса по среднему весу и «средней норме потертости» подтверждает одна очень интересная аналогия. Речь идет о монетах шейбанидского государя Абдаллах-хана II (991-1006/1583—1598). Нам известно большое количество его монет. Обращались они не только в годы его правления, но и позже, даже в первые годы царствования новой, джанидской династии. Максимальная длительность массового обращения его монет — 20—25 лет. Их средний вес — 4,6 *г*. Но значительное

---

[9] Время чекана термезских монет клада неизвестно. Возможно, они были чеканены позже самаркандских (пока известны только поздние даты на монетах Термеза — см. табл. 19) и соответственно позже присоединены к уже упрятанным самаркандским монетам.

[10] Возможен и такой дополнительный расчет. Если допустить, что отсутствие самаркандских монет 696 г. х. в кладе случайно и самаркандские монеты 681—693 гг. х. были упрятаны одновременно с термезскими, термезские же чеканены много позже (известные даты монет Термеза — 707 и 709 гг. х.) — к среднему весу 2,02 *г* варианта 3 самаркандских монет придется прибавить не одну, а три «средних нормы» потертости, т. е. 2,02+0,09 или 0,15 *г*, что даст 2,11—2,17 *г*. В этом случае можно было бы предположить, что указной вес серебряных монет третьего этапа равнялся половине канонического мискаля в 4,26 *г*, т. е. 2,13 *г* (что, однако, не отменяет сделанного основного вывода об указном весе в 2,1 *г* при округлении до десятых долей грамма).

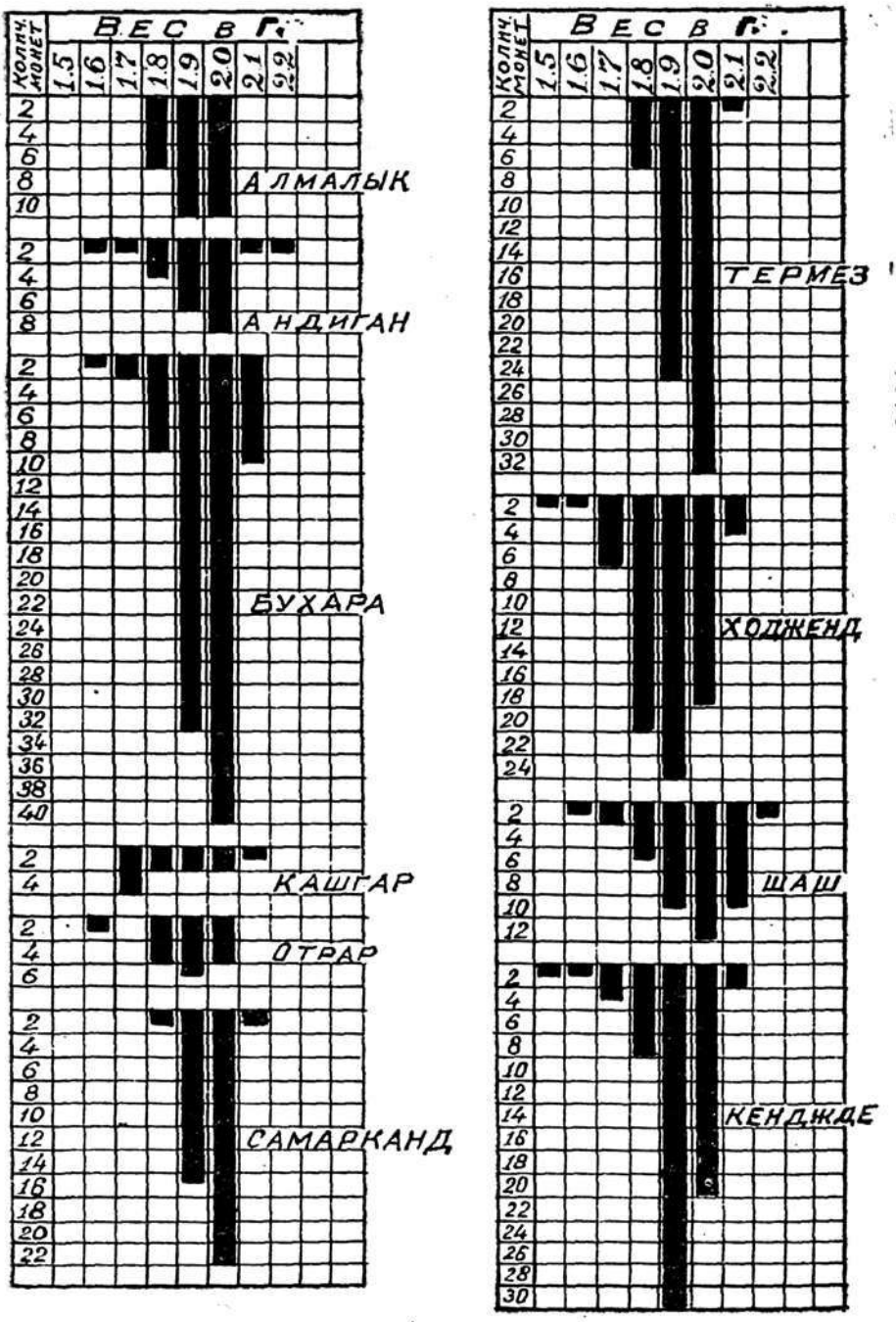


Рис. 8. Вес серебряных монет третьего этапа

количество датированных экземпляров позволило выявить средний вес для разных хронологических групп и проследить изменение этого среднего веса: 991 г. х. — 4,5 *г*, 995—996 гг. х. — 4,6, 997—999 гг. х. — между 4,6—4,7 *г*, 1003—1004 гг. х. — 4,7 *г* и т. д. Таким образом, здесь (как и у самаркандских монет 681—693 гг. х.) средний вес более поздних монет выше, хотя из письменных источников XVI в. известно, что все они чеканены по одному весовому стандарту, все должны были весить один мискаль. Следовательно, здесь разница среднего веса — следствие разной потертости монет, что подтверждает правильность аналогичного вывода для монет XIII в. Темп стираемости монет не был, конечно, одинаковым, но все же в среднем каждые пять-десять лет дают потерю в 0,1 *г*. Самый высокий средний вес — 4,7 *г*. Монеты Абдаллах-хана II за 1003—1004 гг. х., давшие этот средний вес, обращались еще максимум около десяти лет. Это значит, что к их среднему весу 4,7 *г* нужно прибавить «среднюю норму стираемости» для пяти-десяти лет, т. е. 0,1 *г*, а полученный результат — 4,8 *г* — считать законным указным весом серебряных тенег Абдаллах-хана II. В рассматриваемом случае весь этот расчет прекрасно подтверждается другими данными. Уже говорилось, что вес тенег Абдаллах-хана II, по письменным источникам, равнялся одному м и с к а л ю. Размер же торгово-денежного мискаля XVI—XIX вв. нами выяснен совершенно точно: он равен именно 4,8 *г*[11].

Такое абсолютное совпадение результатов определения указного веса серебряных монет XVI в. двумя столь различными путями заставляет первый путь (определение весового стандарта по среднему весу с учетом «средней нормы стираемости» определяемой группы монет) считать заслуживающим внимания и доверия.

Итак, установление среднего веса трех вариантов самаркандских монет XIII в. и их «средней нормы стираемости» и сопоставление этих материалов с аналогичными наблюдениями над монетами XVI в. позволили с известной точностью вычислить размер весового стандарта, установленного для серебряных монет Самарканда последней четверти XIII в.,— 2,1 *г*.

Проверка веса серебряных монет других монетных дворов по материалам Дукентского и Ленинабадского кладов подтвердила вывод М. Е. Массона о том, что весовой стандарт был единым. Приведем сравнительную графическую таблицу веса монет ряда городов в составе Дукентского клада (рис. 8). Если за основу брать вес, округленный до десятых долей грамма, то основная масса монет в с е х городов образует

---

[11] Е. А. Д а в и д о в и ч, История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв., Душанбе, 1964, стр. 293—294.

два столбца — 1,9 и 2,0 *г*. Количество монет весом 2,0 *г*, как правило, превышает количество монет весом 1,9 *г*, несмотря на общую потертость всех монет. Такие реальные весовые показатели вполне отвечают выявленному нами весовому стандарту (2,1 *г*).

Изучение веса монет разных городов в «хронологическом разрезе» труднее, так как датированных монет обычно не так уж много. Исключение — рассмотренные самаркандские монеты в составе Термезского клада: их весовой стандарт не менялся, судя по экземплярам, чеканенным с 681 по 693 г. х. Менее многочисленные датированные монеты других городов (особенно Алмалыка, Кенджде и др.) тем не менее весьма убедительно подтверждают этот вывод.

Откуда же взят этот весовой стандарт в 2,1 *г*? Установлен ли он произвольно, так сказать на «пустом месте», или за основу взят вес каких-то монет?

Сравнительный материал показывает, что «иноземного» влияния здесь нет. А изучение монет Алмалыка не оставляет сомнений в том, что именно вес алмалыкских монет был взят за основу для всех монетных дворов, которые стали выпускать серебро на третьем этапе.

Алмалык в отличие от всех прочих чагатаидских монетных дворов серебро выпускал на протяжении всего XIII в. Нам известны алмалыкские серебряные монеты 628, 638, 639, 643, 645, 646, 648, 650, 65., 670 гг. х. и последующего времени. Вес ранних монет (по экземплярам 628—645 гг. х.) довольно высок (2,25, 2,29 *г* и т. д.). Но затем произошло явное снижение весового стандарта, ибо реальный вес алмалыкских монет 646—670 гг. х. совсем другой: 1,90 (646 г. х.), 2,06, 1,55, 1,98 (648 г. х.), 1,96 *г* (65. г. х.) и т. д.[12].

Вот этот-то второй весовой стандарт Алмалыка, введенный там, очевидно, в 646/1248-49 г., получил новую жизнь на третьем этапе, с 670—671 гг. х., ибо реальный вес этих алмалыкских монет совпадает с реальным весом всех только что рассмотренных разногородных монет третьего этапа (чаще 2,0 *г*, затем 1,9 *г* и т. д.).

---

[12] Вес алмалыкских монет ГЭ и МИ Уз.

Глава 8

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА КУПЦА-ПРАВИТЕЛЯ МАС'УД-БЕКА И ПОРЕФОРМЕННОЕ ОБРАЩЕНИЕ

О денежной реформе Мас'уд-бека в известных сейчас письменных источниках упоминаний нет. Но те серьезные изменения, которые монетное дело Средней Азии претерпело в последней четверти XIII в. и о которых свидетельствуют сами монеты — их металл, вес, надписи, тип в целом, заставляют говорить именно о реформе. Почему эту реформу мы приписали Мас'уд-беку? Он был правителем Средней Азии, и он был купцом, т. е. лучше многих других понимал значение упорядоченного денежного обращения. А так как мероприятия, слагающие эту реформу, имели (как мы постараемся показать) общегосударственный характер, исходили из одного центра, мы и сочли их автором или по крайней мере инициатором купца-правителя Мас'уд-бека.

Прежде всего о монетных дворах, выпускавших серебряные монеты, о начале и времени их деятельности. Прилагаемая сводная таблица 19 чекана серебряных монет составлена по материалам описанных выше пяти кладов и коллекций Государственного Эрмитажа и Музея истории АН УзССР с использованием тех немногочисленных данных, которые удалось дополнительно извлечь из архива Археологической комиссии и из литературы.

Из табл. 19 видно, что серебряные монеты чеканились минимум в 15 пунктах (если Бинкет — Ташкент — Шаш считать одним монетным двором), но монетные дворы вступили в строй не в одно время.

Когда же начался чекан пореформенных серебряных монет? М. Е. Массон годом начала чекана серебра считает 669 г. х. (1270 г. н. э.), но не приводит тех данных и соображений, на основании которых он пришел к этому выводу[1]. Нам неизвестны серебряные монеты 669 г. х. На табл. 19 видно, что первый массовый чекан начался в 670—671 гг. х. Не считая монет Алмалыка (который выпускал серебро и до

[1] М. Е. Массон, Исторический этюд..., стр. 76.

этого, так что алмалыкская монета 670 г. х. сама по себе еще ни о чем бы не говорила), для 670/1271-72 г. известны монеты Отрара, а для 671/1272-73 г. — еще и Кенджде, Тараза и ترحان. Таким образом, началом массового чекана серебра следует считать именно 670—671 гг. х. Мы склонны именно эти годы считать началом реформы Мас'уд-бека. Вернее, годом декретирования реформы следует считать 670/1271-72 г., осуществлялась же она практически в течение более длительного времени. В качестве аналогии можно привести реформу Шейбани-хана, декретированную в самом начале 913/1507 г. В этом же, 913/1507-08 г. начался и чекан монет, но он был незначительным. Основная же масса монетных дворов вступила в строй в следующем, 914/1508-09 г.[2].

Чекан серебряных монет начался в восточной части государства Чагатаидов. На монетных дворах Мавераннахра (Бухара, Самарканд) чекан монет начался позднее — в следующем десятилетии[3]. Начало чекана серебра было обусловлено как политическими событиями, так и собственным экономическим состоянием городов и областей. Яркий пример этому дает Бухара. Именно в то время, когда в восточных областях государства Чагатаидов начался чекан серебра, Бухара подверглась неоднократным и жестоким разгромам. Еще в 1263 г. Хулагу-хан часть населения Бухары вырезал, часть угнал в неволю. В раджабе 671/1273 г. Бухару захватили и неделю грабили хулагуидские монголы. Вскоре Бухару дополнительно ограбили чагатаидские царевичи. В 1276 г. чагатаидские и хулагуидские монголы, объединившись для нового нападения, уничтожили остатки населения Бухарского оазиса. После этого в течение семи лет Бухарский оазис оставался безлюдным, пока его вновь в 1283 г. не заселил купец-правитель Мас'уд-бек[4].

Ранние из известных сейчас бухарских монет относятся к 681/1282-83 г. Такое совпадение монетных дат с годом, когда Мас'уд-бек принял энергичные меры по восстановлению жизни в Бухаре и Бухарском оазисе, нельзя считать случай-

---

[2] Е. А. Давидович, Денежная реформа Шейбани-хана,—«Труды АН ТаджССР», т. XII, 1954, стр. 89.

[3] Сейчас нет возможности определить точную дату вступления в строй каждого монетного двора, так как накопление серебряных монет только еще начато и новые монетные находки будут вносить новые уточнения. В 1957 г. М. Е. Массон сделал такую попытку («Исторический этюд...», стр. 76—77), но не прошло и пяти лет, как новые монетные находки показали всю относительность этих рубежей. Например, начало чекана серебряных монет в Таразе, Бинкете-Шаше-Ташкенте и Ходженде он отнес соответственно к 677, 685 и 690 гг. х., но сейчас известны монеты Тараза 671 г. х., Бинкета 683 г. х. и Ходженда 677 г. х. Однако относительно некоторых монетных дворов, сопоставляя монетные даты с исторической ситуацией, можно говорить достаточно уверенно.

[4] И. П. Петрушевский, Из истории Бухары в XIII в.,— «Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук», вып. 1, Л., 1949, стр. 113—117.

Таблица 19

Чекан серебряных монет третьего этапа*

Год хиджры	Монетный двор																	
	Алмалык	Андиган	Бинкет	Ташкент	Шаш	Бухара	Кашгар	Кенджде	Маргинан	Отрар	Ош	Пулад (?)	Самарканд	Тараз	Термез	Ходженд	ترحان	Неизвестен
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
670	+	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—
671	—	—	—	—	—	—	—	+	—	+	—	—	—	+	—	—	+	—
672	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
673	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
674	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+
675	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
676	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
677	+	—	—	—	—	—	—	+	—	+	—	—	—	+	—	+	—	—
678	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
679	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
67.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—
680	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—
681	—	—	—	—	—	+	+	+	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—
682	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—
683	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—
684	—	—	—	—	—	—	+	—	—	+	—	—	+	—	—	—	—	—
685	+	—	—	+	+	+	—	—	—	+	—	—	+	—	—	—	—	—
686	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—	—	—	—

* *Монетные дворы расположены по алфавиту* (кроме Ташкента и Шаша, которые присоединены к Бинкету). Город ولاد В. Д. Жуков («Дукентский клад...», стр. 189) предлагает читать как «Пулад», отождествляя его с городом, расположенным между Таразом и Каракорумом, в месяце пути от первого («Болат» Рубрука).

Монеты без дат или со стертыми датами есть почти для всех монетных дворов, поэтому в отдельную графу они не вынесены. В графе «Неизвестен» приводятся только те даты, которые неизвестны по монетам, сохранившим наименование монетного двора.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
687	−	−	−	−	−	−	−	−	−	+	+	−	+	−	−	−	−	−
688	+	−	−	−	−	−	−	−	+	−	−	−	++	−	−	−	−	−
689	+	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	++	+	−	−	−	−
68.	−	−	−	−	+	+	+	−	−	−	−	−	+	+	−	−	−	−
690	−	−	−	−	−	−	−	−	+	+	−	−	−	−	−	−	−	−
691	+	−	−	−	−	−	−	+	−	−	−	−	+	−	−	−	−	−
692	+	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	++	−	−	−	−	−
693	+	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	+	−	−	−	−	−
694	+	−	−	−	+	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−
695	−	−	−	−	−	−	−	+	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−
696	−	−	−	−	−	−	−	+	−	−	−	−	+	+	−	−	−	−
697	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−
698	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−
699	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	+	−	−	−	−
69.	−	−	−	−	−	−	−	+	−	−	−	−	−	+	−	−	−	−
700	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−
701	+	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−
702	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−
703	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−
704	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−
705	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−
706	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	+	−	−	+	−	−	−	−
707	+	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	+	−	−	−
708	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−
709	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	+	−	−	−	+	−	−	−
710	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	+
70.	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	−	+	−	−	−

ным. Чекан монет в данном случае выступает как одно из мероприятий восстановительного характера [5].

В Термезском кладе основная масса монет — самаркандского чекана. Они дают даты в пределах 681—693 гг. х. Часть этих дат повторена самаркандскими монетами других кладов и музейных собраний. В Ленинабадском кладе (см. табл. 7) есть еще одна дата — 696 г. х. В. Г. Тизенгаузен называет для Самарканда еще и 680 г. х. (нам такие монеты видеть не приходилось) [6]. Таким образом, с 680—681 гг. х. в Самарканде осуществляется систематический, почти ежегодный чекан серебра. Его начало совпадает с началом чекана серебра в Бухаре. Безусловно, это одно общее мероприятие Мас'уд-бека, примерно в одно время организовавшего чекан серебра в двух крупнейших городах Мавераннахра.

Несмотря на то что при новых монетных находках таблица годов чекана монет может быть пополнена в дальнейшем новыми датами, сопоставление уже сейчас известных дат с количеством монет того или иного монетного двора в составе кладов не оставляет сомнений в том, что монетные дворы работали с разной интенсивностью. На многих монетных дворах чекан монет явно был регулярным на значительных отрезках времени и значительным в количественном выражении. Чекан некоторых монетных дворов был, очевидно, эпизодическим.

Хотя чекан монет на многих монетных дворах начался в 670—671 гг. х., наиболее интенсивной была работа и этих и всех прочих монетных дворов на протяжении следующих двух десятилетий, т. е. в 80—90-х годах VII в. х. (последние два десятилетия XIII в. н. э.). В кладах среди датированных монет количественно преобладают монеты этих двух десятилетий (особенно 80-х годов); наибольшее количество дат, падающих на эти десятилетия, свидетельствует о систематичности, даже, очевидно, о непрерывности работы основных монетных дворов именно в это время.

На всех монетных дворах выпускались серебряные монеты одного веса. За время выпуска монет этот вес не менялся. Указной вес был равен 2,1 *г*, и реальный вес выпускаемых монет был довольно точен, так как ремедиум был невелик — около 0,1 *г* в каждую сторону от указного веса. Довольно большая точность юстировки, неизменность указного веса во времени, единый весовой стандарт для всех монетных дворов — все это говорит о том, что вес для серебряных монет

---

[5] Поэтому названная Э. Цамбауром более ранняя дата — 677/1278-79 г. (E. Zambaur, Die Münzprägungen..., стр. 67, табл. 12),— да еще со ссылкой на аукционный каталог Шульмана, явно ошибочна.

[6] Э. Цамбаур (там же, стр. 148) приводит для Самарканда дату 705 г. х., но ни в ссылках на источники, ни в таблицах этой даты нет. Ясно, что это опечатка (вместо 725? Такая дата есть в таблицах).

был назначен сверху, централизованно, центральная власть контролировала выполнение своего установления, а монеты имели штучное обращение. В основу весового стандарта серебряных монет всех монетных дворов был положен указной вес предреформенных монет Алмалыка.

Для характеристики реформы существенна правительственная политика в отношении пробы монет. Количественный химический анализ семи серебряных монет Ленинабадского клада (табл. 20) [7] показал, что количество серебра колеблется в пределах 74—81%. Определение указной пробы на основании химического анализа без каких-либо дополнительных свидетельств встречает обычно некоторые затруднения. Для приведения серебряных монет в указную пробу серебро сначала очищали, а потом добавляли положенное количество лигатуры (в средневековой Средней Азии чаще всего добавляли медь). Однако предварительная очистка серебра была не всегда полноценной, практически в разных партиях очищенного серебра могло оставаться разное количество примесей.

При изучении среднеазиатских материалов XVI—XVIII вв. могли быть сопоставлены данные химического анализа и сведения письменных источников того времени о пробе монет [8]. Оказалось, что проба серебра в монетах того времени фактически бывала ниже указной на 2—5%, чаще всего на 3%. Поэтому же серебряные монеты XVII—XVIII вв., чеканенные по одной указной пробе, практически показывают определенные колебания.

Другой фактор — ремедиум пробы, дозволяемые правительством колебания пробы в определенных пределах. Изу-

Таблица 20

Процент серебра в монетах по данным химического анализа

Инв. №	*Монетный двор*	*Тип*	*Дата, г. х.*	Процент серебра
197/2	Термез	1		77,45
197/4	Самарканд	1/2	686	80,36
197/7	Тараз	3		74,44
197/8	Кашгар	1	681	76,48
197/9	Кенджде	1	677	81,32
197/10	»	2	691	76,86
197/11	»	2		76,88

[7] Монеты ИИТ, КП-197. Анализ сделан в Институте химии АН ТаджССР лаборантом Г. Калашниковой (в табл. 20 типы монет обозначены по классификации, принятой в Приложении к настоящей работе).

[8] Е. А. Давидович, История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв., стр. 93—120.

чение саманидских серебряных монет X в. показало, что технически серебро в то время могли доводить до полной чистоты, а довольно значительные колебания (7%, не считая случайных единичных отклонений) содержания серебра в монетах, чеканенных по одной указной пробе, в большей степени следует относить за счет «либерализма», допускавшегося тогда именно в части размеров ремедиума [9].

Учет обоих факторов позволяет заключить, что рассматриваемые чагатаидские серебряные монеты, содержащие разное количество чистого серебра (в пределах 74—81%), были чеканены по одной указной пробе.

Указная проба в письменных источниках обозначалась различно, чаще всего — в виде десятичного отношения. Монеты, считавшиеся сделанными из чистого серебра, назывались ده دهی «десяти десятые» [10].

Наименьшие интервалы пробы по среднеазиатским документам XVII—XVIII вв. составляли четвертую часть от одной десятой, т. е. равнялись 2,5%. Этот интервал меньше возможных отклонений от недоочистки серебра. Отсюда следует, что монеты, чеканенные по разным, но «соседним» указным пробам, при количественном химическом анализе на серебро могут показывать близкий диапазон колебаний, что затрудняет установление точной указной пробы на основании только химического анализа самих монет, особенно если проанализировано их небольшое количество.

Количество чистого серебра в чагатаидских монетах составляет 74—81%. Учет вероятной неполной очистки серебра и ремедиума позволяет высказать следующие соображения. Если бы колебания целиком были результатом неполной очистки серебра-металла, указную пробу чагатаидских серебряных монет можно было бы считать «восьми десятой» или «восьми десятой с четвертью», т. е. 800—825 (80 или 82,5% чистого серебра), ибо в этом случае показательны более высокие цифры анализов. Учет ремедиума (когда отклонения происходят не только в сторону уменьшения, но и в сторону

---

[9] Е. А. Давидович, Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах,— НЭ, т. VI, 1966, стр. 115—118.

[10] Так в документах XV в., изданных Данеш Пожухом,— см.: اسناد آستانهٔ...درویش تاج الدین حسن ولی در قریهٔ نیال از بلوک لاریجان از شهرستان آمل بکوشش محمد تقی دانش پژوه، [طهران]، ١٣٤٤ (документы № 2, 5—11, 13—15, 21, 22, 24 в пределах 833—878 гг. х.). Совершенно прямо об этом говорит в своем сочинении *А'ин-и Акбари* Абу-л-Фазл, везир и приближенный государя Индии из династии Великих Моголов Акбара I (1556—1605): в Иране и Туране высшая степень чистоты серебра обозначается словом *дахдахи*, т. е. «десяти десятые» (см.: «The 'Ain-i Akbari by Abul-Fazl 'Allami», vol. 1, ed. H. Blochmann, Calcutta, 1872, стр. 14).

увеличения от указной пробы, которая, по существу, является «равнодействующей» этих двусторонних отклонений) позволяет допустить, что указная проба могла быть и ниже, например «семи десятой с тремя четвертями», т. е. 775 (77,5% серебра). Уточнить этот вопрос может либо анализ массового материала, либо обнаружение какого-либо свидетельства в письменных источниках. Пока же можно заключить, что серебряные пореформенные монеты последней четверти XIII в. чеканены по указной пробе, близкой 800-й. В данной связи важно подчеркнуть, что указная проба была высокой и общегосударственной. Иначе говоря, в отношении пробы монет, так же как и в отношении их веса, проводилась единая общегосударственная политика.

Остается рассмотреть внешний облик этих монет.

В литературе была высказана точка зрения, будто серебряные дирхемы не имели единого общегосударственного образца. «Монеты выпускали и назначавшийся ханом верховный правитель всех культурных земель Мавераннахра, Ферганы и Хорезма, и наследственные мелики некоторых областей, и правители отдельных городов. В результате в денежной эмиссии продолжал оставаться большой разнобой...»[11]. На чем могло основываться такое заключение? Весовая сторона серебряного чекана явно его опровергает. Одинакова была проба монет, одинаков их размер. Может быть, внешний вид монет натолкнул на эту мысль?

Действительно, первое впечатление от внешнего оформления монет — это впечатление разнобоя, невероятной многотипности. Однако классификационное изучение большого материала показало, что никакого разнобоя нет, что внешний облик монет не произволен, а в значительной степени определен централизованно. Конечно, абсолютной однотипности в чекане разных городов нет. Пример абсолютной однотипности — пореформенные монеты 913—916 гг. х. уже упоминавшегося Шейбани-хана, когда монеты разных городов различались только наименованием монетного двора, местоположением этого наименования (то в картуше, то в поле) и датой. Различия между разногородными серебряными монетами XIII в. значительнее. И все же эти различия преимущественно захватывают второстепенные детали, мелкие надписи, часто заменяемые виньетками, и т. д.

Существенный, сразу заметный признак — тамги. И на первый взгляд кажется, что на монетах много разных тамг. Но внимательное рассмотрение тамг по городам показало, что для всех монетных дворов назначены были всего две тамги. Исключение — чекан Тараза. Еще большее единообразие по-

[11] М. Е. Массон, Исторический этюд..., стр. 76—77. Историкам чекан и обращение монет этого времени вообще представлялись чуть ли не хаотическими (см. Заключение, стр. 122—123).

казывают серебряные монеты по остальным наиболее существенным признакам, определяющим их облик. По этим признакам все монеты четко поделились на три основные группы. Эти группы не изолированы одна от другой, линии связей между ними — сходство одной из сторон монетного кружка. Зато внутри каждой из трех групп единство определяют обе стороны монетного кружка. Особенно показательна в этом отношении первая группа, включающая многолетний чекан десяти монетных дворов: Алмалыка, Андигана, Ташкента-Шаша, Кашгара, Маргинана, Отрара, Оша, Ходженда, Пулада (?) и частично Тараза. Монеты этих городов за разные годы имеют один и тот же сходный облик (обозначенный нами как 0—II): центр одной из сторон занимает двухстрочная надпись, скомпонованная квадратом; центр другой стороны — круглый картуш. Таким образом, почти вся северо-восточная часть Чагатаидского улуса чеканит одинаковые монеты, и здесь не может быть речи о разнобое, о «самодеятельности» правителей и меликов. Облик монет явно определен централизованно. Правда, в этом деле допущен некоторый «либерализм», центральная власть не добивалась абсолютной однотипности, но основные черты и показатели облика монет все же были предписаны сверху для всех десяти монетных дворов. Если это сопоставить с их единым весовым стандартом и одинаковой пробой, факт централизованного руководства чеканом серебряных монет не будет вызывать сомнений.

Особое место занимает лишь чекан Тараза и Кенджде. Там от десятилетия к десятилетию вводились монетные штампы нового облика, но старые не уничтожались, их продолжали использовать в чекане. Одновременное же использование нескольких разных по облику штампов приводило к самым разнообразным сочетаниям на монетах (включая разные даты на двух сторонах). Нами прослежены закономерности изменения облика штампов и порядок образования разных сочетаний штампов на монетах Тараза и Кенджде. Широкое использование старых штампов свидетельствует об интенсивности работы этих двух монетных дворов. Предположение о фискальных мотивах изменения внешнего вида монет не объясняет некоторые особенности чекана Тараза и Кенджде. Интенсивная работа монетных дворов и большой штат мастеров требовали эффективного контроля и учета. Не исключено поэтому, что типовые различия и разные «пары» штампов как раз и были признаками и способом этого контроля и учета.

При всем типовом разнообразии монет Тараза и Кенджде продукция этих двух монетных дворов встречается в кладах вместе с монетами всех остальных монетных дворов. Из этого следует, что разный внешний облик монет Тараза и Кенджде при условии чекана их по единому общегосударственно-

му весовому стандарту и единой указной пробе не препятствовал их обращению далеко за пределами места выпуска вместе со всеми прочими монетами.

Итак, вес и проба монет, а также основные показатели их внешнего облика определялись централизованно. Эти установления были составной частью реформы Мас'уда. Вес монет в пореформенное время не изменялся, этого центральная власть не разрешала. Установления в отношении внешнего вида монет впоследствии иногда нарушались (например, в Таразе и Кенджде), но без влияния на нормы обращения.

А как организован был чекан серебра, в чьих руках находилась монетная регалия? Из чьего металла чеканились монеты и кто получал доходы от этого чекана? Почему на третьем этапе, при переходе к чекану серебра, так резко увеличилось число монетных дворов?

После монгольского завоевания Средняя Азия вошла в состав улуса Чагатая по разделу, который Чингисхан произвел еще при своей жизни. Однако значительного переселения самих монголов в Среднюю Азию в XIII в. не произошло. В частности, ставка самого Чагатая располагалась в Кульджинском крае, к югу от р. Или. Соответственно царевичи, имевшие право на часть общих доходов с культурных земледельческих областей Средней Азии, официально этими областями сами не управляли и основные подати непосредственно сами не собирали. Последнее входило в задачу наместников, назначаемых для этого монголами [12]. В данной связи существенно отметить еще один момент. Монголы, произведшие в Средней Азии колоссальный погром, уничтожившие огромное количество материальных производительных сил, разрушившие целые города и ирригационные системы, угнавшие ремесленников и т. д., не разрушили, однако, основ административно-политического строя, сложившегося в предшествующее время. Политические и экономические привилегии представителей господствующего класса Средней Азии были сохранены. Особенно ярко это сказалось в том, что многими областями Средней Азии в XIII в. по-прежнему управляли местные царьки и владетели домонгольского происхождения, требовавшие с населения свою долю.

Уже при самом Чингисхане наметились первые признаки ослабления единства монгольской империи. В частности, Чингисхан собирался идти походом на своего сына Джучи,

[12] Правда, различные представители Чингисова дома в обход центрального аппарата управления с его наместником и подведомственными последнему военными отрядами по своей инициативе и воле раздавали ярлыки и пайцзы влиятельным купцам и феодалам на право требовать с населения выполнения разных повинностей, поставок и пр. Это было таким бедствием для населения, что время от времени делались попытки нормировать дополнительные поборы (подробнее см. Заключение, стр. 137—138).

действия которого оказались слишком самостоятельными. После смерти Чингисхана все более назревали условия для развития междоусобий, которые с особой силой сказались во второй половине XIII в. Хотя междоусобные войны между различными представителями Чингисова дома в большинстве случаев имели место вне пределов Средней Азии, и особенно Мавераннахра, временами они весьма ощутимо сказывались и здесь, отражаясь уже непосредственно (и весьма болезненно) на мавераннахрском населении.

После смерти в 1248 г. великого каана Гуюк-хана Чингисиды разбились на два враждебных лагеря: потомки и родственники Джучи и Тули и потомки и родственники Угэдея и Чагатая. Противоречия внутри каждого из этих двух лагерей временно затушевались. Три года продолжалась сначала завуалированная, потом открытая борьба, прежде чем в 1251 г. великим кааном окончательно был провозглашен Менгу-хан — представитель первого лагеря. Эта победа была настоящим кровавым переворотом, ибо были казнены не только многие приближенные сановники из лагеря противника, но также и некоторые царевичи, потомки Угэдея и Чагатая.

Эта победа лагеря, возглавленного Бату и Менгу, сразу сказалась на положении Средней Азии, ибо отдельный улус Чагатая был ликвидирован совершенно. Средняя Азия была поделена на сферы влияния, причем весь Мавераннахр отошел к Золотой Орде, а северные области с Семиречьем — к владениям Менгу-хана.

Но вскоре положение изменилось снова. После смерти Менгу-хана (1259 г.) в 1260 г. великими каанами были провозглашены сразу два его брата — Хубилай и Арик-бука. К начавшейся между ними борьбе они привлекли чагатаидских царевичей. Один из последних, внук Чагатая, Алгу, действовал в Средней Азии настолько энергично (и, конечно, не в пользу потомков Тули, а в свою собственную), что за короткий срок изгнал всех джучидских наместников и овладел даже Хорезмом, который до этого всегда входил в состав Золотой Орды. Таким образом, Чагатаидский улус был восстановлен снова. Но после смерти Алгу (1265-66 г.) началась борьба между Мубарак-шахом, Барак-ханом, а позже и Хайду, причем теперь уже на территории самой Средней Азии. Вражда царевичей и военные действия, сопровождавшиеся грабежом и насилием, наносили непосредственный ущерб населению. Так продолжалось до 1269 г., когда в долине р. Талас (т. е. тоже в самой Средней Азии, хотя пока еще в ее северо-восточных районах) собрался курултай, на котором было решено, что царевичи по-прежнему будут жить в горах и степях и не будут вмешиваться в дела управления культурными земледельческими районами, не будут вытаптывать по-

севы и угонять стада. В интересующем нас аспекте эти решения курултая очень существенны и показательны.

При Хайду и его сподвижнике, а затем и заместителе Дува-хане в Средней Азии установилось относительное спокойствие. Но и то время от времени грабежи и насилия нарушали нормальное течение жизни. В частности, в 1272-73 г. Бухара была сначала ограблена войском хулагуидского государя, затем выступившими на ее «защиту» чагатаидскими царевичами, а потом уже все вместе продолжали резню и грабеж, так что город и его округ были совершенно опустошены и семь лет там не было жизни.

Однако при всех этих междоусобиях среди Чингисидов и вне зависимости от того, входила ли Средняя Азия в состав одного улуса или была разделена на части, фактически управляли Средней Азией сначала купец Махмуд Ялавач, затем его сын Мас'уд-бек, а затем последовательно три сына последнего. Судьба Мас'уд-бека особенно интересна и показательна для характеристики того, насколько монголов действительно не интересовало управление Средней Азией и ее внутренние дела и насколько единственный смысл владения Средней Азией они видели в получении с нее доходов через своего ставленника. Не случайно Мас'уд-бек пережил многих номинальных чагатаидских и прочих владетелей улуса: он выполнял свою задачу поставки оговоренных со Средней Азии доходов и поэтому оставался на своем посту вне зависимости от междоусобной борьбы и побед различных партий. «Назначенный правителем в конце царствования Угэдея, Мас'уд-бек сохранял свою власть и после переворота 1251 г. во время двоевластия потомков Тулуя и Джучи; под его управлением были соединены области, находившиеся в сфере влияния великого хана Мунке, с областями, где государями признавались Батый и его брат Беркай. В 60-х годах того же Мас'уд-бека утвердили в его должности сначала чагатайские царевичи, пытавшиеся создать в Средней Азии самостоятельное монгольское государство, потом Хайду, осуществивший эту задачу в 1269 г.» [13].

Итак, в XIII в. Средняя Азия (особенно Мавераннахр) для монголов представляла интерес только как источник постоянных и высоких доходов, причем они нашли наиболее удобную для себя форму их получения через наместника, которому, следовательно, должны принадлежать все проведенные за это время в Средней Азии экономические мероприятия.

Отсюда следует первый интересующий нас вывод: в Средней Азии XIII в. монетная регалия не находилась непосредственно в руках верховной власти, т. е. монголов. Средневе-

---

[13] В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана,— Сочинения, т. II/1, стр. 261—262.

ковье знает форму отдачи монетного чекана в аренду за определенную плату, но в этих условиях монетная регалия оставалась в руках государственной власти, которая передавала лишь ее практическое осуществление, и каждый раз отдельным от всего прочего актом. Основываясь на анализе административно-политической обстановки в Средней Азии XIII в., следует признать здесь совсем другую форму. Монголы, очевидно, не получали отдельного дохода именно от монетного чекана. Практически в дела монетного чекана и денежного обращения они не вмешивались, как и во все прочее. А это значит, что монетная регалия фактически и даже формально находилась в руках упомянутой династии наместников, которые, сами будучи купцами, прекрасно понимали значение денег для нормального товарооборота и, конечно, не упускали чекан как одну из весьма доходных статей для восполнения выдаваемых монголам доходов и умножения своих богатств. Не исключено, что упомянутые источниками кое-где сохранившиеся наследственные правители домонгольского происхождения также временами пользовались доходами от чекана или частью этих доходов.

Все сказанное позволяет сделать еще несколько выводов. Долговременный и обильный чекан серебряных пореформенных монет в условиях фактической принадлежности монетной регалии купцу-правителю Мас'уд-беку мог быть только свободным, т. е. производиться из металла, принадлежащего любому лицу, за соответствующие отчисления. В эти отчисления входили оплата работы и определенные фискальные доходы. В пользу свободного чекана кроме общей ситуации говорят следующие факты: неизменность веса и пробы серебряных монет в течение длительного времени, а также открытие большого числа монетных дворов. Свободный чекан — один из стимулов увеличения числа монетных дворов; много точек производства монет очень удобно (хотя и не абсолютно обязательно) при свободном чекане. Вторым стимулом в данном случае могло быть желание местных правителей и меликов получать фискальные доходы от монетного дела (если они имели на это право).

Организация чекана и обращения серебряных монет — основная, наиболее трудная, но не единственная часть реформы Мас'уда. В литературе уже отмечалось, что переход к серебру сопровождался исчезновением медных дирхемов [14]. Нужно подчеркнуть, что исчезновение это не было стихийным: реформа Мас'уда, безусловно, предполагала изъятие из обращения многократно дискредитированных монет с принудительным курсом, поскольку сферу серебра начали обслуживать настоящие серебряные монеты. Результатом этого яви-

[14] М. Е. Массон, Исторический этюд..., стр. 76.

лись клады запрещенных медных посеребренных дирхемов, обращавшихся в предреформенное время.

Реформа Мас'уда не была бы полной и законченной, если бы она не коснулась медных монет—фельсов, обслуживавших сферу мелкой торговли. Уже отмечалось, что теоретически медные фельсы могли существовать и практически они известны в то время, когда сферу серебра обслуживали медные посеребренные дирхемы с принудительным курсом. Но известны они в небольшом количестве и для коротких отрезков времени. Пока нет достоверных данных для решения вопроса о медных фельсах на первых двух этапах в Мавераннахре при Чагатаидах. Чеканились ли они на первых двух этапах в Бухаре, Самарканде, Отраре, Ходженде? Кризисное состояние обращения медных посеребренных дирхемов на раннем отрезке времени (первый этап) в Самарканде позволяет допустить, что там медные фельсы вовсе не чеканились или чеканились нерегулярно, так как дирхемы переживали обесценение, покупательная способность их падала, а сфера обращения «снижалась». В этих условиях большой потребности в медных фельсах не могло быть.

На третьем этапе, при переходе к чекану настоящих серебряных монет твердого веса и пробы, потребность в фельсах сразу должна была стать ощутимой. Не случайно Алмалык выпускал медные фельсы и на первом этапе, так как уже тогда вместо медных посеребренных дирхемов там чеканили настоящее серебро.

Итак, на третьем этапе следовало ожидать регулярного чекана медных фельсов. И он действительно был. Даже небольшой известный нам материал[15] показывает, что эта сторона устройства монетного дела не была забыта Мас'уд-беком. На некоторых монетных дворах типы медных фельсов повторяют типы серебряных монет или очень близки к ним. Уже одна эта типовая близость дает основание такие медные монеты относить к пореформенному чекану третьего этапа. Даты, имеющиеся на некоторых монетах, подтверждают правильность этого вывода. Рассмотрим типовые параллели медных и серебряных монет третьего этапа (изображения картушей см. на рис. 3, тамг — на рис. 2).

Наибольшее количество дат сохранили медные монеты Отрара: 677, 681, 682, 684, 685, 698, 699 гг. х. Фельсы 677—685 гг. х.[16] однотипны.

---

[15] Нами проработаны медные монеты Основного собрания ГЭ, МИ Уз и кафедры археологии Средней Азии Ташкентского государственного университета. Однако здесь мы описываем не все типы и варианты медных фельсов третьего этапа, а лишь те из них, которые наиболее ясно и выпукло выявляют основную тенденцию в «типообразовании» медных монет этого времени.

[16] ГЭ, *Основное собрание*, № 48, 51, 51а, 55, 55а, 55в; МИ Уз, коллекция 25, № 100—101.

Л. ст. В центре поля — двухстрочная надпись, скомпонованная квадратом العادل / لاعظم. По четырем сторонам — выпускные сведения (обычно с ошибками). Ободок точечный.

Об. ст. В круглом картуше II — тамга № 1. Сверху и снизу — سكه / اترار. Кругом — имя с титулом халифа Насира (обычно с ошибками). Ободок линейный и точечный или двухлинейный с точечным кругом посредине.

Эти фельсы в типовом отношении очень близки серебряным монетам Отрара (ср. Приложение, Отрар, тип 1). Хотя содержание двухстрочной надписи поля иное, облик лицевой стороны серебряных и медных монет сходен. Оборотная сторона имеет те же картуш, тамгу и круговую надпись, только в картуше серебряных монет вместо наименования монетного двора две виньетки.

Медные монеты Ходженда очень сходны с одним из типов серебряных монет этого города. Медные монеты сохранили даты цифрами: 692[17] и 690 или 695 гг. х. (цифра единиц в виде кружка может быть прочитана двояко)[18].

Л. ст. В центре поля — двухстрочная надпись, скомпонованная квадратом العادل / لاعظم. Вариант 1 — внизу дата цифрами, кругом стерто и обрезано; вариант 2 — по четырем сторонам мелкими буквами выпускные сведения.

Об. ст. В круглом картуше II — тамга № 1, а сверху и снизу — наименование монетного двора سكه / خجنده. Кругом стерто и обрезано.

Оборотная сторона одного из типов серебряных монет (см. Приложение, Ходженд, тип 1) совершенно такая же, на лицевой стороне небольшие отличия: вместо даты цифрами слово «Ходженд», а наверху — *хани*.

Несколько больше различаются медные и серебряные монеты Андигана[19], но и у них много общего. На одной стороне в одинаковых картушах II — тамги и виньетки, только на серебряных монетах две тамги — № 1 и 2, а на медных — одна тамга № 2. Другие стороны медных и серебряных монет в нижней строке содержат наименование монетного двора, содержание же прочих надписей различно.

Не абсолютно одинаковы, но чрезвычайно сходны медные

---

[17] Эта медная монета найдена в г. Ленинабаде, т. е. в самом Ходженде (Е. А. Давидович, Нумизматическая коллекция Ленинабадского областного историко-краеведческого музея,— «Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР», вып. II, 1952, стр. 80—81).

[18] ГЭ, Основное собрание, № 94, 144.

[19] Один экземпляр кафедры археологии Средней Азии Ташкентского государственного университета, три экземпляра ГЭ, Основное собрание, № 120—121.

и серебряные монеты Ташкента[20] и Шаша[21]. На лицевой стороне ташкентских монет — двухстрочная надпись, скомпонованная квадратом: на медных монетах это العادل / لاعظم и на серебряных لله الحمد / الملک لله. На оборотной стороне в картуше I на тех и других совершенно одинаковые элементы: в центре — тамга № 1, сверху и снизу — наименование монетного двора سکه / تاشکند. Кругом надписи близкого содержания: на медной — символ веры и часть имени халифа Насира (с ошибками), на серебряной — имя и титулы халифа Насира (тоже с ошибками).

На лицевой стороне одного из типов серебряных монет Шаша (см. Приложение, Шаш, тип 1) такая же двухстрочная надпись, скомпонованная квадратом, как и на монетах Ташкента, а по сторонам — то читаемая, то нечитаемая надпись. На медной монете двухстрочная надпись, образующая квадрат, совершенно стилизована, она больше похожа на эпиграфический орнамент, но восходит этот «орнамент» к той же надписи, что и на серебре. И по сторонам этого квадрата тоже стилизованная и схематизированная надпись, как и на некоторых серебряных монетах. Оборотные стороны еще более сходны: в картуше I — тамга № 1, под ней — наименование монетного двора — «Шаш», а над ней — на медных монетах слово سکه, а на серебряных — виньетка. Вокруг картуша — надпись (на медной монете плохой сохранности).

У медных монет Тараза[22] одна сторона того типа (в квадратном двухлинейном картуше две тамги — № 1 и 2), который очень распространен и в чекане серебряных монет этого города. На другой стороне медных монет в таком же картуше — двухстрочная надпись с наименованием монетного двора, что тоже находит аналогии в серебряном чекане Тараза.

Итак, рассмотренные медные монеты Ходженда и Андигана, Ташкента-Шаша, Тараза и Отрара в типовом отношении очень близки серебряным монетам этих городов. Иногда это полное или почти полное сходство одной и даже обеих сторон монетных кружков, во всех случаях — сходство облика и основных показателей. Если учесть, что число известных нам медных монет невелико и, естественно, не исчерпывает типы медных монет третьего этапа, типы серебряных монет представлены полнее, но также, безусловно, будут умножены новыми находками, — не будет ошибкой заключить, что реформа Мас'уд-бека предусмотрела, чтобы внешний вид серебряных и медных монет в каждом городе был одинаковым

[20] ГЭ, Основное собрание, № 176 (медь) и № 64—65 (серебро).

[21] ГЭ, Основное собрание, № 151, и МИ Уз, коллекция 25, № 64 (медь); ГЭ, № 148—150, 186—187 (серебро); также Приложение, Шаш, тип. 1.

[22] ГЭ, Основное собрание, № 165—166.

по основным показателям, вплоть до полной или почти полной однотипности. К этому следует добавить еще два важных факта: вес медных монет дает значительные колебания, но все же тяготеет к весу серебряных; размер медных и серебряных монет одинаков. Близость, а то и полное совпадение таких основных показателей, как вес, размер и тип серебряных и медных монет, облегчали и упрощали декретирование курсового отношения между ними. Так в северо-восточной части Средней Азии денежное хозяйство на базе этих серебряных и медных монет было налажено наилучшим образом.

Чекан и обращение медных монет в Центральном Мавераннахре пока не могут быть охарактеризованы из-за отсутствия необходимых материалов. Две самаркандские монеты 69. г. х.[23] говорят в пользу того, что и здесь медный чекан своим типом, весом и размером тяготел к серебряному. Хотя эти медные монеты отнюдь не повторяют известный сейчас тип серебряных монет Самарканда (ср. Приложение, Самарканд, тип I), они все же находятся в границах типовых особенностей чекана серебра третьего этапа[24].

Л. ст. В центре поля — двухстрочная надпись, скомпонованная квадратом الملک / لاعظم. Сверху и снизу более мелкими буквами надпись اختیار / سمرقند.

Об. ст. В круглом однолинейном картуше — тамга № 1. Кругом — выпускные сведения, содержащие дату цифрами. Ободок двухлинейный.

Каково было назначение медных монет — были ли они средством только внутригородского и внутриобластного обращения или ходили шире? Для средневековой Средней Азии известны разные варианты: в одних случаях медные монеты имели узколокальное обращение, в других — они выходили за пределы выпустившего их города или области, но принимались там по иному курсу; в третьих — они обслуживали большие территории и даже все государство, вне зависимости от места выпуска[25]. Как же было на третьем этапе пос-

[23] ГЭ, Основное собрание, № 135 (два экземпляра).

[24] Известны более крупные ($Д$=30—31 *мм*) медные монеты Бухары и Самарканда, но датировка их затруднительна. Даты на известных нам немногих экземплярах отсутствуют, облик же их совпадает с серебряными монетами третьего этапа лишь в отдельных деталях (например, тамга № 1 и монетный двор двухстрочной надписью над и под тамгой). Поэтому их использование для характеристики чекана и обращения медных монет какого-либо определенного этапа пока не представляется возможным.

[25] Е. А. Давидович, Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах, стр. 125—130, 132; ее же, Новые нумизматические материалы для характеристики товарно-денежных отношений на территории Южного Таджикистана в XV в.,— сб. «Абдуррахман Джами. Эпоха, жизнь и творчество», Душанбе, 1965, стр. 38—49; ее же, Материалы для характеристики денежной реформы Улугбека,— сб. «Из истории эпохи Улугбека», Ташкент, 1965, стр. 289—299.

ле реформы Мас'уда? Решить этот вопрос могут лишь обстоятельная регистрация монетных находок и состав кладов медных монет. Сейчас же мы не располагаем достаточными материалами такого рода.

Итак, каково же содержание реформы Мас'уд-бека, из каких мероприятий она слагается? В предреформенное время (второй этап) организация монетного дела в Чагатаидском улусе не была одинаковой. В одной его части чеканились золотые монеты и медные посеребренные дирхемы, причем золотые монеты ходили на вес, а дирхемы с принудительным курсом — штучно. В другой части Чагатаидского улуса (чекан Алмалыка) чеканились золотые монеты (обращавшиеся по весу), серебряные дирхемы и медные фельсы (обращавшиеся штучно).

Реформа Мас'уд-бека прежде всего заложила общие и единые основы монетного дела. Выпуск медных посеребренных дирхемов с принудительным курсом был прекращен, а такого рода старые монеты предреформенного времени были запрещены. Вместо них отныне сферу серебра должны были обслуживать — по примеру предреформенного Алмалыка — настоящие серебряные монеты. Таким образом, серебряные дирхемы стали основой денежного обращения во всем Чагатаидском государстве после реформы Мас'уда. Реформа декретировала вес серебряных монет (взяв за основу вес предреформенных монет Алмалыка), их пробу, размер и наиболее существенные признаки внешнего оформления. Чекан серебряных монет был свободным, правительство было заинтересовано в увеличении размеров серебряного чекана (в этом смысле интересы торговли и интересы фиска совпадали), поэтому охотно шло на открытие новых монетных дворов. Сейчас известно уже 15 монетных дворов, выпускавших пореформенные серебряные монеты. Первые монетные дворы, не считая Алмалыка, начали выпускать монеты в 670/1271-72 и 671/1272-73 гг., но наиболее обильный и регулярный чекан всех монетных дворов падает на два последних десятилетия XIII в. Серебряные монеты, как правило, свободно обращались по всему государству, вне зависимости от места выпуска. Гарантией этого были твердый единый вес и проба, благоприятные же условия создавало сходство облика монет большинства монетных дворов[26]. Общегосударственный весовой стандарт и небольшой ремедиум убеждают в том, что обращение было штучное.

Сферу мелкого товарооборота призваны были обслуживать медные монеты. Централизованный характер и большую

[26] Не исключено, конечно, что в отдельных случаях ставились какие-то территориальные рогатки, особенно если монетная регалия в отдельных городах и областях находилась в руках местных правителей и меликов. Но пока это только предположение.

продуманность реформы очень убедительно характеризует тот факт, что медные монеты (особенно ясно это видно по чекану фельсов северо-восточной группы монетных дворов) своим весом, размером и внешним оформлением следуют за таковыми же показателями серебряных монет. Кроме всего прочего это упрощало декретирование курсового отношения между серебряными дирхемами и медными фельсами. Нельзя недоучитывать также и положительного психологического эффекта такого единообразия в чекане серебра и меди.

В целом реформу Мас'уд-бека следует считать положительной. Она решительно и централизовано покончила с «серебряным кризисом» в Средней Азии и организовала чекан и обращение монет в таких формах, которые более всего отвечали объективным требованиям и поэтому имели полный успех. Отказ от медных посеребренных дирхемов с принудительным курсом и полное изъятие их из обращения были одним из непременных условий успеха этой реформы. Но отказ этот означал потерю значительных доходов, слагавшихся из разницы между действительной стоимостью этих монет и их принудительным курсом. Свободный чекан серебряных монет сам по себе не мог дать подобных доходов. В какой-то степени эти потери были восполнены чеканом медных монет — фельсов, разница стоимости и номинала которых всегда весьма значительна. Потребность в нормальной и урегулированной денежной торговле заставила пойти на эти «жертвы», возможно временные. Временные потому, что открытие все новых и новых монетных дворов и увеличение количества выпускаемых серебряных монет особенно в 80—90-х годах XIII в. умножали и фискальные доходы. Чекан же медных посеребренных дирхемов все равно не мог бы быть значительным и чрезмерным, иначе это грозило обесценением, т. е. не только расстройством их обращения, но и сокращением, а то и потерей тех самых доходов, ради которых это делалось.

Глава 9

ПОЧЕМУ НА ЧАГАТАИДСКИХ МОНЕТАХ ПРОСТАВЛЕНО ИМЯ ПОКОЙНОГО ХАЛИФА НАСИРА

Имя покойного халифа Насира известно на монетах не только Чагатаидов, но и Джучидов. Хотя джучидских монет такого рода меньше, чем чагатаидских, они обратили на себя большее внимание, как, впрочем, и вообще нумизматикой Джучидов занимались больше, чем нумизматикой Чагатаидов.

Имя халифа Насира известно в джучидском чекане Булгара. О времени чекана и принадлежности этих монет в литературе высказаны были разные точки зрения. Преимущественно их относили к чекану Джучидов. С. А. Янина окончательно доказала принадлежность их джучидскому чекану и весьма точно датировала временем между 1256 г. (год вступления на престол Золотой Орды мусульманина Берке) и 1259 г. (год смерти каана Менгу), причем на этом отрезке времени монеты с именем халифа Насира были отчеканены, а затем в значительной части перечеканены новыми штампами с именем самого каана Менгу, что еще более суживает хронологические пределы выпуска первых. С. А. Янина считает, что они были чеканены в первый год правления Берке (т. е. до 1258 г.!). Причины чекана ханом Берке монет с именем давно умершего, но почитаемого мусульманами халифа Насира С. А. Янина связывает с политикой исламизации, проводимой Берке[1].

Г. А. Федоров-Давыдов предлагает несколько иную датировку этих монет и видит другие причины появления на них имени халифа Насира. Он считает, что имя этого покойного халифа не могло появиться при жизни последнего халифа Мустасима, убитого в 1258 г. Иначе говоря, чекан в Булгаре монет с именем халифа Насира, по мнению Г. А. Федорова-Давыдова, был в 1258—1259 гг. Причины же и назначение выпуска такого рода монет — политическая демонстрация со

[1] С. А. Янина, Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Булгарах в 1953—1954 гг.,— МИА, № 61, стр. 394—399.

стороны хана Берке против хана Хулагу, убившего последнего халифа Мустасима [2].

Положения эти Г. А. Федоров-Давыдов целиком переносит и на Среднюю Азию, полагая, что и здесь имя халифа Насира также не могло появиться раньше 1258 г. и имело аналогичное назначение. Свою точку зрения в целом он формулирует следующим образом: «Учитывая международную обстановку, сложившуюся к рубежу 50—60-х годов XIII в., можно понять, почему в это время только в Золотой Орде и в Семиречье (Отрар, Ходженд, Алмалык, Орда ал-Аазам) чеканятся монеты с именем халифа ан-Насира. Эта чеканка была, видимо, своеобразной и согласованной акцией, направленной против Хулагу, уничтожившего аббасидский халифат. В Маверannахре (в Самарканде и Бухаре), где сидел Алгуй, симпатизировавший, по-видимому, Хулагу, имя ан-Насира на монетах отсутствует» [3].

В аргументации Г. А. Федорова-Давыдова есть явно слабые места. В частности, его выводы относительно времени появления на среднеазиатских чагатаидских монетах имени халифа Насира не только не опираются на факты, но, наоборот, игнорируют их. Известные сейчас даты на золотых монетах дают очень мало для решения этого вопроса: за редким исключением в этих датах не сохранилось то слово десятков, то слово единиц. Следовательно, на основании одних золотых монет просто нельзя решать вопрос о том, было ли имя халифа Насира на монетах до 1258 г. Зато совершенно определенно решают этот вопрос медные посеребренные дирхемы XIII в. Имя халифа Насира есть на самаркандских дирхемах, чеканенных в первые годы после монгольского завоевания; на бухарских дирхемах 627/1229-30 г. (или 629/1231-32 г.?) и 628/1230-31 г.; на дирхемах Отрара, чеканенных почти ежегодно с 649/1251-52 по 662/1263-64 г. (типы этих монет описаны в гл. 1) [4].

Не менее существен чекан Алмалыка. В Алмалыке на протяжении всего XIII в. выпускались настоящие серебряные монеты. На этих серебряных монетах 638/1240-41, 639/1241-42, 643/1245-46, 645/1247-48, 646/1248-49 и 654/1256 гг. есть имя халифа Насира [5].

---

[2] Г. А. Федоров-Давыдов, Клад золотых монет XIII в...., стр. 133—135.

[3] Там же, стр. 135. Кстати, города Отрар и Ходженд не входили в Семиречье.

[4] Часть этих монет была давно опубликована, а наличие на них имени халифа Насира прокомментировано — см.: Е. А. Давидович, Клад медных джагатаидских монет XIII в., стр. 36—37.

[5] ГЭ, Основное собрание, № 10—12, 12а, 12в, 27. Имя халифа Насира на этих монетах проставлено иногда полностью (например, на монетах 654 г. х.), чаще же фрагментированно: во внутренней круговой легенде,

Итак, имя халифа Насира после его смерти многократно появлялось в надписях среднеазиатских монет XIII в. задолго до 1258 г., следовательно, факт этот не стоит в прямой связи с убийством последнего халифа, разным отношением к этому событию монгольских ханов и сложившейся в это время «международной обстановкой». А это в свою очередь ослабляет аргументацию в пользу истолкования имени халифа на джучидских и чагатаидских монетах как «согласованной политической акции», направленной против Хулагу, уничтожившего халифат.

Наблюдение Г. А. Федорова-Давыдова остается верным в той части, что имя халифа Насира во второй половине XIII в. мы видим на монетах северной группы городов, но не видим на монетах Бухары и Самарканда. Чем объясняется такая разница в надписях двух групп монетных дворов? И была ли эта разница постоянной, последовательно проводимой?

Когда мусульманин Берке помещает на своих монетах имя почитаемого мусульманами халифа Насира или благочестивое изречение — это вполне понятно, это в рамках его политики исламизации государства. Но почему на чагатаидских монетах Средней Азии мы читаем символ веры, имя халифа Насира, коранические изречения и благочестивые восклицания, это требует особого рассмотрения.

Монголы, в том числе и чагатаидские ханы, не только не были мусульманами, но подчас при всей их веротерпимости ислам был у них в меньшей чести, чем другие религии. Мусульмане встречали упорных врагов среди представителей христианства и буддизма. Сын Чингисхана, Чагатай, особо покровительствовал христианам, так что даже сложилась легенда, переданная Марко Поло, будто он сам принял христианство. Мусульманская же религия вызывала у Чагатая недовольство якобы тем, что некоторые правила шариата оказывались несовместимыми с монгольской ясой. А позднейшие мусульманские писатели приписывают Чагатаю даже прямую и непримиримую вражду к исламу. Между тем именно при нем на бухарских и самаркандских монетах мы читаем символ веры, имя халифа Насира и пр. Не меньшим врагом ислама, по данным источников, были великий каан Гуюк и другие члены Чингисова дома. Приводя эти данные, В. В. Бартольд отмечает, однако, что некоторые мусульмане достигали при монголах высоких постов и пользовались подчас большим влиянием [6].

где оно размещено после символа веры, уместилось только الناصر. На монете 628 г. х. поле одной из сторон занято титулом халифа الامام الاعظم в две строки.

[6] В. В. Бартольд, Очерк истории Семиречья,— Сочинения, т. II/1, стр. 61—63.

И хотя в XIII в. уже начала иногда проявляться тенденция, направленная на централизацию государства, обуздание центробежных сил, прекращение бесчисленных междоусобий с сопровождающими их грабежом и разорением оседлого населения культурных земледельческих районов; хотя некоторые представители правящей монгольской верхушки подчас уже покровительствовали исламу (например, Хайду) или даже принимали ислам (например, Мубарак-шах),— все это практически не меняло положения. В целом, по словам И. П. Петрушевского, «до конца XIII в. была очень сильна и другая тенденция, реакционная, представленная, между прочим, улусным ханом Чагатаем (1227—1241) и поддерживаемая большей частью монгольской военно-кочевой знати. Эти поклонники монгольской старины и кочевых традиций были врагами оседлой жизни и городов и противниками всяких уступок покоренным «мусульманским» оседлым народам, сторонниками неограниченной хищнической эксплуатации оседлого населения деревень и городов. Ненависть к оседлому «мусульманскому» населению выливалась в *ненависть к исламу, мусульманскому праву* и *«мусульманской» культуре*... (курсив наш.— *Е. Д.*)»[7].

Каким же образом разрешается это противоречие между чисто «мусульманскими» по содержанию надписей монетами Средней Азии рассматриваемого времени и в большинстве случаев враждебным отношением монголов к исламу и всему, с ним связанному?

Это противоречие находит себе великолепное объяснение в особенностях устройства Чагатаидского улуса, в характере организации его управления; вместе с тем оно со своей стороны дает новые, совершенно конкретные штрихи для характеристики административно-политического устройства Чагатаидского государства в XIII столетии[8]. Управляла Чагатаидским государством фактически династия купцов-наместников, монголы же непосредственно в дела не вмешивались, сами сбором основных налогов и податей не занимались и, конечно, не получали доходы от монетного дела в качестве самостоятельной статьи. Именно в силу того что они в монетное дело не вмешивались, все монеты Средней Азии после Чингисхана оказались анонимными — имена монгольских государей Средней Азии на них не проставлялись.

Невмешательство монголов в управление Средней Азией и их «равнодушие» к монетному чекану как одному из важнейших символов власти и определили все типовые особенности среднеазиатских монет первых трех этапов (после Чингис-

---

[7] И. П. Петрушевский, Из истории Бухары в XIII в., стр. 117.

[8] Организация управления в Чагатаидском государстве рассмотрена в предыдущей главе.

хана): наличие то в откровенной, то в замаскированной форме легенд «мусульманского» содержания и отсутствие имен соответствующих чагатаидских государей. Чагатаидам безразличен был вид монет, обращавшихся в Средней Азии, а для местного населения привычное следование давно сложившимся и понятным типам было своего рода дополнительной гарантией их законности. Несомненно, владельцы монетной регалии, а особенно купец Мас'уд-бек, прекрасно понимали роль традиции в укреплении доверия населения к деньгам и, не будучи принуждаемы резко менять облик монет, в рамках нейтральности оставляли его прежним.

Имя халифа Насира в этом смысле не является исключением. А наличие его на одних монетах и отсутствие на других объясняются не какими-то политическими акциями монгольских государей, вовсе в это время в Средней Азии еще не занимавшихся монетным делом, а в одних случаях именно традицией, следованием привычным для данного города «нейтральным» образцам надписей, в других же — частными причинами, особенностями монетного дела данного города.

Приведем несколько конкретных примеров. В раннем чекане Самарканда имя халифа Насира есть. Потом оно исчезает, так как в связи с нарастанием кризисных явлений в обращении появилась надобность поместить на медных посеребренных дирхемах надписи особого содержания — сначала «убеждающие», потом «угрожающие». Таким образом, в Самарканде имя халифа Насира исчезло из монетных надписей задолго до того, как Алгу в Мавераннахре[9] мог симпатизировать Хулагу, уничтожившему в 1258 г. последнего халифа, и вне всякой связи с симпатиями и антипатиями такого рода. На золотых монетах второго этапа и на серебряных монетах третьего этапа имя халифа в Самарканде не появилось просто потому, что его не было значительное время и до этого.

Аналогичная картина в Бухаре. Там имя халифа сначала было в монетных надписях, потом исчезло из них задолго до 1258 г. и впоследствии поэтому не появилось.

Иная картина в чекане, например, Отрара. На медных посеребренных дирхемах Отрара имя халифа Насира появилось (как это уже отмечалось) задолго до 1258 г., т. е. не могло быть политической демонстрацией против уничтожения халифата. А золотые монеты лишь повторили надписи этих дирхемов, медные посеребренные дирхемы послужили для них образцом. Вот поэтому-то на золотых монетах Отрара есть имя халифа Насира.

---

[9] Г. А. Федоров-Давыдов («Клад золотых монет...», стр. 135) отсутствие имени халифа Насира на монетах Самарканда и Бухары на рубеже 50—60-х годов XIII в. объясняет тем, что Алгу, по-видимому, симпатизировал Хулагу, уничтожившему халифат.

Все сказанное можно резюмировать следующим образом.

1. Содержание надписей на среднеазиатских чагатаидских монетах после Чингисхана и до реформы Кебека больше всего определяла традиция, изредка какие-нибудь частные, конкретные причины, обусловленные самим монетным делом. Вот почему на золотых и серебряных монетах и на медных посеребренных дирхемах как дань традиции преобладают надписи «мусульманского» содержания (символ веры, различные благопожелания, благочестивые восклицания и имя халифа Насира).

2. Имя халифа Насира есть на золотых, серебряных, медных посеребренных и просто медных среднеазиатских монетах, но его появление или исчезновение никак не связано с 1258 г.— годом гибели последнего халифа — и отнюдь не является показателем и демонстрацией отношения разных монгольских государей к Хулагу-хану и факту уничтожения им халифата. Имя халифа Насира на среднеазиатских монетах — такая же дань традиции, как все прочие «мусульманские» надписи.

3. В Золотой Орде мусульманин Берке-хан мог включить имя этого популярного халифа в монетные надписи вполне сознательно, поскольку он проводил политику исламизации; в Средней Азии имя это сохранилось в монетных надписях по традиции вопреки то враждебному, то равнодушному отношению к исламу со стороны ее монгольских владетелей.

Заключение

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ ЧАСТИЧНОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ XIII в.

Письменные источники ярко, но далеко не всесторонне освещают состояние хозяйства, экономики Средней Азии при монголах. В них больше содержится материалов для характеристики разрушений, произведенных монголами непосредственно при завоевании Средней Азии, а также пагубных для жизни отдельных городов и районов последствий их дальнейшего владычества. Поэтому и в научной литературе эта сторона жизни Средней Азии освещена более обстоятельно и подробно.

Но если такой аспект исследования истории Средней Азии является главным для оценки исторического значения монгольского завоевания и владычества (в советской историографии — оценки отрицательной), то он не является единственным для характеристики внутренней, хозяйственной жизни Средней Азии в XIII—XIV вв. Второй аспект — это исследование путей и этапов преодоления разрушительных последствий монгольского нашествия и владычества, частичного восстановления хозяйства и локальных особенностей этого процесса в XIII—XIV вв. Этот аспект историками Средней Азии специально не разрабатывался, в литературе можно встретить только отдельные замечания по некоторым вопросам, иногда к тому же опирающиеся не на конкретные факты, а на аналогии.

Между тем для характеристики и периодизации истории стран Ближнего и Среднего Востока в XIII—XIV вв. оба эти исследовательских аспекта являются одинаково важными, ибо они рассматривают не изолированные явления, а две взаимосвязанные и взаимозависимые стороны одного и того же. Глубокое изучение именно обеих сторон этого общего процесса уже позволило советским историкам Ирана и Закавказья расчленить длительный период XIII—XIV вв. на несколько этапов. Научно и всесторонне обоснованной периодизации истории Средней Азии этого времени фактически еще

нет, если, конечно, не считать того, что Кебек-хану (1318—1326) создана репутация крупного реформатора, так что время именно его правления то косвенно, то прямо рассматривается как начало нового этапа в жизни Средней Азии (об этом ниже).

Конечно, одна из главных причин разного состояния изученности Средней Азии, с одной стороны, и Ирана и Закавказья — с другой,— это состояние письменных источников. Источники по истории Ирана и Закавказья XIII—XIV вв. многочисленны и разнообразны. Для конкретно-исторического изучения Средней Азии, особенно для характеристики и периодизации частичного восстановления хозяйства на протяжении XIII—XIV вв., известные сейчас письменные источники открывают неизмеримо меньшие возможности. Но это означает лишь одно: необходимость опираться не только на письменные источники, но привлекать и любые другие, терпеливо собирая факты и наблюдения.

Одним из важных дополнительных источников по истории Средней Азии в XIII—XIV вв. являются и монеты того времени. К монетам XIII—XIV вв. как историческому источнику обращались В. В. Бартольд и А. Ю. Якубовский — крупнейшие исследователи этого периода истории Средней Азии. Но обобщающих исследовательских работ о денежном хозяйстве Средней Азии того времени тогда еще не было, да и количество простых монетных публикаций было невелико. Поэтому ни В. В. Бартольд, ни А. Ю. Якубовский не могли с необходимой полнотой использовать нумизматический источник, подмеченные же ими некоторые особенности монетного дела не всегда были правильно истолкованы.

Хотя В. В. Бартольд отмечал, что «исчезновение медных дирхемов и восстановление в Средней Азии серебряной валюты относятся ко второй половине XIII в.», куда большее значение он придавал реформе Кебека: «Кебеку принадлежит введение в чагатайском ханстве общегосударственной монеты, причем была принята та же монетная система, как в Персии и Золотой Орде», «Местная автономия была вытеснена государственной централизацией, внешним выражением которой была общегосударственная монета, чеканившаяся от имени хана, а не, как прежде, от имени местных меликов» [1].

Итак, в области денежного обращения В. В. Бартольд переломной считал денежную реформу Кебека. Еще более решительно в этом плане высказался А. Ю. Якубовский: «В начале XIV в. в Мавераннахре наблюдалась такая же путаница в денежном обращении, такие же злоупотребления чиновни-

[1] В. В. Бартольд, История Туркестана,— Сочинения, т. II/I, стр. 152—153, его же, История культурной жизни Туркестана,— там же, стр. 263. Заметим, кстати, что до Кебека от имени местных меликов монеты не чеканились, они были анонимными.

ков и спекулянтов, как и в Иране при Хулагуидах. Кебек решил прекратить анархию в денежном обращении путем введения единой монетной системы по образцу Газан-хана»[2]. И хотя оба исследователя свои наблюдения над монетным делом Средней Азии XIII—XIV вв. не использовали для характеристики и периодизации городской жизни и денежной торговли в целом, вывод напрашивался сам собой. И его сформулировал И. П. Петрушевский: «Более прочные возможности для роста городов в Средней Азии появились только после реформ Кебек-хана»[3]. В дальнейшем И. П. Петрушевский еще более расширил представление о времени Кебека как первом переломном этапе в жизни Средней Азии[4].

И даже такой знаток среднеазиатской нумизматики, как М. Е. Массон, автор наиболее обстоятельного исследования денежной реформы Кебека, именно ее счел самым последовательным и единственным централизованным мероприятием и аттестовал эту реформу, лишь слегка перефразируя В. В. Бартольда: «Смысл ее заключался в установлении общегосударственной монеты, основанной на употреблявшейся в Персии и Золотой Орде серебряной системе и чеканившейся от имени хана, что являлось внешним выражением проводившейся политики государственной централизации и постепенного вытеснения местной автономии»[5].

Положительные результаты деятельности Кебек-хана в этих характеристиках явно преувеличены. Из двух приписываемых ему реформ — административной и денежной — первая подвергнута сомнению[6]. Что касается его денежной реформы (1321 г.), то ее значение в глазах исследователей определило, с одной стороны, неверное представление о состоянии монетного дела в предшествующее время, а с другой стороны, сходство содержания реформы Кебек-хана с денежной реформой Газан-хана. Последняя действительно создала важный перелом в развитии денежного хозяйства государства Хулагуидов. Вот эта соблазнительная аналогия, наслоившаяся на неверное представление о денежном хозяйстве Средней Азии перед реформой Кебека, безусловно, и создала психологическую предпосылку для переоценки значения реформы Кебек-хана и вообще всей его деятельности.

Что же касается докебекского времени, то оно, как правило, рассматривается в литературе обобщенно и не с позиций

---

[2] «История народов Узбекистана», т. I, Ташкент, 1950, стр. 339. В последующих изданиях (1955 и 1967 гг.) — без изменений.

[3] И. П. Петрушевский, Из истории Бухары в XIII в., стр. 118.

[4] И. П. Петрушевский, Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков, М.— Л., 1960, стр. 48—52.

[5] М. Е. Массон, Исторический этюд..., стр. 78, 79, 100.

[6] О. Д. Чехович, Бухарский вакф XIII века,— «Народы Азии и Африки», 1967, № 3, стр. 76.

изучения путей и этапов частичного восстановления хозяйства. Правда, М. Е. Массон монетное дело этого времени разбил на два этапа. Первый этап — время господства крупного медного дирхема и золотого динара. Второй этап (начало 669/1270 г.) — время исчезновения медного дирхема, замены золотой валюты валютой серебряной, чекана на многих дворах серебряного дирхема весом примерно 1,9 *г*, но без единого общегосударственного образца, «без должной взаимной увязки между отдельными областями государства», так что «в денежной эмиссии продолжал оставаться большой разнобой»[7]. В этой периодизации есть рациональное зерно, но она не учитывает важных преобразований середины XIII в., значение же и характер серебряного чекана и особенности денежного обращения последних трех десятилетий XIII в. поняты и оценены неверно. Однако и в таком виде эта периодизация могла бы натолкнуть историков на мысль о каких-то сдвигах в городской жизни и денежной торговле в последние три десятилетия XIII в., если бы они обратились к нумизматической литературе. В частности, не появилась бы странная и ничем, по существу, не подкрепленная периодизация, предложенная Б. Шпулером. Согласно этой периодизации до середины XIII в. Средняя Азия якобы находилась в условиях определенной стабильности, последствия монгольского погрома начали ликвидироваться, чем страна была обязана тому обстоятельству, что управляли Средней Азией Махмуд Ялавач и Мас'уд, понимавшие нужды оседлого населения. А между 1250 и 1309 гг. междоусобия среди монголов привели Трансоксиану и Туркестан в состояние продолжительной разрухи и опустошения, породили регресс городской жизни, захирение сельского хозяйства[8]. Характеристику этапа до середины XIII в. Б. Шпулер вообще не обосновал фактами, характеристика же и оценка второй половины XIII в. построена на методически неверном перенесении фактов, касающихся отдельных районов Средней Азии, на всю Среднюю Азию. Конкретно-исторические данные нумизматики показывают всю необоснованность и абстрактность такой периодизации Б. Шпулера, рисуя совершенно иные пути, сложности и этапы частичного восстановления городской жизни и денежной торговли как части хозяйства Средней Азии.

Проработанный нами довольно значительный нумизматический материал подсказал такую периодизацию развития монетного дела и денежной торговли в XIII в. и такую характеристику каждого этапа, которые заставляют полностью пересмотреть место и значение реформы Кебек-хана и не ее

---

[7] М. Е. Массон, Исторический этюд..., стр. 76—77.

[8] B. Spuler, Geschichte Mittelasiens seit dem Auftreten der Türken,— «Geschichte Mittelasiens», Leiden — Köln, 1966 («Handbuch der Orientalistik», I, V, 5), стр. 212, 216.

считать переломной, важной и ответственной, а реформу купца-правителя Мас'уд-бека, начатую в 1271 г., т. е. ровно полстолетием раньше. Реформа же Кебека на базе уже проделанного лишь способствовала дальнейшему улучшению денежного хозяйства. А это значит, что не вторую четверть XIV, а последнюю четверть XIII в. можно считать временем, когда для частичного восстановления городской жизни и денежной торговли Средней Азии созрели прочные и достаточно благоприятные условия.

Денежное хозяйство Средней Азии перед монгольским нашествием

XI — начало XIII в. были временем так называемого «серебряного монетного кризиса». Не рассматривая здесь причины этого явления и развитие монетного дела[9], отметим лишь те специфические особенности денежного хозяйства Средней Азии XI — начала XIII в., которые важны для понимания развития монетного дела Средней Азии после монгольского завоевания.

1. В XI и особенно в XII — начале XIII в. очень изменилось положение золота в денежном хозяйстве. До этого, в X в., основную массу динаров чеканили за пределами Средней Азии, теперь же начали работать многие среднеазиатские монетные дворы (в том числе в небольших городах) и продукция их была обильной. Выросла роль динаров как средства обращения. Хотя прием их, как и в X в., оставался весовым, однако обилие в кладах фрагментов золотых монет свидетельствует о том, что в основе золотого обращения была не целая монета, а ее доли, т. е. золото захватило более широкую сферу торговли.

2. В сфере серебра функцию средства обращения выполняли монеты разного металла, веса, размера и внешнего облика. В наследство от X в. остались дирхемы «бухархудатского типа» (со схематизированными изображениями бюста государя на лицевой стороне и жертвенника со стражами на оборотной стороне, восходящими к типу монет сасанидского царя Варахрана V), но не все виды их: серебряные высокопробные и даже низкопробные (известные под названием дирхемов *мусайаби* и *мухаммади*) исчезли рано, в начале XI в., медные же (известные под названием *гитрифи*) обращались еще в XII в. Общегосударственные караханидские и газневидские серебряные дирхемы начали портить добавкой лигатуры. Такая порча серебряных монет в разных частях

[9] См. об этом: Е. А. Давидович, Из области денежного обращения в Средней Азии XI—XII вв.,— НЭ, т. II, 1960, стр. 92—117.

Средней Азии происходила разными путями и разными темпами. В данной связи важно отметить, что в государстве Караханидов в XII в. уже начался выпуск медных дирхемов, лишь сверху покрытых тонким слоем серебра. Такие же медные посеребренные дирхемы выпускал и хорезмшах Мухаммад после завоевания территории Караханидского государства. Хотя эпизодически здесь появлялись и настоящие серебряные монеты, они не меняли дела и, конечно, быстро исчезали из обращения, так как по законам экономики плохая монета вытесняет хорошую. Иначе говоря, ко времени монгольского нашествия основу денежной торговли в сфере действия серебра составляли именно медные посеребренные дирхемы, т. е. знаки стоимости с принудительным курсом.

3. Мелкую торговлю обслуживали перед монгольским завоеванием медные фельсы — еще одно свидетельство того, что принудительный курс медных посеребренных дирхемов в тех областях и на тех отрезках времени, где и когда эти фельсы чеканились, удавалось поддерживать на должной высоте, так что они действительно обслуживали сферу именно серебряного обращения.

XI — начало XIII в. были временем интенсивного роста и развития городов, товарного производства и денежной торговли. Даже самые глухие уголки Средней Азии были захвачены межобластным обменом. Соответственно увеличившейся сумме товаров возросла и потребность в средствах обращения. Эта увеличившаяся потребность покрывалась ко времени монгольского завоевания частично золотом, частично медными фельсами, в основном же медными посеребренными дирхемами.

Основное условие нормального обращения медных посеребренных дирхемов — нормальное их количество, определяемое опытом и соответствующее сумме товарных цен при определенной быстроте оборота. Излишки знаков стоимости, поглощаемые рынком, приводят к падению их покупательной способности и другим кризисным явлениям. Нумизматические наблюдения показали, что средневековые экономисты XII—XIII вв. эмпирически постигли эту закономерность и пытались сообразоваться с ней при организации чекана и обращения медных посеребренных дирхемов. Факты показывают, что выпуск таких монет действительно ограничивали. Когда же требовалось увеличить фискальные доходы сверх обычного (а обычно они составляли разницу между принудительным курсом этих монет и их реальной стоимостью), прибегали к такой форме: заменяли одни дирхемы другими (с запретом и обменом старых), что избавляло рынок от перенасыщения знаками стоимости. Очевидно, любые формы сопротивления населения казались менее опасными, чем обесценение этих дирхемов.

Наблюдение за особенностями обращения медных посеребренных дирхемов в XII в. показало, что, пока они не были дискредитированы слишком частыми обменами, они действительно нормально выполняли функцию средства обращения в сфере серебра. Вместе с тем удалось зафиксировать, что в Фергане к концу XII в. имело место обесценение медного посеребренного дирхема и наступило полное расстройство денежного хозяйства именно в силу забвения и нарушения рассмотренных выше условий нормального обращения этих монет. Несколько достаточно беспомощных попыток улучшить положение с помощью полумер не дали результата. Сыграла свою роль и напряженность политического положения [10].

Итак, денежное обращение перед монгольским завоеванием отличалось не только большой сложностью и уязвимостью (поскольку основным средством в основной сфере обращения были знаки стоимости с принудительным курсом), но в Фергане, одной из крупнейших областей Средней Азии, переживало кризисное состояние.

Априорно можно предположить, что монгольское завоевание, сопровождавшееся разрушением городов, опустошением целых районов, уничтожением, угоном и грабежом населения, кардинальным образом повлияло и на внутреннюю денежную торговлю, особенно в сфере обращения медных посеребренных дирхемов. Сокращение населения, угон ремесленников, разорение и обнищание значительной части оставшихся в живых сами по себе должны были привести к резкому сокращению объема ремесленного производства и торговли, к заметному уменьшению покупательной способности населения. А о состоянии денежного хозяйства свидетельствуют сами монеты.

Денежное хозяйство во второй четверти XIII в.

Первый этап по нашей периодизации — это четверть столетия от завоевания Средней Азии монголами и примерно до середины XIII в. Более или менее регулярный выпуск монет на этом этапе осуществляли только два среднеазиатских города — Самарканд и Бухара.

Однако это были средства обращения узколокального назначения: дирхемы Самарканда были предназначены только для города Самарканда и его округи, а дирхемы Бухары — соответственно для Бухарской области. Это следует и из то-

---

[10] Подробнее см.: Е. А. Давидович, Канибадамский клад караханидских монет (К характеристике обращения медных посеребренных дирхемов в конце XII — начале XIII в.),— СА, 1961, № 1, стр. 186—200.

нографии монетных находок, и из содержания надписей на самаркандских монетах.

Что же было в других областях Средней Азии? На юге Мавераннахра, в приамударьинских областях свой монетный чекан был еще при хорезмшахе Мухаммаде, т. е. перед самым монгольским нашествием. Известны, например, его золотые динары и медные посеребренные дирхемы Термеза, медные посеребренные дирхемы Чаганиана [11], золотые динары Вахша [12].

И до хорезмшаха Мухаммада в этих городах и областях работали монетные дворы. Монет же, чеканенных в названных пунктах на первом этапе после монгольского завоевания, нет. Конечно, нельзя исключать фактор случайности, может быть, они еще будут обнаружены. Однако нужно учесть и следующее: дошли же в достаточно большом количестве монеты, например, Термеза как предмонгольского времени, так и монгольского, но более позднего (третьего этапа). Следовательно, отсутствие термезских монет первого этапа с учетом всех случайностей все же дает право утверждать, что монетный двор этого города или вовсе не работал, или работал эпизодически — не так, как монетные дворы Самарканда и Бухары. Первое предположение больше согласуется с известием письменных источников о том, что монголы полностью разрушили город и перебили всех жителей [13]. Разрушение главного города и основного центра ремесла и торговли не могло не отразиться на состоянии всей области Термеза, всей внутриобластной денежной торговли.

Еще показательнее в этом плане положение Ферганы и Шаша. Узгенд, главный город крупнейшего, второго по значению удела в государстве Караханидов, выпускал в конце XII — начале XIII в. медные посеребренные дирхемы регулярно и в большом количестве. Они полностью обслуживали рынки всей Ферганы и большой территории за ее пределами. Эпизодически чеканил монету Маргинан. Область Шаш обслуживали узгендские монеты, но эпизодически там, в Бенакете, осуществлялся и свой выпуск. При хорезмшахе Мухаммаде узгендский монетный двор некоторое время тоже работал, известны монеты этого государя 610/1213-14 г. Более поздних монет Узгенда пока нет [14]. Очень вероятно, что в этой

---

[11] Е. А. Давидович, Термезский клад медных посеребренных дирхемов 617/1220 г.,— ЭВ, VIII, 1953, стр. 43—55; ее же, Новый среднеазиатский монетный двор Мухаммада хорезмшаха (1200—1220),— СА, 1968, № 1, стр. 277—284.

[12] Монета не опубликована, хранится в ИИТ, КП-185/2.

[13] В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия,— Сочинения, т. I, М., 1963, стр. 495.

[14] Е. А. Давидович, Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии среднеазиатских Караханидов,—«Нумизматический сборник», ч. 2, М., 1957 («Труды ГИМ», вып. XXVI), стр. 93—106.

части Средней Азии в связи с политическими событиями чекан монет прекратился еще до монгольского завоевания. Не менее важно, что с конца XII в. в Фергане имел место кризис денежного обращения, он принял здесь затяжную и тяжелую форму, попытки ликвидировать его результатов не дали. Новый удар, нанесенный экономике Ферганы и северо-восточных областей Средней Азии монгольским завоеванием, естественно, должен был углубить этот кризис. Поэтому отсутствие монет первого этапа шашско-ферганского происхождения не удивляет, монгольское завоевание могло лишь углубить кризис там, где он разразился еще раньше. Правда, можно было бы ожидать, что Махмуд Ялавач, купец-правитель Средней Азии, выбравший своей резиденцией г. Ходженд (совр. Ленинабад, ТаджССР), примет меры для восстановления денежной торговли в Фергане, организовав чекан медных посеребренных дирхемов в Ходженде или другом городе Ферганы. Но такие монеты неизвестны. Может быть, кризис медного посеребренного дирхема здесь зашел так далеко, что Махмуд Ялавач не делал попытки вернуться к его выпуску, или же такая попытка на первом этапе не оказалась удачной.

Итак, перед монгольским завоеванием основным средством обращения на территории Средней Азии были медные посеребренные дирхемы. Их выпускали регулярно или эпизодически многие монетные дворы (Бенакет, Бухара, Маргинан, Самарканд, Термез, Узгенд, Чаганиан и др.) таким образом, что все области Средней Азии были обеспечены этими средствами обращения. Иная картина после монгольского завоевания. Как уже отмечалось, сейчас достоверно известен для первого этапа регулярный чекан только двух монетных дворов Мавераннахра — Самарканда и Бухары. Но медные посеребренные дирхемы этих монетных дворов предназначены были только для своих областей. Аналогичные монеты всех других городов и областей Средней Азии для первого этапа неизвестны. Следовательно, на первом этапе их или вовсе не чеканили, или выпуск их был столь эпизодическим и малочисленным, что своих задач обеспечения областей нужным количеством средств обращения все равно не выполнял. В любом случае это значит, что во всех областях и городах рассматриваемой части Средней Азии, кроме Самарканда и Бухары, медные посеребренные дирхемы уже не были основным средством обращения.

Если при этом учесть, что чекан золота и серебра на первом этапе в Средней Азии был абсолютно эпизодическим и малочисленным; золото все равно (особенно в условиях полной хозяйственной разрухи) не могло стать основным средством обращения; для перехода на регулярный выпуск серебряных монет не было никаких объективных предпосылок и возможностей (это удалось осуществить только на

третьем этапе),— то придется признать, что большинство областей Средней Азии на первом этапе после монгольского завоевания переживало «безмонетное состояние»; внутренний обмен, очевидно, опустился до уровня натурального, и объем его соответственно резко сократился. Следовательно, монгольское нашествие, принеся голод и разруху населению Средней Азии, нанесло сильнейший удар и по этой стороне экономической жизни: четверть столетия во многих областях Средней Азии денежная торговля практически не существовала.

Однако положение денежной торговли и в Самарканде было ненамного лучше. Как известно, после завоевания Самарканда монголами жители были выведены из города, город предан разграблению (за исключением имущества крупного духовенства и находившихся под его покровительством лиц), затем часть ремесленников отдана сыновьям и родичам Чингисхана, часть уведена для осадных работ, а часть за большой выкуп получила право вернуться в город. В путевых записках о путешествии Чан-чуня, жившего в Самарканде в 1222 г., сообщено, что в городе оставалась только четверть жителей. Положение было очень напряженным. Любопытен следующий рассказ. Монгольский правитель Самарканда сначала избрал в качестве резиденции городской дворец хорезмшаха Мухаммада. «Но местное население было доведено голодом до крайности, разбой стал постоянным явлением», и правитель настолько испугался, что покинул этот дворец [15]. Число голодных и нищих росло непрестанно, так что в последний свой приезд Чан-чунь раздавал остатки своего провианта. Вместе с тем Чан-чунь с большим одобрением, а подчас и восхищением отзывался о сельскохозяйственных продуктах и произведениях ремесла Самарканда.

О состоянии денежного рынка в Самарканде в первые годы после монгольского завоевания города довольно ясное представление дают письменные известия и монеты того времени. И в записях о путешествии даосского монаха Чан-чуня, вызванного Чингисханом для беседы, и в рассказе Елюй Чуцая (впоследствии правителя Китая), сопровождавшего Чингисхана в походе на Среднюю Азию, из всех ее городов

---

[15] «The Travels of an Alchemist. The Journey of the Taoist Ch'ang-ch'un from China to the Hindukush at the summons of Chingiz Khan. Recorded by his disliple Li Chin-ch'ang», transl. with an introduction by A. Waley, London, 1931, стр. 93 сл. (далее — Чан-чунь, пер. A. Waley). У Палладия («Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», ч. IV, СПб., 1866, стр. 311), переводом которого пользовался В. В. Бартольд (Сочинения, т. I, стр. 518): «...Вследствие трудного пропитания, из Хой хэ начали образовываться шайки разбойников». Е. Бретшнейдер (E. Bretschneider, Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources, vol. I, London, 1910, стр. 78—79), как уже отметил В. В. Бартольд, эту важную фразу о голоде как причине «разбоя» совсем опустил.

подробно охарактеризован именно Самарканд и только для Самарканда упомянуты удивившие их монеты. Согласно Елюй Чуцаю, «у них золотые и медные монеты, но их монеты не снабжены отверстием, не имеют они и ободков (как у китайских медных монет)»[16]. В записях о путешествии Чан-чуня упомянуты только золотые монеты без отверстия в середине с местными надписями на обеих сторонах[17].

Два свидетельства о наличии золотых монет в Самарканде совершенно достоверны. В это время в городе, безусловно, еще оставались золотые динары домонгольского происхождения (караханидские и хорезмшахские) и уже появились новые, которые некоторое время чеканили в Самарканде и после монгольского завоевания. Упоминание медных монет чрезвычайно интересно, оно свидетельствует о том, что в это время в Самарканде еще обращались медные фельсы. Пока неизвестно, был ли в эти годы чекан медных фельсов в Самарканде. Но точно известно, что в предмонгольское время самаркандский монетный двор выпускал их при последних Караханидах и при хорезмшахе Мухаммаде[18]; эти монеты могли обслуживать мелкую торговлю и после 1220 г.

Обращает внимание, что в записках о двух этих путешествиях не упоминаются медные посеребренные дирхемы, хотя на рынках Самарканда в это время могли быть не только золотые и медные домонгольские монеты, но и медные посеребренные дирхемы последних Караханидов и хорезмшаха Мухаммада. Известен и новый выпуск медных посеребренных дирхемов, причем весьма значительный, так как представлен он несколькими типами и вариантами монет. Точное время этого выпуска неизвестно, так как дату можно читать двояко: 617/1220-21 или 619/1222-23 г. Второе чтение кажется более вероятным, так как чекан медных посеребренных дирхемов в Самарканде в год разгрома города очень сомнителен.

Отсутствие упоминаний у Чан-чуня и Елюй Чуцая о медных посеребренных дирхемах может быть объяснено неполной информацией. Но не исключено, что в пору их пребывания в городе старые медные посеребренные дирхемы — чуткий «барометр» всяких перемен — потеряли доверие населения и практически исчезли с рынка, а новые еще не завоевали его. Второе объяснение вполне согласуется и с более вероятной датой чекана новых медных посеребренных дирхемов Самарканда — 619/1222-23 г.— и особенно с последующей их судьбой.

Некоторое благополучие денежного рынка Самарканда в

---

[16] E. Bretschneider, Mediaeval Researches..., стр. 21.

[17] Чан-чунь, пер. A. Waley, стр. 107; пер. Палладия, стр. 326. В переводе Е. Бретшнейдера (стр. 89—90) это место опущено.

[18] См. выше, стр. 48, прим. 15.

самые первые годы после его завоевания монголами скорее следует рассматривать как благополучие по инерции, ибо в последующие годы состояние денежной торговли не улучшилось и даже не стабилизовалось, как можно было бы ожидать, а начало быстро ухудшаться. Монетный чекан ближайших лет показывает явное нарастание кризисных явлений в обращении медных посеребренных дирхемов. Особенно ярко это видно по изменению их типа и надписей. Как упоминалось выше, ранние монеты содержат «нейтральные» надписи (символ веры, имя халифа Насира и т. д.). Монеты, чеканенные через несколько лет (622/1225 и 624/1226-27 гг.), совсем другие: в их надписях подчеркнуто, что они предназначены для Самарканда с его округой, что они «ходячие» здесь, т. е. заслуживающие доверия. Надписи как бы уговаривают верить этим монетам, брать их безбоязненно. А еще через несколько лет, в 630/1232-33 г., на монетах появляются «угрожающие» надписи: «Кто в Самарканде и округе этого города не будет брать [эту монету], тот преступник».

И «уговорные» и «угрожающие» надписи на монетах — беспрецедентный случай в монетном деле средневековой Средней Азии! Ни одно столетие до XIII в. и ни одно столетие после XIII в. не оставило подобных надписей. А ведь и до и после XIII в. много раз были кризисы денежного обращения, подчас очень сильные и продолжительные! Не случайно и другое: «уговорные» и «угрожающие» надписи сделаны не на арабском, а на языке фарси — задача заключалась в том, чтобы они были понятны всем, любому горожанину и крестьянину.

Содержание надписей на монетах 1225—1233 гг. говорит и о нарастании кризиса, и о форме его; медный посеребренный дирхем не только и не просто был обесценен, положение было еще хуже — его вообще не хотели принимать!

К этому следует добавить еще одно соображение. Смена типов монет внутри одного номинала обычно преследовала фискальные цели и предполагала запрет и изъятие или изменение курса монет. Смена типов внутри одного номинала имела место и в рассматриваемом самаркандском чекане медных посеребренных дирхемов. Но содержание и характер изменения надписей показывают, что правительству было не до фискальных доходов, во всяком случае, не это было основной задачей: изменяя типы монет и изымая из обращения старые, которые население отказывалось принимать, правительство лихорадочно пыталось хотя бы просто сохранить в обращении медные посеребренные дирхемы, не оставить торговлю без монет вообще, а себя — без обычных доходов от монетного чекана и торговли. Но это не удалось. Последняя отчаянная попытка заключалась в том, чтобы поддержать и сохранить денежную торговлю «инъекцией» настоящего се-

ребра. Эта попытка особенно ярко подчеркивает, что никакие уговоры, угрозы и прочие мероприятия по сохранению в обращении медного посеребренного дирхема не дали результатов. Выпуск серебра в этих условиях — признание провала. Однако в условиях такого кризиса денежного обращения выпуск серебряных монет должен был быть обильным и продолжительным, он должен был выдержать первый натиск тезавраторов и все время наполнять и наполнять рынок. И не только рынок Самарканда, ибо настоящие серебряные монеты не могли остаться средством внутриобластного обращения. Следовательно, серебром надлежало насытить всю Среднюю Азию. Нужно было вернуть доверие населения к деньгам вообще и выпускать серебряные монеты из государственного металла до тех пор, пока не начался бы обратный процесс, т. е. приток частного металла на монетный двор для передела на монету. Но для такой общесреднеазиатской реформы на первом этапе, конечно, не было объективных экономических предпосылок, да и правительство (в лице Махмуда Ялавача и местных правителей отдельных городов и областей) не имело ни возможности, ни, конечно, желания рисковать своим собственным серебром-металлом в надежде на конечный и не близкий успех этой реформы (вплоть до сомнительной возможности в конце концов перейти на свободный чекан серебра). Это и не было сделано: не случайно эта попытка ограничилась, очевидно, одним выпуском (известны самаркандские монеты только одного типа с датой 634/1236-37 г.), монеты сразу исчезли из обращения, опыт не продолжался, и Самарканд вступил в «безмонетные» десятилетия. Иначе говоря, денежная торговля Самарканда в конечном счете оказалась в том же положении, что и в ряде других областей Средней Азии.

Пока не совсем ясно состояние денежной торговли Бухары на первом этапе. Этот город сначала постигла как будто более тяжелая участь, чем Самарканд. На Бухару пошел сам Чингисхан с главными силами. Вскоре, покинутый защитниками, город сдался, сопротивлялся лишь отряд, оставшийся в цитадели. Как и в Самарканде, жителям было приказано покинуть город, который был отдан войскам на разграбление, после чего сгорел почти целиком: уцелели якобы только соборная мечеть и некоторые дворцы из жженого кирпича [19]. Следовательно, горожане понесли двойной урон. Сейчас неизвестны медные посеребренные дирхемы Бухары первых лет после ее завоевания монголами. Пожар поставил бухарцев в худшее положение, чем самаркандцев. Но город, очевидно, сравнительно быстро оправился. Еще при жизни Чингисхана

[19] В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 474, 476—478.

там были выпущены монеты с его именем. Известны медные посеребренные дирхемы, чеканенные через десять лет после тех печальных событий — в 628/1230-31 и 629/1231-32 (или 627/1229-30) гг., а затем в 637/1239-40 г.: на них «нейтральные» надписи (символ веры, имя и титулы халифа Насира).

Надписи бухарских монет в отличие от самаркандских не дают материала для суждения о состоянии денежной торговли в Бухаре на первом этапе. Для характеристики положения медного посеребренного дирхема в Бухаре в силу единичности дошедших монет неприменимы и другие методы. Следовательно, нумизматические данные для вывода о том, пережила ли Бухара, подобно Самарканду, обесценение медного посеребренного дирхема и кризис денежного обращения, по существу, отсутствуют. Однако очень трудно представить Бухару как некий «островок благоденствия» в море разрухи; очень трудно представить, чтобы в Бухаре процветала денежная торговля и благополучно функционировали знаки стоимости с принудительным курсом в то самое время, когда прочие области Средней Азии не оправились от погрома, не восстановили нормальную денежную торговлю и население было или вовсе лишено средств обращения, или же отказывалось пользоваться ими.

В 1238 г. в Бухарской области произошло одно из крупнейших за всю историю средневековой Средней Азии народных движений, возглавленное Махмудом Тараби. Восстание было настолько сильным и успешным, что Махмуд Тараби овладел Бухарой, изгнал монголов. Дома богатых были разграблены, и их имущество поделено между бедными. С большим трудом монголы разгромили восставших. Именно после этого восстания в Бухаре были выпущены медные посеребренные дирхемы 637/1239-40 г., причем нового типа, что нельзя считать простой случайностью. Видимо, все же имело место обесценение предшествующих выпусков, так что понадобилось дискредитированные монеты заменить другими, новыми. Огромный размах восстания и последовавший за ним обмен медных посеребренных дирхемов отнюдь не свидетельствуют о благополучии. Поэтому к утверждению Джувейни[20], будто правление Махмуда Ялавача и Мас'уд-бека было настолько благодетельным, что страна полностью оправилась от монгольского погрома, Бухара же, в частности, достигла величайшего процветания, следует относиться с большой осторожностью. Если в нем и заключено зерно истины, то хронологические рамки «благоденствия» в свете нумизматических данных необходимо сузить: ко времени правления Мах-

[20] Там же, стр. 545.

муда Ялавача (до 1238 г.) и даже в целом к нашему первому этапу это не относится.

Однако для понимания последующего развития монетного дела и его локальных особенностей необходимо учесть следующее. Если нет никаких оснований утверждать, что денежная торговля Бухары находилась в хорошем состоянии, можно все же допустить, что Бухара не пережила такого кризиса денежного обращения, как Самарканд, и доверие населения к медным посеребренным дирхемам не было подорвано до такой степени, чтобы это помнилось десятилетиями и возвращение к новому выпуску таких же монет было исключено или сильно затруднено. В этом убеждает и следующее: на втором этапе в Бухаре вернулись к нормальному чекану и обращению медных посеребренных дирхемов, в Самарканде же, по существу, это не удалось.

На совершенно особом положении была восточная часть Чагатаидского улуса с центром в Алмалыке. Монетный чекан Алмалыка свидетельствует о весьма благополучном состоянии денежной торговли. В основе денежного хозяйства были серебряные монеты, выпускавшиеся систематически и регулярно. Сферу мелкой торговли обслуживали медные фельсы. Объясняется это, очевидно, особым политическим положением этого города. Около Алмалыка была летняя резиденция самого Чагатая, и вообще город этот был главным в той области, которая составляла ядро его владений. Не исключено, что здесь осела часть среднеазиатских ремесленников, угнанных монголами в свои коренные владения. Хотя местная династия в Алмалыке не была уничтожена, военную власть и сбор податей для монголов осуществлял их представитель. Однако близость города к ставке главы улуса ставила его в особое положение.

Итак, монетные данные расширяют и конкретизируют ту характеристику состояния городской жизни и денежной торговли в Средней Азии после монгольского завоевания, которая могла бы быть дана на основании одних лишь письменных источников. Они заставляют четверть столетия после монгольского нашествия выделить в особый этап, который характеризуется быстрым сокращением, а затем и совершенным прекращением внутренней денежной торговли в большинстве областей Средней Азии. Они рисуют небывало яркую картину кризиса денежного обращения в Самарканде, специфические формы этого кризиса. Нумизматические данные не оставляют сомнений в том, что после первого погрома городов в процессе их завоевания наступила не стабилизация на каком-то уровне, а заметное и прогрессирующее ухудшение.

Курултай 1251 г. и реорганизация монетного дела в третьей четверти XIII в.

На курултае 1251 г., после провозглашения кааном Менгу, был рассмотрен вопрос о подушном налоге *купчур* с оседлого населения. Было принято решение твердо нормировать *купчур* и собирать его в денежной форме. По данным современника и очевидца Джувейни, размер *купчура* зависел от состоятельности налогоплательщика и выражался в динарах: ежегодно взималось с бедных по 1 динару, а с богатых в Мавераннахре — по 11, а в Хорасане — по 10 динаров. Подразумевались, безусловно, весовые динары высокопробного золота-металла. В Хорасане в это время в обращении были реальные золотые монеты, называвшиеся динарами *рукни*. В них практически и была пересчитана назначенная для Хорасана норма *купчура*. А в Средней Азии (в пределах Чагатаидского улуса) регулярного чекана золотых динаров после монгольского завоевания не было, так что для реализации этого решения Менгу-каана еще предстояло организовать монетный чекан, причем таким образом, чтобы золотые монеты не были тезаврированы, а выполняли функцию средства обращения и функцию меры стоимости. Как бы практически ни был организован сбор *купчура* (т. е. со всего ли населения непосредственно в денежной форме или смешанно с последующей реализацией), он должен был принять денежную форму, а это означало необходимость продажи на рынках части продуктов и товаров и превращения их в золотые монеты — динары. Следовательно, золотые монеты должны были стать реальным средством обращения. И купец-правитель Мас'уд-бек нашел довольно удачное решение этой проблемы.

Второй этап для Средней Азии и начинается регулярным чеканом золотых монет. Монеты эти анонимные — на них нет имен монгольских ханов, что уже само по себе свидетельствует не о политических, а о чисто экономических предпосылках организации систематического выпуска золотых монет на ряде монетных дворов Средней Азии (Бухара, Самарканд, Ходженд, Отрар). Однако это не было местное, среднеазиатское мероприятие, ибо известны такие же золотые монеты, чеканенные и за пределами собственно Средней Азии. Любопытно, что на этих золотых монетах иногда есть имя великого каана Менгу (например, чеканенных в Герате или Шафургане). Но до какой степени сами монголы не придавали этому никакого значения, видно из того факта, что даже в Орду ал-А'заме (т. е. в верховной ставке) и в Алмалыке чеканены анонимные монеты. Все это лишний раз подтверждает именно экономическое основание организации регулярного чекана золота.

Золотые монеты имели твердую указную пробу. Проба эта была низкой (583), что представляется весьма продуманным компонентом той экономической задачи, которую преследовала организация регулярного чекана золота: низкая проба золота должна была создавать условия для «сближения» денег и товара. Необходимо учитывать, что функция золотых монет как средства обращения была в средневековой Средней Азии наименее развитой и лишь на отдельных отрезках времени золото более активно вторгалось в денежную торговлю. Одним из таких отрезков и был второй этап XIII в., а снижение пробы — одним из искусственных способов активизировать золото именно как средство обращения.

Как и в предшествующие столетия, золотые монеты не имели точного указного веса, так как все равно они не предназначались для штучного обращения. Однако на рассматриваемом отрезке времени его весовой прием обладал одной особенностью: основой золотого обращения была не целая монета, а ее подчас мелкие фрагменты. Фрагменты эти, как правило, были разного веса, но делались явные попытки именно фрагментам придать определенный рациональный вес: обращение их не становилось штучным, зато облегчались весовая проверка и весовой прием.

Источники приписывают Менгу-каану целый ряд мероприятий, продиктованных якобы заботой о благосостоянии народа. Главным злом были обременительные подати. По свидетельству Джувейни, они достигли таких размеров, что всего урожая крестьян не хватало на покрытие половины взимаемого. Известно, каким бедствием были ярлыки и пайцзы, выдаваемые царевичами, бесконтрольное пользование лошадьми и провиантом населения не только монгольскими гонцами, но и частными лицами и т. д.[21].

Менгу-каан, согласно Джувейни[22], издал следующие постановления: 1) вернуть все ярлыки и пайцзы, выданные со времен Чингисхана; 2) царевичам никаких приказов, касающихся финансового ведомства, самостоятельно не писать; 3) наиболее важным гонцам пользоваться только четырнадцатью казенными подставами, не брать у населения провианта сверх назначенного, ехать от яма до яма, не заезжая в деревни и города без специальных дел; 4) купцам не выдавать пайцзы и запретить пользование казенными подставами; 5) некоторые категории мусульманского и христианского духовенства и идолопоклонников, а также людей, не способных

[21] Джувейни, изд. Казвини, ч. III, стр. 76—77, 87—88; Джувейни, пер. Бойля, стр. 598—599, 606.

[22] Джувейни, изд. Казвини, ч. II, стр. 254; ч. III, стр. 76—80, 87—88; Джувейни, пер. Бойля, стр. 517, 598—600, 606; Рашид ад-Дин повторяет Джувейни, только насчет подушного налога с оседлого населения у него менее ясно (Рашид-ад-Дин, Сборник летописей, т. II, стр. 141—142).

самостоятельно зарабатывать на жизнь, от налогов освободить; 6) со всех остальных брать пропорционально их материальному положению; 7) подушный налог с оседлого населения (*купчур*), дабы исключить всякие злоупотребления, собирать строго в соответствии с назначенной ежегодной нормой в динарах, а расходовать *купчур* на войско, содержание ямов и гонцов.

Обращает внимание отсутствие в перечне мероприятий, декретированных Менгу-кааном, каких-либо установлений о размерах и форме сбора основной части земельной ренты — *хараджа*. Правда, в литературе была высказана мысль, что налог под названием *купчур* был введен монголами именно вместо *хараджа*. И. П. Петрушевский, детально исследовав этот вопрос, показал, что для отождествления *хараджа* с *купчуром* нет оснований, что в большинстве свидетельств *купчур* выступает как подушная подать, взимаемая с оседлого населения наряду с *хараджем*[23]. Что касается середины XIII в., это вообще не вызывает никаких сомнений, так как у Джувейни прямо сказано, что *купчур* был введен вместо налогов *ихраджат* и *илтимасат* и предназначался для конкретных расходов (содержание войска, ямов, гонцов). Это позволяет предполагать, что *харадж* с оседлого населения взимался к середине XIII в. в традиционной форме и размерах и поэтому не стал ни предметом обсуждения на курултае 1251 г., ни объектом урегулирования и опеки. Ибо все декреты Менгу-каана направлены были именно на нормирование тех обложений и повинностей, которые стали совсем бесконтрольными.

Итак, установления Менгу-каана — это целая группа взаимосвязанных мероприятий, основная цель которых — урегулирование и нормализация налогообложения. Мероприятия эти в той форме, в которой они были декретированы, нельзя не признать положительными: не снимая и не облегчая основного бремени эксплуатации, они вместе с тем могли избавить оседлое население от дополнительного и поэтому особенно ощутимого гнета ненормированных и произвольных поборов, возведенных в правило и закон.

Дали ли установления Менгу-каана практический результат? Изучение письменных источников по истории Ирана и Закавказья привело ведущих исследователей к отрицательному выводу. Значение же установлений Менгу-каана для Средней Азии конкретно-исторически и во всем объеме еще никем не изучалось, это отнюдь не входит и в наши задачи. Но та

---

[23] И. П. Петрушевский, Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков, стр. 360—369; I. P. Petrushevsky, The socio-economic condition of Iran under the Il-Khans,— в кн. «The Cambridge History of Iran», vol. 5, Cambridge, 1968, стр. 530—531.

часть этого вопроса, которая может быть рассмотрена при помощи нумизматики, весьма убедительно показывает, что и в целом этот вопрос заслуживает самого пристального внимания, просто отмахнуться от него или ответить на него однозначно, без конкретного исследования нельзя[24]. Безусловно, вся программа Менгу-каана, в полном объеме и с необходимой последовательностью, в Средней Азии осуществления не получила, но, по данным нумизматики, некоторую положительную роль на определенном отрезке времени она все же сыграла.

Как уже отмечалось, решения Менгу-каана потребовали организации в Средней Азии регулярного чекана золотых монет. Чекан был организован таким образом, что золотые монеты и их фрагменты стали реальным средством обращения; уже одно это было положительным сдвигом, так как до этого, на первом этапе, Средняя Азия не имела монет для общегосударственной внутренней торговли.

Уже отмечалось, что систематичность чекана и специфика обращения золотых динаров на втором этапе сыграли свою роль в оживлении торговли, а следовательно, и городской жизни в целом. Золото в основном обслуживало сферу крупной торговли. Но никогда ни раньше, ни в последующее время золото не вторгалось в обращение столь активно, и никогда сфера его обращения не была столь широкой, как в рассматриваемое время. По существу, золото благодаря низкопробности и хождению фрагментов вторглось в сферу обращения серебра.

Важно и другое: на втором этапе, безусловно, оживилась и более мелкая денежная торговля, хотя и не во всех областях в равной степени. Наиболее показателен в этом плане расцвет Отрара. На протяжении всего второго этапа здесь ежегодно выпускаются медные посеребренные дирхемы. Их тип не менялся, значит, правительство не прибегало к дополнительным фискальным махинациям с этими знаками стоимости. Их обильный выпуск объясняется тем, что они обслуживали не только внутреннюю торговлю самого Отрара с районом. Топография кладов и отдельных находок отрарских монет показывает, что они обслуживали район Ташкента, районы современного Южного Казахстана к северу от Ташкента и Фергану. Фергана на этом этапе получила и свои

[24] Примером однозначного ответа без конкретного исследования является, в частности, утверждение H. F. Schurmann'a («Mongolian tributary practices of the thirteenth century»,— «Harvard Journal of Asiatic Studies», vol. 19, № 3—4, 1956, стр. 369) об огромном положительном значении для Средней Азии «великих налоговых реформ», как он называет установления Менгу-каана. Здесь без фактического обоснования поставлен знак равенства между замыслом и его практическим осуществлением, «возможное» квалифицируется как «действительное».

монеты: их стал выпускать Ходженд. Таким путем целая группа областей и районов, на первом этапе не имевших никаких монет и перешедших на натуральный обмен, получила и золотые общегосударственные динары, и более узкого назначения медные посеребренные дирхемы. Систематический чекан тех и других убеждает в успехе этого мероприятия и в относительно большом оживлении здесь денежной торговли.

Состояние денежной торговли в Алмалыке было по-прежнему или даже еще более благополучным: Алмалык чеканил золотые динары, настоящие серебряные дирхемы и медные фельсы.

Две части Чагатаидского улуса, денежная торговля и монетное дело которых на первом этапе были в столь разном состоянии и так различно организованы, теперь получили общие средства обращения в виде одинаковых низкопробных золотых монет.

Итак, в части покровительства городу и развития денежной торговли мероприятия Мас'уд-бека, опирающиеся на декреты Менгу-каана, можно считать довольно успешными. Но самое важное, что необходимо особо подчеркнуть: менее чем через два десятилетия Мас'уд-бек проведет такую денежную реформу, кардинальный характер и полный успех которой не были бы возможны на «пустом месте», их могли подготовить только определенный подъем городской жизни хотя бы в некоторых районах Средней Азии и психологическая уверенность в стабильности общего положения, какие-то гарантии безопасности. Эти необходимые для денежной реформы Мас'уд-бека объективные предпосылки «вызревали» (пусть неодинаково по всей Средней Азии) именно на втором этапе, т. е. в третьей четверти XIII в. И эти предпосылки подметил купец-правитель Мас'уд-бек — подметил и в 1271 г. реализовал.

Что же касается фиксации налогов (введение нормированной подушной подати) и ограждения населения от произвольных поборов (отмена пайцз и ярлыков, регламентация почтовых расходов и пр.), то эти мероприятия были декретированы, что само по себе было явлением положительным. Если даже это из-за злоупотреблений и не принесло податному населению Средней Азии ожидаемого облегчения во всем объеме[25], то все же положение должно было быть лучше, чем на первом этапе. Ведь даже и на первом этапе в этом плане положение оседлого населения Средней Азии по сравнению с Ираном и другими областями, возможно, в какой-то степени было более стабильным. Историки не обратили внимания на очень интересное в этом аспекте свидетельство Джу-

[25] Невероятные злоупотребления и превышения налоговых норм имели место в Иране, несмотря на эти установления Менгу-каана.

вейни. Когда обсуждалось положение населения, все единодушно доложили Менгу-каану, что основным бедствием была многочисленность и ненормированность налогов и что *следовало бы зафиксировать эти налоги таким же путем, как это было сделано Махмудом Ялавачем в Мавераннахре*[26]. Здесь наместники и правители сами отмечают разницу в положении дел Мавераннахра и других областей монгольской империи к середине XIII в., подчеркивая, что Махмуд Ялавач (а он был в Мавераннахре до 1238 г.) нормировал налоги. В условиях разрухи того времени это непосредственно к подъему не могло привести и не привело; городская жизнь и денежная торговля, как мы видели, ухудшились. Но, вероятно, хоть в какой-то степени это задерживало и замедляло процесс дальнейшего разорения населения Мавераннахра. Главное же, это создавало предпосылки для более последовательного проведения установлений Менгу-каана. Поэтому, учитывая явное оживление городской жизни и денежной торговли в некоторых районах на втором этапе, можно заключить, что какой-то относительно положительный результат именно в Средней Азии перечисленные установления Менгу-каана тоже имели, не говоря уже о том, что они открывали определенные перспективы для нормализации жизни в дальнейшем. Забегая вперед, следует сказать, что последующее развитие действительно шло в том же направлении, укрепляя и расширяя то, пусть еще немногое, что удалось сделать на базе декретов Менгу-каана. Естественно, и это дальнейшее развитие не было однолинейным подъемом всей Средней Азии. Отдельные районы и города на разных отрезках времени в силу военных действий или передвижения кочевников бывали отброшены назад. Но сквозь эти частные поражения и вопреки им, подобно равнодействующей многих движений, пробивалась тенденция укрепления и нормализации экономической жизни, активно поддерживаемая и проводимая центральной монгольской властью, опиравшейся на местное правительство в лице Мас'уд-бека и те слои местного феодального общества, которые в этом были заинтересованы.

Денежная реформа Мас'уд-бека и ее значение для жизни городов и торговли

Третий этап начинается денежной реформой купца-правителя Мас'уд-бека, реформой очень последовательной, охватившей все стороны денежного обращения. Основу реформы составила организация чекана высокопробных сере-

[26] Джувейни, изд. Казвини, ч. II, стр. 254; Джувейни, пер. Бойля, стр. 517.

бряных монет. Сфера серебряного обращения в денежной торговле средневековой Средней Азии, как правило, была основной. Она отвечала уровню цен и объему торговли того времени. Возвращение к чекану настоящих серебряных монет после более чем двух с половиной столетий «серебряного монетного кризиса» было важнейшей, серьезнейшей победой и единственно правильным и последовательным способом ликвидации последствий всех кризисов, пережитых знаками стоимости с принудительным курсом. До какой степени эта реформа была правильной, своевременной и отвечавшей объективным потребностям рынка, свидетельствует ее большой успех.

Содержание реформы сводилось к следующему. Если до этого (первый и второй этапы) серебряные монеты были основным средством обращения в меньшей части Чагатаидского улуса, причем за пределами собственно Средней Азии (регулярный чекан Алмалыка), то реформа унифицировала монетное обращение во всем государстве на базе свободного чекана серебряных монет. Одно из практических условий для максимального привлечения металла частных лиц — открытие монетных дворов в разных частях государства, что и было сделано: сейчас известно уже 15 монетных дворов, работавших в последней четверти XIII в.

Датой декретирования реформы следует считать 670/1271-72 г.[27], когда серебряные монеты впервые, кроме Алмалыка, выпустил другой город: по имеющимся сейчас данным, это был Отрар. Для следующего, 671/1272-73 г. известен чекан еще трех городов. Время вступления в строй других монетных дворов было обусловлено местными экономическими и политическими причинами, что особенно хорошо видно по чекану Бухары и Самарканда (см. ниже). Мас'уд-бек принимал самые энергичные меры для восстановления городской жизни и организации свободного чекана серебряных монет в возможно большем числе городов и областей.

Мы не знаем, каково было в стране состояние серебряных запасов. Но в любом случае для привлечения на монетные

---

[27] Сводные данные о конце «серебряного монетного кризиса» и начале систематического чекана серебряных монет в разных странах Востока приведены А. М. Уотсоном, который на основании этих материалов пришел к выводу, что «возвращение к серебру в мусульманском мире началось к концу XII в., а столетием позже серебро одержало полный триумф». Что касается Средней Азии, то здесь А. М. Уотсон, не располагая точными данными, рубежом конца «серебряного кризиса» считал чекан Бухары 1281-82 г., Самарканда — 1283-84 г. и Ташкента — 1284-85 г. Не мог он также знать, что «серебряный кризис» в Средней Азии окончился не «стихийно», а в результате очень продуманной, подготовленной и умно проведенной денежной реформы (см.: A. M. Watson, Back to Gold and Silver,— Reprinted from «The Economic History Review», Second Series, vol. XX, № 1, 1967, стр. 5—7).

дворы частного металла нужно было преодолеть психологический «барьер недоверия». Во-первых, более двух с половиной столетий вообще не было регулярного чекана серебра, эпизодические же его выпуски (сразу исчезавшие из обращения и обычно лишь способствовавшие развитию кризисных явлений в денежном обращении) должны были «научить» придерживать и припрятывать серебро. Во-вторых, у владельцев металла должна была появиться уверенность, что они ограждены от открытого грабежа и произвола со стороны монголов и чиновничества. 70-е годы и были годами активного преодоления этого «барьера». Чекан серебра в это время еще не был обильным, работали лишь немногие монетные дворы. По имеющимся сейчас данным, в первое десятилетие проведения реформы регулярный выпуск серебра был налажен лишь в северо-восточной части государства (Отрар, Кенджде, Тараз, Ходженд). Здесь и на предшествующем втором этапе денежная торговля (базировавшаяся на золотых монетах и медных посеребренных дирхемах Отрара и Ходженда) находилась в весьма благополучном состоянии, не подвергалась никаким произвольным переменам со стороны правительства, что не могло не оказать самого положительного влияния на последующее развитие здесь денежного хозяйства.

Поэтому именно в северо-восточной части государства легче было преодолеть психологический «барьер недоверия». Но и здесь это произошло не сразу в полном объеме: чекан следующего десятилетия, т. е. 80-х годов XIII в., на этих же монетных дворах был куда более обильным, чем первого десятилетия. Однако благополучный опыт первого десятилетия реформы поднял к ней доверие повсюду: во втором десятилетии не только интенсифицируется чекан ранее работавших монетных дворов, но открываются все новые и новые. В целом наиболее обильный и регулярный чекан всех монетных дворов падает на два последних десятилетия XIII в.— время наиболее полного осуществления реформы. Такой размах свободного чекана серебра в свою очередь прямо свидетельствует о дальнейшем развитии и оживлении денежной торговли, городского ремесла и городской жизни в целом. А косвенно это убеждает в том, что существовали гарантии от грабежа и произвола, что налогообложение (во всяком случае, городского населения, ремесла и торговли) было фиксированным и избавленным от неожиданных и серьезных перемен. В противном случае никто не понес бы серебро на монетный двор, чтобы не показать, что оно имеется.

В литературе была высказана точка зрения, будто в чекане этого серебра был большой разнобой. Внимательный анализ нумизматического материала убеждает в обратном. Нами разработана методика определения указного веса мо-

нет по их среднему весу. Применение этой методики возможно при наличии некоторых показателей, которые оказались у пореформенных серебряных монет третьего этапа, так что их указной вес с точностью до десятых долей грамма удалось определить как 2,1 *г*. Стало ясно, что в основу этого весового стандарта положен указной вес предреформенных монет Алмалыка. Выявление графическим методом ремедиума убедило в том, что юстировка по тем временам была довольно точной. Все это означает, что и в отношении веса серебряных монет политика была централизованной: принят был уже привычный для части государства весовой стандарт, этот стандарт был установлен для всех монетных дворов, ремедиум также определен сверху, обращение монет на основе единого твердого веса при малом ремедиуме было штучным и равным по всему государству. То же самое можно сказать о пробе монет. Указная проба была высокой (800 или близкой к этой) и единой для всего государства. Только их внешний облик на первый взгляд кажется лишенным всякого единообразия. Однако типологическая классификация достаточно большого материала открыла следующие закономерности. На монетах разных городов, а часто и одного города различны второстепенные и мелкие детали. Основные же признаки облика — тамги, форма картушей и крупные надписи поля монетных кружков — обладают определенными признаками единства. Ясно, что по линии типов монет был допущен «либерализм», центральная власть не добивалась полной унификации. Но основные черты облика, повторяющиеся на монетах разных городов, явно были предписаны сверху, что находится в полном соответствии с единством веса и пробы монет. Любопытное исключение — чекан Тараза и Кенджде, монеты которых действительно разнообразны в типовом отношении. Однако в образовании этого типового многообразия, как оказалось, была определенная закономерность, когда введение новых штампов сочеталось с одновременным использованием старых. Разные сочетания старых и новых штампов преследовали скорее всего контрольные функции в условиях необычайно интенсивной работы именно этих двух монетных дворов.

Итак, в целом реформа Мас'уда обеспечила государство серебряной монетой и дала необходимые гарантии (вес, проба, наиболее существенные признаки внешнего облика) для их штучного общегосударственного обращения вне зависимости от места выпуска. Эти централизованные установления и контроль за их выполнением были одним из непременных условий привлечения частного металла. Интенсификация чекана во втором и третьем десятилетиях после начала реформы и состав кладов убеждают в том, что цели эти действительно были достигнуты.

Реформа определила средства обращения и в сфере мелкого товарооборота. Для этого этапа характерен регулярный чекан и медных фельсов. Можно было ожидать, что в чекане этих местных в основном средств обращения будет большой разнобой. Но централизованная монетная политика была распространена и на этот участок монетного чекана и обращения. Основная масса медных монет, достоверно относящихся к пореформенному чекану, своим весом, размером и типами тяготеет к серебряному чекану, а то и просто повторяет его. Особенно заметно это по продукции монетных дворов северо-восточной части государства.

Реформа предусмотрела еще одно мероприятие: прекращение выпуска медных посеребренных дирхемов и изъятие из обращения старых, накопившихся на втором этапе.

В целом денежная реформа Мас'уда выглядит весьма последовательной и положительной, особенно на фоне заведомо обреченных на провал половинчатых мероприятий при последних ферганских Караханидах, при Чагатаидах (на первом этапе) и даже на фоне уже весьма основательной реорганизации монетного дела в середине XIII в. Она ясно свидетельствует о новой победе той тенденции, которая была направлена на восстановление и развитие оседлого хозяйства, оживление городской жизни и торговли.

Не случайно декретированию денежной реформы Мас'уда предшествовал курултай 1269 г., впервые состоявшийся на территории Средней Азии, на берегах р. Талас. На курултае под главенством Хайду царевичи обязались ограничиться фиксированными доходами с оседлого населения и ремесленников, не трогать пашни, жить в горах и степях[28]. Такие обещания, безусловно, не вызвали бы особого доверия, если бы не положительные результаты развития на предшествующем этапе. Но на фоне последних курултай 1269 г. стал дополнительной гарантией и реальной предпосылкой для проведения труднейшей и важнейшей реформы за всю историю средневековой Средней Азии, успех которой в свою очередь свидетельствует, что эта гарантия оказалась реальной, особенно до начала XIV в.

Письменные источники называют случаи ограбления монгольскими царевичами городского и сельского населения и после курултая 1269 г., и после декретирования денежной реформы в 1271 г. Это, конечно, замедляло темпы практического осуществления реформы в отдельных областях и районах, затрудняло преодоление того «барьера недоверия», о котором говорилось выше. Особенно показательна в этом плане судьба Бухары и Самарканда. Денежная торговля Бухары оказалась более устойчивой, чем, например, Самарканда и на

[28] В. В. Бартольд, Очерк истории Семиречья, стр. 69.

первом и на втором этапах, хотя на втором этапе, в 1263 г., часть населения города была вырезана, часть угнана в неволю. Но и после этого даже медные посеребренные дирхемы выпускались нормальным образом, хотя именно они всегда были наиболее чувствительным «барометром» ко всякого рода событиям даже меньшего масштаба. Но на третьем этапе, в 1273 и 1276 гг., хулагуидские и чагатаидские монголы порознь и вместе произвели в Бухаре и области такой грабеж и резню населения, что Бухарский оазис в течение семи лет оставался якобы безлюдным. Но даже и в этом случае верх взяла тенденция возрождения, ибо Мас'уд принял энергичные меры по заселению и восстановлению Бухары, частью которых была и организация в Бухаре чекана серебряных монет (ранняя из известных относится к 681/1282-83 г.). Успех в области монетного чекана показывает, что в целом мероприятия Мас'уда в отношении Бухары были весьма результативными [29].

Этот вывод удачно перекликается с данными вакуфной грамоты 1299 г., значение которой совершенно правильно оценила О. Д. Чехович: «В грамоте документально зафиксированы такие факты и подробности, каких тщетно было бы искать в имеющихся нарративных источниках. Документ впервые сообщает нам факты, относящиеся к развитию ремесленного производства, сельского хозяйства, ирригации, землевладения и землепользования в Бухарском районе в эпоху, относительно которой до сих пор нам были известны главным образом только трагедия нашествия Чингиз-хана, повторные ограбления и разрушения городов монгольскими феодалами, неоднократные поголовные избиения всего городского населения и тяжкое монгольское иго». Из грамоты, в частности, следует, что вакфодатель купил целую деревню с хорошо орошенными землями и произвел значительное строительство (жилые дома для себя и работников, хозяйственные помещения, мечети, ткацкие мастерские, мельницу) [30]. Свидетельства монет и этой вакуфной грамоты показывают, что в течение последних двух десятилетий XIII в. в Бухарской области действительно уже существовали необходимые объективные условия для частичного восстановления хозяйства.

---

[29] Много позже, в 1316 г., область Бухары снова была разорена хулагуидскими и чагатаидскими монголами, в результате чего ее хозяйство опять было отброшено назад. Ибн Баттута в 30-х годах XIV в. говорит о малонаселенной и разоренной Бухаре. В вакф-наме 1326 г. все время упоминаются разрушенные дома и замки, погибшие сады и виноградники в окрестностях Бухары (см.: И. П. Петрушевский, Из истории Бухары в XIII в., стр. 103; О. Д. Чехович, Бухарские документы XIV века, Ташкент, 1965, стр. 14).

[30] О. Д. Чехович, Бухарский вакф XIII века,— «Народы Азии и Африки», стр. 74—79.

Самарканд тоже грабили, хотя и не так «основательно», как Бухару. Зато Самарканд пережил такой тяжелый кризис денежного обращения, что отзвуки его чувствовались еще и на втором этапе[31]. Но здесь тоже удалось ликвидировать все последствия этого частного кризиса и грабежей, хотя, очевидно, это было не легко, так как ранняя из известных пореформенных серебряных монет чеканена в 680/1281-82 г., т. е. через десять лет после декретирования реформы Мас'уд-бека. Но тем важнее, что это все же удалось, и удалось полностью, так как с 680/1281-82 г. чекан серебряных монет в Самарканде был практически ежегодным.

Пореформенный чекан серебряных монет является также важнейшим источником для сравнительной характеристики экономического состояния (и уровня развития денежной торговли, в частности) разных областей и районов Средней Азии. Монеты наряду с письменными источниками убеждают в том, что темпы частичного восстановления и укрепления хозяйственной жизни в разных областях не были одинаковыми.

С точки зрения местоположения монетных дворов второй и третий этапы качественно различны. На втором этапе, несмотря на очень рациональную реорганизацию монетного дела с середины XIII в., монетные дворы работали преимущественно в больших городах, наиболее развитых центрах ремесла и торговли. На третьем этапе, после реформы 670/1271-72 г., монетные дворы открываются во многих второстепенных городах. Если просмотреть состав последних, обращает внимание такая закономерность: в некоторых областях ранее более крупные города монет не чеканят, а ранее второстепенные городки оставили монетную продукцию.

Известно, что судьба второстепенных городов и городков после монгольского завоевания была различной: одни захирели или территориально переместились; другие возродились, но не достигли прежнего уровня; третьи, наоборот, развились больше прежнего. В этой части происходила большая ломка, и для ее конкретно-исторической характеристики монеты дают дополнительный материал.

Нумизматические данные позволяют заключить, что с точки зрения денежной торговли в наиболее благополучном положении были северо-восточные районы Средней Азии. На фоне общего весьма интенсивного пореформенного чекана серебра (особенно двух последних десятилетий XIII в.) работа монетных дворов Тараза и Кенджде занимает совершенно особое место. Обильный чекан Отрара примыкает к Кенд-

[31] Когда на втором этапе был возобновлен чекан медных посеребренных дирхемов, надписи на них все еще были «угрожающими» (см.: З. А. Альхамова, Клад медных посеребренных самаркандских дирхемов 663 г. х., стр. 69—74).

жде и Таразу. В связи с этим должен быть также несколько пересмотрен вопрос о судьбах Семиречья.

В литературе неоднократно отмечалось, что города Семиречья, не пострадавшие во время монгольского завоевания, впоследствии постепенно пришли в упадок, а культурные земли были обращены в пастбища. Процесс исчезновения городов завершился в XIV в. Что же касается предшествующего отрезка времени, то В. В. Бартольд писал: «К началу XIV в. еще не успела исчезнуть городская жизнь и в Семиречье; так, еще существовал Баласагун, но о каких-либо мерах для поддержания еще существовавших городов и восстановления исчезнувших ничего не говорится»[32]. Монетные данные несколько конкретизируют этот вопрос. Они показывают, что к началу XIV в. городская жизнь и денежная торговля Семиречья (скорее части его) были в лучшем состоянии, чем это представлялось, и наиболее процветающим городом был Тараз. В хорошем состоянии была денежная торговля Ферганы: в области работало несколько монетных дворов. Свой монетный двор был и в области Шаш[33].

В. В. Бартольд неоднократно высказывал мысль о том, что положение Средней Азии (и даже конкретно Мавераннахра) во второй половине XIII — начале XIV в. ухудшилось: «...исторические факты показывают, что бедствия, перенесенные жителями Мавераннахра во время смут второй половины XIII и начала XIV в., оставили гораздо более продолжительные и глубокие следы, чем опустошения, вызванные монгольским нашествием»[34], «При отсутствии в Средней Азии от смерти Чагатая (1242 г.) до воцарения Хайду (1269 г.) сильной ханской власти, соседство кочевников, в руках которых была вся военная сила, отразилось на благосостоянии культурных земель, особенно на городской жизни, гораздо сильнее, чем опустошения, произведенные во время монгольского нашествия»[35]. Но значительно категоричнее высказался Б. Шпулер, считающий период с середины XIII в. и до 1309 г. временем регресса городской и сельской жизни Средней Азии[36].

---

[32] В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 257—258, 262.

[33] Монетный двор Термеза вступил в строй, возможно, довольно поздно.

[34] В. В. Бартольд, Туркестан..., стр. 524.

[35] В. В. Бартольд, История Туркестана, стр. 150—151. Ср. также: В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 257; его же, Очерк истории Семиречья, стр. 66. В качестве примера в первую очередь фигурирует Семиречье, куда кочевников привлекали великолепные пастбища. Но, как нам кажется, особая судьба семиреченских городов (причем и сам В. В. Бартольд отмечает, что здесь более крупные города еще долго сопротивлялись напору кочевников) не дает основания для такого обобщения.

[36] B. Spuler, Geschichte..., стр. 212, 216.

Такую аттестацию второй половины XIII в. сейчас, в свете нумизматических данных, едва ли можно считать правильной. В части городской жизни и денежной торговли этап до середины XIII в. был временем ухудшения положения; этап с середины XIII в. и до 1271 г. был временем довольно рациональной и успешной реорганизации монетного дела, оживления городской жизни и денежной торговли в некоторых районах Средней Азии, подготовки и «вызревания» необходимых гарантий и предпосылок для более основательных успехов на третьем этапе. Содержание же, назначение и безусловный успех денежной реформы Мас'уда, декретированной в 670/1271-72 г., ясно свидетельствуют о том, что к этому времени прочные объективные предпосылки для развития городской жизни, внутренней денежной торговли во многих областях и районах Средней Азии действительно уже созрели. Эти объективные предпосылки были правильно поняты и энергично реализованы купцом-правителем Мас'удом. Он же принял необходимые меры для «подтягивания» некоторых городов (Бухара, Самарканд), рост и развитие которых в это время тормозили частные причины.

Таким образом, если в Иране благоприятные условия для городской жизни, по мнению исследователей, появились в конце XIII в., что связано с реформами Газан-хана, то в Средней Азии ощутимый и прочный подъем городской жизни и внутренней торговли относится не к более позднему, как считалось [37], а, наоборот, к более раннему времени и зафиксирован не реформой Кебека (1321 г.), а успехом денежной реформы Мас'уда, начатой в 1271 г.

В связи с этим должен быть рассмотрен еще один вопрос: о двух тенденциях в отношении к оседлому населению при монголах и о конкретном влиянии борьбы этих двух тенденций на жизнь оседлого населения именно Средней Азии.

И. П. Петрушевский наиболее полно и всесторонне рассмотрел социальные основания этих двух тенденций в отношении к оседлому населению. Бóльшая часть монгольской и присоединившейся к ней тюркской военно-кочевой знати была активным врагом оседлой жизни вообще, города и деревни для нее были лишь объектами грабежа, она хотела бы все земли превратить в пастбища, ее не интересовало, что бессистемная и жестокая эксплуатация делает податное население неплатежеспособным, совершенно разоряет страну. Представители этой тенденции быстро, естественно, стали противниками сильной центральной власти. К ним примкнула часть местной знати, чиновничества и купцов, так как беззастенчивый грабеж населения обещал быстрое обогащение.

---

[37] См. выше, стр. 122—123.

Выразителями второй тенденции была небольшая часть военно-кочевой аристократии, наиболее близкой ханскому дому, но более всего — местное чиновничество, часть духовенства и большинство купечества. Обуздание центробежных устремлений представителей первой тенденции, создание сильного централизованного государства были их основной целью. «Для этого казалось необходимым сближение ханской власти с феодальной верхушкой покоренных стран, покровительство городской жизни, купцам и торговле, восстановление разрушенных монгольским нашествием производительных сил, в частности в сельском хозяйстве, и точная фиксация податей и повинностей ра'ийятов-крестьян и горожан — и ограждение их от таких поборов, которые разорили бы их совсем». И. П. Петрушевский считает, что «второе направление одержало верх в Хулагуидском государстве при Газан-хане, а в Чагатайском государстве несколько позднее — при Кебек-хане (1318—1326 гг.)». Но и эта победа не была окончательной, борьба двух тенденций продолжалась [38].

Представляется, что пути и этапы частичного восстановления хозяйства в государствах Чагатаидов и Хулагуидов могли быть не совсем одинаковыми и синхронными; разными могли быть и этапы практического претворения и реальных побед второй, прогрессивной тенденции. Отметим еще раз следующие факты и выводы: 1) уже Махмуд Ялавач в Мавераннахре до 1238 г. пытался регламентировать налоги. Если верить Джувейни, в других подвластных монголам областях подобные попытки даже не делались; 2) установления Менгу-каана в середине XIII в. для Средней Азии не оказались практически бесполезными, как предполагалось; здесь в отличие от Ирана произошли заметные сдвиги в хозяйственной жизни, особенно некоторых областей; возможно, абсолютные результаты были и не столь значительными, но в данной связи важно отметить направление развития и изменений; 3) реформа Мас'уд-бека, начатая в 1271 г., засвидетельствовала и зрелость объективных предпосылок для развития городской жизни и денежной торговли, и новую, самую прочную и довольно долговременную победу второй тенденции. Создается впечатление, что в Средней Азии XIII в. эта прогрессивная тенденция в целом проводилась в жизнь более последовательно и активно, чем в Иране, сквозь меньшее число и более частный характер срывов и отступлений.

Борьба, конечно, продолжалась и в XIV в., и опять были отступления, но в данной связи важно подчеркнуть, что курс на восстановление хозяйства в Средней Азии был взят сразу и к последней четверти XIII в. частичные, но уже прочные

[38] И. П. Петрушевский, Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков, стр. 48—52.

результаты были достигнуты, деятельность же Кебек-хана была лишь дополнительным, к тому же не самым новым и не самым решающим вкладом в победу второй тенденции.

Хотя хозяйство Средней Азии и в XIII и в XIV вв. далеко не достигло домонгольского уровня и степень восстановления его в разных областях Средней Азии не была одинаковой, все же не будет, видимо, преувеличением сказать, что более последовательный курс на восстановление хозяйства и более прочные и развивающиеся успехи этого курса и есть одна из конкретно-исторических особенностей экономической жизни Средней Азии XIII в., отличная от того, что в это же время было в Иране и затем государстве Хулагуидов до реформ Газан-хана.

Итак, изучение нумизматических материалов позволило уже сейчас снять первый пласт наблюдений и выводов относительно состояния и развития внутренней денежной торговли Средней Азии после монгольского завоевания, предпосылок, содержания и объективных результатов денежных реформ, причин их успеха или неудач и т. д. Это самостоятельный вклад нумизматики в историю. Но хотелось бы думать, что данные о состоянии денежного хозяйства на разных отрезках времени в пределах XIII—XIV вв. и об особенностях развития денежной торговли этого времени в разных областях Средней Азии историки смогут использовать как новый, дополнительный и — что особенно важно — местный источник, открывающий возможность более обстоятельного, детализированного изучения некоторых сторон хозяйственной жизни и поэтому полезный при всестороннем и монографическом изучении как состояния, так и истории и периодизации частичного восстановления хозяйства Средней Азии в XIII—XIV вв. после монгольского завоевания.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЛЕНИНАБАДСКИЙ КЛАД СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ

Введение

В 1954 г. в горах северной части Ленинабадской области Таджикистана был найден клад мелких серебряных монет. От клада сохранилось 437 целых экземпляров и несколько фрагментов, которые поступили на определение и научную обработку в Институт истории им. А. Дониша АН ТаджССР [1]. Результаты предварительного осмотра этого клада были опубликованы: династическая принадлежность (Чагатаиды), перечень монетных дворов и общее хронологическое определение (последняя четверть XIII — первое десятилетие XIV в.) [2]. Уже тогда было ясно, что клад этот представляет большой интерес как источник для характеристики денежного хозяйства Средней Азии на определенном отрезке времени. Значимость клада в этом плане увеличивало то обстоятельство, что чагатаидские серебряные монеты этого времени изучены намного хуже, чем предшествующие и последующие монеты этой же династии. Долгое время серебряные монеты такого рода не могли даже быть правильно определены, настолько они были редки и малоизучены. Крупнейшие нумизматы-востоковеды не только ошибались при их определении, но иногда одинаковым монетам давали совсем разные определения. Приведем два примера. Две одинаковые бухарские серебряные монеты, синхронные нашему кладу, Х. М. Френ и В. В. Вельяминов-Зернов определили следующим образом: Х. М. Френ отнес свою монету к чекану Тармаширина или Дженгши, т. е. к значительно более позднему времени, а В. В. Вельяминов-Зернов публикацию своего экземпляра сопроводил такими словами: «К какому именно хану должна быть отнесена монета — решить трудно» [3]. Много лет спустя два других известных нумизмата, В. Г. Тизенгаузен (1880 г.)

---

[1] В настоящее время 26 монет этого клада хранятся в ИИТ, КП-197/I-26, а остальные — в ЛОМ.

[2] Е. А. Давидович, Монетные находки на территории Таджикистана в 1954 г.,— «Труды АН ТаджССР», т. XXXVII, 1956, стр. 100—101.

[3] «Nova supplementa ad Recensionem numorum muhammedanorum...», ed. B. Dorn, Petropoli, 1855, стр. 121; В. В. Вельяминов-Зернов, Опи-

и E. E. Oliver (1891 г.), опубликовали одинаковые маленькие серебряные монетки Термеза: первый отнес свою к чекану Кебека, второй — Тармаширина [4]. Между тем обе чеканены в докебекское время, также синхронны нашему кладу и относятся к совершенно иному этапу денежного обращения.

Было бы несправедливо не отметить, что мелкие серебряные монетки этой группы трудны для определения. Как правило, они очень потерты, а штампы часто сдвинуты. Имена чагатаидских государей на них не проставлены, даты же не были обязательной составной частью монетных надписей, многие типы вовсе не имели дат, на других же даты в большинстве случаев стерты. Наименование монетного двора изредка также отсутствует, на многих же монетах стерто. Выпускные сведения чаще всего обозначались мелкими буквами и цифрами и размещались близко к краям монеты, края же стирались быстрее всего. Поэтому не удивительно, что единичные монеты этой группы получали неверные определения. Нужны были клады, необходимо было провести сравнительный анализ многих одинаковых или близких монет, чтобы их определение и датировка получили прочные основания.

Такая возможность открылась, когда в Археологическую комиссию начали поступать большие клады таких мелких серебряных монет. Часть их была передана в Эрмитаж и другие музеи, часть переплавлена на металл. В отчетах Археологической комиссии об этих кладах, к сожалению, появились лишь краткие справки, дающие материал разве только для составления топографии монетных находок. Но в архиве Археологической комиссии хранятся довольно полные определения состава этих кладов (списки монетных дворов и дат), свидетельствующие о том, что монеты этой группы были распознаны, их уже отличали от более поздних. Накопленный материал и опыт позволили А. К. Маркову в 1896 г. опубликовать довольно большую группу и этих монет [5]. Ценность этой публикации снижает, однако, то обстоятельство, что монеты, их тип не описаны, надписи не приведены, указаны только место и время производства. По существу, это лишь список монетных дворов и дат. Но и впоследствии долгое время не появлялось публикаций, которые содержали бы полное научное описание клада или какой-либо другой компактной группы серебряных монет этого времени.

сание нескольких монет, привезенных из Бухары,— «Записки имп. Академии наук», 1863, т. III, стр. 78—79, № 4.

[4] W. Tiesenhausen, Notice sur une collection de monnaies orientales de M. le Comte S. Stroganoff, SPb., 1880, стр. 24; E. E. Oliver, The Coins of the Chagatai Mughals,— JASB, vol. LX, pt I, № 1, 1891, стр. 11, № 5.

[5] А. К. Марков, Инвентарный каталог мусульманских монет Имп. Эрмитажа, СПб., 1896 (с Приложениями).

Первый опыт в этом направлении предпринял В. Д. Жуков, в двух статьях (1959 и 1961 гг.) описавший и классифицировавший большой клад, найденный в 1952 г. недалеко от г. Ангрена и названный им по месту находки «Дукентским»[6]. Это, безусловно, очень полезная и фундаментальная публикация. Однако принцип классификации, принятый В. Д. Жуковым, не может быть взят за основу при описании и публикации других кладов, не говоря уже о том, что принцип этот в некоторых звеньях им самим проведен очень непоследовательно. В. Д. Жуков взял за основу классификации четыре звена: город — дата — тип — вариант.

1. Специфические особенности серебряных монет последней четверти XIII — начала XIV в. исключают дату как самостоятельное звено классификации. Во-первых, есть однотипные монеты с разными датами, следовательно, дата здесь более мелкое членение, чем тип, а по классификации В. Д. Жукова не типы делятся на даты, а, наоборот, даты включают типы. Во-вторых, даты на этих монетах отнюдь не всегда являются датами выпуска самой монеты, так как в это время очень широко использовались старые штампы со старыми датами, особенно для чекана одной из сторон монетного кружка. Масса типов монет чеканена разновременными штампами — одним новым, другим старым,— и поэтому дата старого штампа не может быть более крупным звеном классификации, чем тип. В-третьих, иногда встречаются монеты, на двух сторонах которых две разные даты как следствие уже упомянутого употребления разновременных штампов. Все это показывает, что дата как самостоятельное звено классификации должна быть исключена. Монеты одного и того же монетного двора следует прямо делить на типы.

2. Какие критерии, признаки определяют тип и вариант? В этом вопросе В. Д. Жуков не предложил ничего четкого и определенного. В основе деления монет на типы и варианты у него нет единого общего критерия. Например, варианты монет у него различаются то совершенно второстепенными деталями (которые вполне объяснимы за счет разных штампов), то, наоборот, содержанием основных надписей и основными компонентами декоративного оформления (что относится уже к типовым признакам). Совершенно недопустимо отнесение к одному типу таких монет, у которых действительно одинакова одна сторона, зато другие стороны совсем раз-

---

[6] В. Д. Жуков, Дукентский клад. (Предварительное сообщение).— сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 1, Ташкент, 1959, стр. 176—207; его же, Чекан Кенджде и анэпиграфические монеты в Дукентском кладе (Дополнение к предварительному сообщению),— сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 307—312.

ные. Понятие типа предполагает учет именно обеих сторон монетного кружка.

Есть в работе В. Д. Жукова и другие недочеты, естественные, возможно, в условиях, когда автор в некотором роде поднимает целину. Не останавливаясь здесь на мелочах и частностях, отмечу лишь наличие неточных определений монетных дворов и вытекающую отсюда неточность статистических данных. Вызывает большое сожаление также невозможность представить количественное соотношение монет разных типов одного города, так как эти данные не приведены. В целом, однако, эта первая специальная публикация клада серебряных монет последней четверти XIII — начала XIV в. знаменует важный сдвиг в изучении этой группы монет.

Наша задача — описание, классификация и выявление основных особенностей монет и состава Ленинабадского клада, т. е. дальнейшая разработка источника и расширение таким образом источниковедческой базы для изучения денежного обращения на этом этапе.

Нами принят следующий принцип классификации. Самое крупное звено — наименование монетного двора, и описания монет даны по этому признаку в алфавитном порядке. Основное звено классификации и описания — это тип. В чекане некоторых монетных дворов зафиксирован только один тип, в чекане других — по нескольку. Однотипными сочтены те монеты, которые сходствуют между собой основными признаками обеих сторон монетных кружков. В качестве основных признаков мы приняли формы картушей (картуши пронумерованы римскими цифрами — см. рис. 3 на стр. 68), тамги (тамги пронумерованы арабскими цифрами — см. рис. 2 на стр. 63) и главные надписи в картуше или в поле. Однотипные по этим признакам монеты могут иметь разные даты; даты эти могут быть обозначены цифрами или словами; одинаковые по форме картуши могут быть одно- или двухлинейными; мелкие надписи по краям монеты (вне картуша) могут быть различными по содержанию (в одних случаях дата, в других имя халифа Насира, в третьих частично надпись, частично орнамент и т. д.). Все эти различия сочтены вариантными. Наблюдение показало, что монеты разных вариантов выпускались параллельно. Разные же даты при прочих признаках однотипности ничего не меняли в положении монет на рынке; долговременный чекан однотипных монет выполнял задачу просто увеличения количества «равноправных» средств обращения.

При описании монет в заголовки вынесены не только наименование монетного двора и номер типа, но и номера таких типовых признаков, как картуш и тамга. Во всех случаях указано, на какой стороне монетного кружка проставлена дата.

Следует оговорить, что обозначение двух сторон монетных кружков как лицевой и оборотной в данном случае совершенно условно. Есть типы, у которых обе стороны вообще одинаковы или имеют лишь вариантные различия. Но даже когда обе стороны совсем различны, в большинстве случаев к ним неприменим тот критерий, который в чекане других династий ясно указывает, какую сторону нужно считать лицевой, а какую — оборотной.

На 350 монетах Ленинабадского клада прочтено наименование 12 монетных дворов; на 20 монетах наименование монетного двора не было обозначено; 67 монет (т. е. немногим более 15%) не сохранили наименования монетного двора или таких косвенных признаков, которые позволили бы уверенно отнести их к чекану того или иного города.

Определение почти 85% монет клада с точки зрения их происхождения дает вполне ясное представление о составе клада и соотношении монетных дворов (табл. 7 на стр. 58). В кладе преобладают монеты Тараза (38%), Отрара (около 20%) и Кенджде (свыше 10%), меньше и примерно поровну монет Алмалыка (свыше 5%), Бухары (6%), Термеза (около 8%) и Шаша (свыше 6%). Остальные монетные дворы представлены еще меньшим числом монет (как правило, единицами). Клад найден в Ленинабадской области, а монет Ходженда всего 12, т. е. менее 3,5% [7]. Этот статистический материал позволяет сделать следующие выводы. Количество монет разных городов в составе клада определено не местом его сложения и не географической близостью тех или других монетных дворов к месту сложения клада, а разной интенсивностью работы монетных дворов, разным объемом выпущенной и обращавшейся монетной продукции. Небольшое количество ходжендских монет особенно красноречиво свидетельствует о том, что этот монетный двор работал не очень интенсивно, не заполнил своей продукцией близлежащую территорию и не вытеснил монеты, пришедшие на местные рынки издалека. Второй вывод: продукция разных монетных дворов обслуживала не местные городские рынки, а выполняла функцию средства обращения на территории всего государства. Оба эти вывода подтверждаются составом других кладов.

Классификация и описание монет клада

Алмалык, тип I (картуш II, тамга № 1) [8] (фототабл. 3/*1*)

Л. ст. Круглый картуш двойной II/б: в маленьком однолинейном внутреннем — наименование монетного двора

[7] Проценты вычислены к числу монет (350), сохранивших наименование монетного двора или получивших определение на основании косвенных данных.

[8] ЛОМ, № 49—59, 349—353; ИИТ, № 5—6.

المالغ и тамга № 1; во внешнем двухлинейном кольцом расположен символ веры لا اله الا الله محمد رسول الله (часто с искажениями); внешняя круговая надпись за пределами картуша — выпускные сведения.

Об. ст. В поле — крупная, двухстрочная надпись العادل / لاعظم, иногда похожая на المالک / لاعظم и образующая квадрат[9], по сторонам которого — надпись с выпускными сведениями (даты словами или цифрами). Ободок однолинейный или двухлинейный.

Даты: 685 (л. ст.), 689 (об. ст.) и 694 (об. ст.) гг. х.

Андиган, тип 1 (без картушей, две тамги — № 1, 2) [10]
(фототабл. 3/2)

Л. ст. В поле — четырехстрочная надпись; нижняя строка — наименование монетного двора خانی/العادل/لاعظم/اندکان (своеобразно начертание лигатуры کا в слове اندکان). Слева — виньетка. Ободок двухлинейный.

Об. ст. В поле — две тамги (№ 1, 2), по сторонам — три разные виньетки. Ободок (который можно рассматривать и как картуш II/д) — в виде плетеного пояска между линейными ободками.

Бухара, тип 1 (картуш IV, тамга № 1) [11]
(фототабл. 3/4)

Л. ст. В поле — العادل / لاعظم крупными буквами; вверху — виньетка; внизу более мелкими буквами — наименование монетного двора بخارا. Ободок в виде линейного и точечного кольца. На некоторых монетах — мелкие точки в поле; различается начертание букв (особенно *айн* в слове العادل).

Об. ст. В картуше IV/а в виде восьмилепестковой розетки — тамга № 1; сверху и снизу — два слова надписи с наименованием монетного двора سکه/بخارا. На отдельных монетах в поле — точки; ободок — двухлинейный с точечным кругом посредине.

---

[9] В. Д. Жуков («Дукентский клад...», стр. 179—180 и рис. 1) на монетах этого типа в составе Дукентского клада читает العادل الاعظم, хотя на фотографии четко видно именно المالک.

[10] ЛОМ, № 41—43; ИИТ, № 3. В. Д. Жуков («Дукентский клад...», стр. 182—183) первоначально читал اندیغان, но впоследствии («Чекан Кенджде...», стр. 307, прим. 1) он исправил это чтение.

[11] ЛОМ, № 1—20; ИИТ, № 1. Ср.: В. Д. Жуков, Дукентский клад..., стр. 184—185.

Кашгар, тип 1 (картуш II, тамга № 1) [12] (фототабл. 6/2)

Л. ст. В поле — двухстрочная надпись большими буквами العادل / لاعظم, образующая квадрат, по сторонам которого — надпись с выпускными сведениями (дата словами). Ободок двухлинейный (внутренняя линия тонкая) с точечным кольцом снаружи.

Об. ст. В круглом картуше II/в — тамга № 1, сверху и снизу — двухстрочная надпись с наименованием монетного двора سكه / كاشغر. Кругом — надпись с упоминанием халифа Насира. Ободок как на л. ст.

Дата — 681 г. х. (л. ст.).

Кенджде, тип 1 (картуши IV—II, две тамги № 1) [13]

Л. ст. В картуше IV/б (в виде шестилепестковой, обрамленной линейным ободком розетки) [14] — тамга № 1; над ней и под ней — двухстрочная надпись عادل / (شاه или) شا. Кругом — выпускные сведения (дата цифрами). Поле обрамлено лепестковой (шестилепестковой?) розеткой и линейным ободком.

Отмечены следующие различия в штампах; буква ه в слове *шах* обычно отсутствует; в картуше часто украшения в виде колечек; в круговой надписи пропущено سنه, а наименование города имеет два начертания — كنجيد или كنجد.

Об. ст. В круглом двухлинейном картуше II/е — тамга № 1, снизу и сверху нее — виньетки. Кругом, в четырех колечках,— لله, а между колечками, в четырех сегментах,— الملك/لله / الواحد / القهار. Ободок двухлинейный.

Даты: 677, 681, 695 гг. х. (л. ст.). Последняя дата зеркально перевернута, и цифра пять имеет редко употреблявшуюся на монетах форму.

Кенджде, тип 2 (картуши I—II, две тамги № 1) [15] (фототабл. 3/5)

Л. ст. В квадратном картуше I/а (вариант 1) или I/б (вариант 2) — тамга № 1, сверху и снизу — наименование

[12] ИИТ, № 8. Ср.: В. Д. Жуков, Дукентский клад..., стр. 185, 187.

[13] ЛОМ, № 99—108; ИИТ, № 9. Совершенно аналогичные монеты В. Д. Жуков («Дукентский клад...», стр. 201) отнес к чекану Ходженда под рубрикой «четвертого типа». Позднее («Чекан Кенджде...», стр. 307—308) он выделил в составе клада чекан Кенджде, в том числе и описанный тип (под рубрикой «первого типа»), но только для 677 г. х.

[14] Лепестки розетки иногда столь мелкие, что почти сливаются в круг (например, ЛОМ, № 103). На этом основании к этому же типу чекана Кенджде можно отнести монеты (ЛОМ, № 223—225) с круглым двухлинейным картушем (наименование монетного двора на них стерто).

[15] ИИТ, № 10—11; ЛОМ, № 109—114, 379—380. Ср.: В. Д. Жуков, Чекан Кенджде..., стр. 309, монеты описаны под 691 г. х.

монетного двора[16] سک ه/ کنجد (встречается کنجید).

По сторонам картуша I/а — выпускные сведения (дата цифрами); по сторонам картуша I/б — благопожелание (сверху и снизу) и две виньетки (по бокам).

Об. ст. Оба варианта в круглом однолинейном или двухлинейном картуше II/а или II/в содержат тамгу № 1 и две одинаковые виньетки. Круговая легенда стерта (вариант 1) или включает символ веры и часть имени халифа (вариант 2). Ободок двухлинейный.

Дата — 691 г. х. (л. ст.).

Кенджде, тип 3 (картуш I—II, тамга № 1)[17]

Л. ст. В квадратном двухлинейном картуше I/б — наименование монетного двора کنجد / سکه. Тамги нет, между двумя строчками надписи — колечко (может быть, это *последняя буква наименования* монетного двора). По сторонам картуша — дата (цифрами или словами).

Об. ст. Как у типа 2, но круговая надпись — имя с титулом халифа Насира الامام الاعظم الناصر لدين الله. Ободок двухлинейный.

Даты: 696, 69. гг. х. (л. ст.).

Кенджде, тип 4 (картуши I—IV, две тамги № 1)[18]

Л. ст. Как у типа 2 (вариант 2), только благопожелание الملک لله по сторонам квадратного картуша дважды.

Об. ст. Как л. ст. типа 1.

Дата: 677 г. х. (об. ст.).

---

[16] Верхнее слово, вероятно, следует читать как سکه. Первая буква — *син (шин)*, вторая *каф* или *дал;* затем идет колечко, которое можно считать буквой *ха-йи хавваз*. Против такого чтения в данном случае то, что *ха-йи хавваз* и *каф* не соединены. Однако здесь скорее всего ошибка резчика штампов, ибо на монетах этого же монетного двора встречается правильное начертание слова سکه. Менее вероятно чтение بیلده, так как буква *лям* не выделена, а предлог в такой надписи несколько неожидан. В. Д. Жуков («Чекан Кенджде...», стр. 309) читает именно بیلده.

[17] ИИТ, № 12; ЛОМ, № 115—120. Совершенно аналогичные монеты В. Д. Жуков («Дукентский клад...», стр. 201) относит к чекану Ходженда под рубрикой «третьего типа», ссылаясь также на определение монеты МИ Уз, инв. № 25/40, сделанное М. Е. Массоном. Последнюю мы видели в натуре, на ней обозначено именно Кенджде в самом обычном для монет этого типа начертании. Впоследствии В. Д. Жуков («Чекан Кенджде...», стр. 309) исправил это чтение и описал монеты под 696 г. х.

[18] ЛОМ, № 121—123. Ср.: В. Д. Жуков, Монеты Кенджде..., стр. 308, второй тип. Он отличается от описанного нами тем, что на лицевой стороне благопожелание один раз, *г* вместо второго раза — две виньетки.

Кенджде, тип 5 (картуши III—II, две тамги № 1) [19]
(фототабл. 3/*6*)

Л. ст. В картуше III (в виде шестиугольной звезды, образованной пересечением двух двухлинейных треугольников) — тамга № 1 в окружении четырех точек. В отсеках картуша — выпускные сведения (наименование монетного двора كنجد ; дата не сохранилась). Ободок двухлинейный.

Об. ст. Как у типа 3.

Кенджде, тип 6 (картуши IV—III, две тамги № 1) [20]

Л. ст. Как у типа 1. В круговой легенде — наименование монетного двора كنجد , дата стерта.

Об. ст. Как л. ст. типа 5. Надпись с выпускными данными в отсеках звездчатого картуша стерта.

Отрар, тип 1 (картуш II, тамга № 1) [21]
(фототабл. 4/*1*)

Л. ст. В поле — двухстрочная надпись الحمد لله / الملک لله, образующая квадрат. По сторонам — надпись с выпускными сведениями (есть ошибки). Ободок из двух пересекающихся линий.

Об. ст. В круглом картуше II/в — тамга № 1 и две виньетки. Круговая надпись не прочтена. Ободок двухлинейный (внутренняя линия тонкая) или линейный и точечный.

Даты: 684, 685 гг. х. (л. ст.).

Самарканд, тип 1 (без картушей, тамга № 1)
Вариант 1 [22].

Л. ст. В поле — символ веры لا اله الا الله / محمد رسول الله . По сторонам — виньетки. Ободок из двух фигурно-пересекающихся линий с точечным кругом посредине.

---

[19] ИИТ, № 13; ЛОМ, № 124—126.

[20] ЛОМ, № 127, В. Д. Жуков («Чекан Кенджде...», стр. 309, без даты) опубликовал монеты Кенджде, отличающиеся от нашего типа 6 тем, что в картуше оборотной стороны не тамга, а благопожелание الملک لله. В Дукентском кладе есть одна монета (см.: В. Д. Жуков, Чекан Кенджде..., стр. 308, третий тип за 677 г. х.), которую В. Д. Жуков также относит к чекану Кенджде. На одной ее стороне в квадратном картуше — две тамги: № 1 и 5. Нам такое сочетание встречалось до сих пор только в чекане Тараза.

[21] ЛОМ, № 128; ИИТ, № 22. О монетах, не сохранивших наименования монетного двора, но относимых к чекану Отрара, см. ниже. В. Д. Жуков («Дукентский клад...», стр. 190—191) описывает еще один тип монет Отрара. Однако это определение требует проверки; не исключено, что этот тип принадлежит чекану Тараза. На некоторых монетах ГЭ за 684—685 гг. х. (№ 56—63) круговая надпись об. ст. содержит имя и титулы халифа Насира (с ошибками).

[22] ЛОМ, № 44—45.

Об. ст. В поле — двухстрочная надпись[23] الامام / لاعظم и тамга № 1 вертикально. Дважды (внизу и по бокам) — наименование монетного двора. Между двумя линейными ободками — выпускные сведения (почти совсем стерты).

Вариант 2[24]. Второй вариант отличается от первого следующими признаками: наличием даты цифрами (в поле об. ст. сверху); отсутствием круговой легенды с выпускными сведениями (об. ст.), место которой занимает ободок из двух фигурно-пересекающихся линий; некоторыми палеографическими деталями (фототабл. 4/2).

Дата — 686 г. х. (об. ст.).

Вариант 3[25]. Третий вариант близок второму и отличается от него наличием слова اختيار между двумя строками надписи об. ст. и некоторыми палеографическими деталями.

Дата — 696 г. х. (об. ст.).

Чекан Тараза обилен и разнообразен. Многочисленные типы могут быть разбиты на группы, обладающие устойчивыми признаками. Первую большую группу типов объединяют картуши I и III: на одной стороне — квадратный картуш из двух обычно пересекающихся линий, на другой — звездчатый, из двух пересекающихся двухлинейных треугольников. Но тамги, содержание и взаиморасположение основных надписей у типов этой группы разные.

Тараз, тип 1 (картуши I—III, три тамги — № 1, 2, 3)[26] (фототабл. 4/3)

Л. ст. В квадратном картуше I/в из двух пересекающихся линий — две тамги (№ 1 и 2) и несколько орнаментальных мелких колечек (на некоторых монетах также две виньетки). По сторонам картуша — разных очертаний виньетки. Ободок двухлинейный. На одном экземпляре — надчекан № 2: двухлинейный с точечным кругом посредине картуш, в котором тамга № 2.

Об. ст. В звездчатом картуше III из двух пересекающихся двухлинейных треугольников — тамга № 3; свободное поле картуша обычно заполнено мелким орнаментом. В отсеках картуша — выпускные сведения (дата цифрами). Ободок двухлинейный.

---

[23] В. Д. Жуков («Дукентский клад...», стр. 191) неверно читает эту надпись как العادل الاعظم. На двух нижних иллюстрациях в его же статье (рис. 7, стр. 192) хорошо виден титул الامام.

[24] ЛОМ, № 46—47; ИИТ, № 4.

[25] ЛОМ, № 48.

[26] ИИТ, № 14—15; ЛОМ, № 129—157, 418. Ср.: В. Д. Жуков, Дукентский клад..., стр. 195; первый тип за 686 г. х.

Даты: 686, 696, 699 гг. х. (об. ст.).

Тараз, тип 2 (картуши I—III, четыре тамги — № 1, 3, 2, 1) [27]

Л. ст. Как у типа 1, только в картуше три тамги: № 1, 3, 2.
Об. ст. Как у типа 1, только в картуше другая тамга — № 1.

Тараз, тип 3 (картуши I—III, три тамги — № 1, 4, 3 или № 1, 5, 3) [28] (фототабл. 4/4)

Л. ст. В квадратном картуше I/б или чаще I/в, т. е. из двух, обычно пересекающихся линий,— две тамги: № 1 и 4. Свободное поле картуша иногда заполнено орнаментальными колечками, точками, растительными побегами. По сторонам картуша — четыре виньетки или же две виньетки и две строчки надписи с наименованием монетного двора. Ободок двухлинейный.
Об. ст. Как у типа 1, только в отсеках картуша иногда надписи (дата цифрами или словами), иногда же виньетки или другое орнаментальное заполнение.

Заполнение поля вне картушей на л. и об. ст. дает разные сочетания надписей и орнаментов, что заставляет внутри типа 3 выделить четыре варианта.

Вариант	Л. ст., по сторонам картуша	Об. ст., в отсеках картуша
1	Орнамент	Орнамент
2	Орнамент	Надпись
3	Орнамент и надпись	Орнамент
4	Орнамент и надпись	Надпись

Даты: $6^7/_9 7/_9$, $6^7/_9$., 6.3, 68., 6.6 гг.х. (об. ст.). Чтение двух первых дат, обозначенных словами, затруднительно, так как первые две буквы в словах единиц и десятков изображены в виде четырех зубцов равной высоты. Таким образом, палеографически возможны два чтения: десятки — семьдесят или девяносто, единицы — семь или девять. Косвенные данные склоняют нас ко второму чтению (см. выше, стр. 76).

[27] *ЛОМ*, № 158—161. В. Д. Жуков («Дукентский клад...», стр. 197) этот тип описывает как первый вариант за 689 г. х. На наших экземплярах дата не сохранилась.

[28] ЛОМ, № 60—64, 70—95; ИИТ, № 7. В. Д. Жуков («Дукентский клад...», стр. 193—194) описывает под 677 г. х. в качестве первого типа за этот год наш вариант 4. Следует оговорить, что вариант 4 имеет и другие даты. Само же чтение — 677 г. х.— нельзя пока считать абсолютно достоверным (см. ниже).

Тараз, тип 4 (картуши I—III, тамг нет) [29]
(фототабл. 4/5)

Л. ст. В квадратном картуше I/в — символ веры لا اله الا الله وحده لا شر... По сторонам картуша стерто, но кое-где видно орнаментальное заполнение.

Об. ст. В картуше III — надпись العادل الاعظم. В отсеках картуша — выпускные сведения, причем дата цифрами. Дата — 686 г. х. (об. ст.)[30].

Тараз, тип 5 (картуши I—III, тамга № 1) [31]
(фототабл. 4/6)

Л. ст. Квадратный картуш I/г двойной. В отдельную маленькую квадратную рамку заключена тамга № 1 (расположена диагонально, а в уголках — две виньетки). Внутри основного двухлинейного картуша (такого же, как I/в) по сторонам рамки с тамгой квадратом расположена надпись — символ веры (как у типа 4). Кругом картуша стерто и обрезано, но незначительные фрагменты свидетельствуют, что здесь была надпись.

Об. ст. Как у типа 4.

Дата — 686 г. х. (об. ст.).

Вторую группу монет Тараза образуют типы, объединенные одинаковым картушем III одной из сторон (которая условно считается оборотной) при разных картушах (II, IV) другой стороны (которая условно считается лицевой). Общий картуш оборотной стороны такой же, как картуш оборотной стороны монет первой группы (типы 1—5): шестиконечная звезда, образованная пересечением двух двухлинейных треугольников. В отсеках этого картуша на многих монетах сохранилась дата — 686 г. х. Некоторые типы имеют даты и на лицевой стороне, причем во всех случаях это более ранние даты (например, 671, 677 гг. х.). Следовательно, перед нами вторичное (или очень длительное) использование старых штампов для чекана одной из сторон монет.

Тараз, тип 6 (картуши II — III, одна (?) тамга) [32]

Л. ст. В круглом двухлинейном картуше II/е между двумя виньетками — тамга (форма неясна). Кругом в четырех колечках — لله, а между колечками, в четырех сегмен-

[29] ЛОМ, № 162—165. В. Д. Жуков («Дукентский клад...», стр. 195—196) описывает этот тип как второй вариант первого типа за 686 г. х.

[30] К чекану Тараза, очевидно, относятся монеты со стертым наименованием монетного двора и обычно стертыми тамгами в картушах, в целом повторяющие типы 1—4 Тараза (ЛОМ, № 328—342). Некоторое количество экземпляров сохранили наименование монетного двора «Тараз» (ЛОМ, № 166—170) и даже дату (ЛОМ, № 172). Они относятся к первой группе, но плохая сохранность не позволяет уточнить их тип.

[31] ЛОМ, № 173.

[32] ЛОМ № 174.

тах,— фрагменты надписи القهار / الواحد / لله / الملک.
Ободок двухлинейный (л. ст. подобна об. ст. типа 1 Кенджде).
Об. ст. Как у типа 4.
Дата — 68. г.х. (об. ст.).

Тараз, тип 7 (картуши IV—III, тамга № 1) [33] (фототабл. 5/*1*)

Л. ст. В картуше IV/а (в виде восьмилепестковой розетки, вписанной в круг) — тамга № 1, окруженная декоративными колечками. Вокруг картуша надпись — выпускные сведения, причем дата цифрами. На некоторых монетах надпись условная, нечитаемая.
Об. ст. Как у типа 4.
Даты: 671 (л. ст.), 686 (об. ст.) гг.х.

Тараз, тип 8 (картуши IV—III, тамга № 1) [34]

Л. ст. В картуше IV/б (в виде шестилепестковой розетки, вписанной в линейный круг) — тамга № 1; сверху тамги — پادشاه, снизу — عادل. Свободное пространство заполнено декоративными колечками. Кругом — надпись с выпускными сведениями, причем дата цифрами. Ободок — большая лепестковая розетка, вписанная в круг.
Об. ст. Как у типов 4—7, только в картуше другая надпись الملک لله.
Дата — 677 г. х. (л. ст.).

Третью группу монет Тараза (типы 9—16) объединяет картуш II (круглый одно- или двухлинейный) с тамгой и выпускными сведениями в круговой легенде. Эти стороны монет третьей группы условно будем считать оборотными. Лицевые же стороны монет третьей группы разнообразны (картуши I, II, IV).

Тараз, тип 9 (картуши IV—II, две тамги № 1) [35]

Л. ст. Как у типа 8.
Об. ст. В круглом двухлинейном картуше II/в — тамга № 1, по сторонам — две виньетки. Круговая надпись содержит выпускные сведения. Ободок двухлинейный.

Тараз, тип 10 (картуши I—II, две тамги — № 2, 1) [36]

Л. ст. В картуше I/в (в виде квадрата из двух пересекающихся линий) — тамга № 2, сверху и снизу — надпись с наименованием монетного двора سکه / طراز. По сторонам картуша — орнаментальные украшения.

---

[33] ЛОМ, № 175—179.
[34] ЛОМ, № 180—183.
[35] ЛОМ, № 184; на оборотной стороне в наименовании города Тараза последняя буква ز, а вся круговая надпись обращена основанием не внутрь, а наружу.
[36] ЛОМ, № 185—186.

Об. ст. Как у типа 9, только круговая надпись декоративна и уже нечитаема.

Тараз, тип 11 (картуши I—II, две тамги № 1) [37]

Л. ст. Как у типа 5.
Об. ст. Как у типов 9—10.

Тараз, тип 12 (картуши II—II, тамга № 1) [38]

Л. ст. В круглом картуше II/в — двухстрочная надпись с наименованием монетного двора سكه / طراز и декоративные точки. Круговая надпись сохранилась плохо (очевидно, упоминается халиф Насир).
Об. ст. Как у типов 9—11.

Тараз, тип 13 (картуши II—II, две тамги — № 2, 1) [39]

Л. ст. В круглом двухлинейном картуше II/в — тамга № 2 и две виньетки. Круговая надпись содержит выпускные сведения, причем дата словами. Ободок линейный.
Об. ст. Как у типов 9—12; дата в круговой легенде словами.
Даты: 6.2 (л. ст.), 67. (об. ст.) гг. х.

Тараз, тип 14 (картуши II—II, две тамги № 1) [40]
(фототабл. 5/2)

Л. ст. В круглом двухлинейном картуше II/в — тамга № 1 и две виньетки по сторонам тамги. Круговая надпись содержит выпускные сведения, причем дата цифрами. Ободок двухлинейный.
Об. ст. Как у типов 9—13.
Дата — 689 г. х. (л. ст.).

Тараз, тип 15 (картуши II—II, две тамги № 1) [41]

Л. ст. Как у типа 14, но по сторонам тамги двухстрочная надпись (неясна), а ободок трехлинейный с точечным кругом между вторым и третьим линейными кольцами.
Об. ст. Как у типов 9—14.
Дата — 686 г. х. (л. ст.).

---

[37] ЛОМ, № 187. Монета дважды перебита: на лицевой стороне остатки типа оборотной стороны; на оборотной же — остатки типа лицевой стороны.
[38] ЛОМ, № 188.
[39] ЛОМ, № 189—190.
[40] ЛОМ, № 191—192.
[41] ЛОМ, № 293—294.

Тараз, тип 16 (картуш об. ст. II, тамга № 3) [42]
(фототабл. 5/*3*)

Л. ст. В поле двухстрочная крупная надпись изящным почерком العادل / لاعظم образует квадрат. По сторонам мелкими буквами — четырехстрочная надпись с наименованием монетного двора ضرب / هذه / بيلده / طراز.
Ободок двухлинейный с точечным кругом посредине.
Об. ст. Как у типов 9—15, только тамга другая — № 3. Дата в круговой легенде словами.
Дата — 67. г. х. (об. ст.).

Термез, тип 1 (без картушей, тамга № 2) [43]
(фототабл. 5/*4*)

Л. ст. В поле — символ веры الله / لا اله الا / محمد رسول الله.
Кругом — только ободок (двухлинейный с одним или двумя точечными кругами посредине) или же надпись с выпускными сведениями между двумя линейными ободками. Надпись эта иногда совершенно условна (набор черточек) и нечитаема.
Об. ст. В центре поля — тамга № 2, по сторонам которой — надпись с наименованием монетного двора سكه / مدينه / الرجال / ترمذ (в надписи бывают ошибки, особенно в слове مدينه). Кругом как на л. ст., т. е. то ободки, то читаемые надписи с выпускными сведениями, то имитация надписей.
Дата — 70. г. х. (л. и об. ст.).

Ходженд, тип 1 (картуш об. ст. II, тамга № 1) [44]
(фототабл. 5/*5*)

Л. ст. В поле — двухстрочная крупная надпись العادل / لاعظم, сверху — خانى, снизу — наименование монетного двора خجنده более мелкими буквами. Слева в поле — виньетка. Ободок линейный и точечный.
Об. ст. В круглом картуше II/д (образованном двумя линейными ободками с плетенкой между ними) — тамга № 1, а сверху и снизу — двухстрочная надпись с наименованием монетного двора سكه / خجنده. Круговая надпись обрезана или стерта.

---

[42] ЛОМ, № 193—194.
[43] ИИТ, № 2; ЛОМ, № 21—40, 346—348, 367—369. В. Д. Жуков («Дукентский клад...», стр. 197—199) читает 707/1307-08 г. и отмечает наличие названий месяцев в круговых легендах.
[44] ЛОМ, № 195—200; ИИТ, № 16. Ср. у В. Д. Жукова («Дукентский клад...», стр. 200) второй тип по его классификации.

Ходженд, вар. 2 (картуш об. ст. II, тамга № 1) [45]
(фототабл. 5/6)

Л. ст. Как у типа 1, только за линейным ободком — круговая надпись (обрезана или стерта).

Об. ст. Как у типа 1, только в картуше вместо надписи — две виньетки. Круговая легенда также обрезана или не сохранилась. Ободок как на об. ст. типа 1 или же более сложный, с точечным кольцом внутри.

Шаш, тип 1 (картуш об. ст. II, тамга № 1) [46]

Л. ст. В поле — двухстрочная крупная надпись الملک / لله الحمد لله, иногда с искажениями во второй строчке. По сторонам квадрата, образованного этой надписью,— мелкими буквами надпись (не сохранилась) или ее уже нечитаемая имитация (вплоть до группы палочек на черте). Ободок линейный и точечный.

Об. ст. В круглом двухлинейном картуше II/в — тамга № 1, под ней — наименование монетного двора شاش и над ней — виньетка. Круговая надпись на некоторых экземплярах читается четко — это имя с титулом халифа Насира الامام الاعظم الناصر لدين الله. На других монетах сохранились фрагменты, возможно, другой круговой надписи; на третьих же вместо круговой надписи — имитация ее в виде палочек и кружочков. Ободок как на л. ст.

Бинкет, тип 1 (картуши I—VII, две тамги — № 1, 2) [47]
(фототабл. 3/3)

Л. ст. В квадратном картуше I/а — двухстрочная надпись العادل ا / لاعظم. По сторонам квадрата — надпись с выпускными сведениями (сохранилось только слово سنه). Ободок линейный (и точечный?).

Об. ст. В четырехлепестковом картуше VII — две тамги № 1, 2, по сторонам которых (также внутри картуша) — надпись с выпускными сведениями ضرب / ... / ... / بيلد بنكت.

Ободок двухлинейный.

Некоторое количество монет клада не сохранило в надписях наименования монетного двора. Часть этих монет точно повторяет отдельные, уже описанные типы разных городов и поэтому с большой долей уверенности может быть отнесена к их чекану. Другие же демонстрируют новые типы и вариан-

[45] ИИТ, № 17; ЛОМ, № 201—203, 381. В. Д. Жуков («Дукентский клад...», стр. 199) такие монеты описывает как вариант первого типа по его номенклатуре. На одной из монет сохранилась дата — 677/1278-79 г.

[46] ИИТ, № 18—20; ЛОМ, № 204—222. Ср.: В. Д. Жуков, Дукентский клад..., стр. 201—203.

[47] ИИТ, № 21. Бинкет помещен здесь после Шаша, так как это два наименования одного монетного двора.

ты, так что их точное определение по месту производства пока не представляется возможным. Следует, кроме того, отметить наличие таких типов, которые вовсе не имели в надписях наименования монетного двора. Относительно этих монет могут быть высказаны лишь некоторые общие соображения.

Из числа монет, не сохранивших наименования монетного двора, многие могут быть отнесены к чекану Отрара [48].

[Отрар] (картуш II, тамга № 1)

Л. ст. В поле — крупная двухстрочная надпись الملك لله / الحمد لله, образующая квадрат. По сторонам квадрата, образуемого этой надписью,— четыре строчки мелкими буквами: легенда с выпускными сведениями. Ободки двух видов: чаще из двух пересекающихся линий; реже линейный и точечный.

Об. ст. В круглом двухлинейном картуше II/в — тамга № 1 с двумя виньетками по сторонам. Круговая надпись с именем и титулом халифа Насира الامام الاعظم الناصر لدين الله на некоторых экземплярах написана четко и правильно, на других — с ошибками, на третьих — она почти нечитаема. На одном экземпляре — надчекан № 2: двухлинейный с точечным кругом посредине картуш, в котором тамга № 2.

Тип этих монет совершенно точно повторяет тип монет Отрара. В надписях на лицевой стороне некоторых экземпляров сохранилось очень схематичное (в виде нескольких палочек) начертание на том месте, где должно было быть обозначено слово «Отрар». Иногда число этих палочек соответствует числу букв в слове «Отрар», иногда же их меньше. На ряде монет сохранились даты словами: 685, $6^7/_9 7/_9$, 690, 706, 70. гг. х. (л. ст.) [49].

Некоторое количество монет повторяет типы Тараза, демонстрируя новые варианты и даты. Особенно интересны монеты, совершенно повторяющие тип 1 Тараза, с тем, однако, отличием, что на оборотной стороне, в звездчатом картуше, не тамга № 3, а плетенка [50]. Нам неизвестно, является ли эта плетенка чисто декоративной деталью, или же это тамга. Условно мы все же включили ее в таблицу тамг (рис. 2/7). Часть этих монет сохранила дату — 706 г. х., но наименование монетного двора стерто [51] (фототабл. 6/1). Среди монет

[48] ЛОМ, № 226—285, 370—373, 417; ИИТ, № 23—24.

[49] Эти даты представляют большой интерес. На двух отрарских монетах клада (с четким начертанием слова «Отрар») две даты — 684 и 685 гг. х.

[50] ИИТ, № 25; ЛОМ, № 286—292, 355.

[51] ИИТ, № 25; ЛОМ, № 286.

Музея истории АН УзССР есть этот вариант с плетенкой, с датой 706 г. х., сохранивший также и наименование монетного двора — Тараз [52].

Несколько монет со стершимся наименованием монетного двора повторяют тип 3 Тараза. Они интересны тем, что сохранили еще одну дату для этого типа — 686 г. х.[53].

В составе клада выявлено некоторое количество монет, имевших, но не сохранивших в своих надписях наименование монетного двора, а своим типом отличающихся от описанных типов Алмалыка, Андигана, Бухары, Кашгара, Кенджде, Отрара, Самарканда, Тараза, Термеза, Ходженда и Шаша-Бинкета. Отличие это иногда полное — монеты демонстрируют новые типы для обеих сторон монетного кружка; иногда новым является тип только одной стороны, и наконец, есть монеты, типы обеих сторон которых по отдельности уже зарегистрированы на описанных монетах, здесь же дают лишь новое сочетание на одном монетном кружке.

Дальнейшие находки, безусловно, уточнят происхождение этих монет.

1. Наименование монетного двора стерто (картуши I—III, три тамги — № 2, 1, 2) [54]

Л. ст. В квадратном картуше I/в (из двух пересекающихся линий) — две тамги № 2, 1. По сторонам картуша — виньетки.

Об. ст. В картуше III (в виде шестиконечной звезды, образованной пересечением двух двухлинейных треугольников) — тамга № 2. Во внешних отсеках звезды — надпись с выпускными сведениями, причем дата цифрами. Ободок двухлинейный.

Дата — 701 г. х. (об. ст.).

Тип этот весьма близок типу 1 Тараза и отличается только тамгой в картуше оборотной стороны: у Тараза тамга № 3, здесь же № 2.

2. Наименование монетного двора стерто (картуши II—III, две тамги — № 1, 2) [55]

Л. ст. В круглом двухлинейном картуше II/в — тамга № 1 с двумя виньетками по сторонам. Кругом — надпись, содержащая имя с титулом халифа Насира.

Об. ст. Как у типа 1 (только дата стерта).

---

[52] МИ Уз, шкаф 1, планшет 1, № 107.
[53] ЛОМ, № 65—69 (с датой) и 96—98.
[54] ЛОМ, № 317.
[55] ЛОМ, № 303—306, 368.

3. Наименование монетного двора стерто (картуши II—I, две тамги № 1) [56]

Л. ст. Как у типа 2.

Об. ст. В квадратном двухлинейном картуше I/б — тамга № 1, сверху и снизу нее — двухстрочная надпись عادل / شاه. По двум сторонам квадратного картуша — виньетки, по двум другим — надписи (сохранились плохо).

4. Наименование монетного двора стерто (картуш об. ст. II, тамга № 2) [57]

Л. ст. В поле — двухстрочная надпись الحمد لله / الملك لله, образующая квадрат, по сторонам которого — выпускные сведения (плохо сохранились). Ободок двухлинейный.

Об. ст. В круглом однолинейном картуше II/а — тамга № 2 с виньетками по сторонам. Кругом — надпись с именем и титулом халифа Насира. Ободок линейный и точечный [58].

5. Наименование монетного двора стерто (картуш об. ст. I, две тамги — № 1, 2) [59]

Л. ст. Как у типа 4 (надпись с ошибками: в обеих строчках вместо لله стоит لا).

Об. ст. В квадратном картуше I/в из двух пересекающихся линий — две тамги № 1, 2. По сторонам картуша — виньетки (на некоторых монетах, возможно, надписи).

6. Наименование монетного двора стерто (картуши I—V, тамга № 1) [60]

Л. ст. В квадратном картуше I/а — надпись العادل ا / لاعظم, между двумя строками которой более мелкими буквами еще одно слово (неясное). По сторонам квадрата орнаменты. На двух экземплярах надчекан № 1: двухлинейный с точечным кругом посредине картуш, в котором тамга № 1.

Об. ст. В картуше V (в виде двухлинейного восьмиугольника) — тамга № 1, над и под которой надпись ... /سكه (наименование монетного двора стерто совершенно). Во внешних отсеках картуша — орнаменты.

---

[56] ЛОМ, № 308—309, 356—357.

[57] ЛОМ, № 318.

[58] Этот тип ближе всего отрарским монетам, отличается главным образом тамгой в картуше оборотной стороны: на отрарских монетах клада тамга № 1, здесь же — № 2.

[59] ЛОМ, № 319—321, 358—361.

[60] ЛОМ, № 316, 419—420.

7. Наименование монетного двора стерто (картуш об. ст. II, две тамги — № 1, 2) [61]

Л. ст. В поле — символ веры ... محمد / الله الا اله لا / الله.
Ободок двухлинейный с точечным кругом посредине.

Об. ст. В круглом картуше II/в — две пересекающие одна другую тамги № 1—2. Круговая надпись содержит выпускные сведения. Ободок линейный.

Дата — 690 (695?) г. х. (об. ст.).

8. Наименование монетного двора стерто (картуши IV—II, две тамги № 1) [62]

Л. ст. В восьмилепестковом картуше IV/а, заключенном в круг,— тамга № 1 с виньетками по сторонам. Кругом — надпись (полностью не восстанавливается, но это не выпускные сведения), заключенная в ободок в виде лепестковой розетки, обрамленной кругом.

Об. ст. В круглом двухлинейном картуше II/в — тамга и виньетки как на л. ст. Кругом — надпись с выпускными сведениями. Ободок двухлинейный.

9. Наименование монетного двора стерто (картуши I—IV, две тамги — № 2, 1) [63]

Л. ст. В квадратном картуше I/в (из двух пересекающихся линий) — тамга № 2, снизу и сверху — надпись, содержащая, очевидно, наименование монетного двора (пока нами не прочтена). По сторонам картуша — виньетки.

Об. ст. В восьмилепестковом картуше IV/а, вписанном в круг,— тамга № 1, а по сторонам — две виньетки. Круговая надпись схематична и в сохранившейся части нечитаема.

10. Наименование монетного двора стерто (картуши I—I, тамга № 2) [64]

Л. ст. В квадратном картуше I/д — двухстрочная надпись (грубым и примитивным почерком), восходящая, видимо, к الملك / لمعظم или العادل / لاعظم. По сторонам точечного квадрата были выпускные сведения (сохранилось ضرب).

Об. ст. В таком же точечном картуше тамга № 2, сверху и

---

[61] ЛОМ, № 322, 345.

[62] ЛОМ, № 323—324. Монеты близки типу 9 Тараза и типу 1 Кенджде и отличаются лишь тем, что в картуше лицевой стороны здесь по сторонам тамги — виньетки, а там — надписи. Но в чекане Тараза есть тип без этих надписей (например, лицевая сторона типа 7).

[63] ЛОМ, № 325—327.

[64] ЛОМ, № 354.

снизу которой — двухстрочная надпись عادل / پادشاه
По сторонам точечного квадрата — благопожелания الملک لله. Ободок двухлинейный.

11. Наименование монетного двора стерто (картуши VI—I, две тамги — № 1 и ?) [65]

Л. ст. В четырехлепестковом картуше VI — надпись, сохранившаяся фрагментарно и включавшая выпускные сведения: хорошо видны слова سنه и ضرب. Чтение наименования монетного двора (Кенджде?) должно быть проверено по экземплярам лучшей сохранности. Ободок двухлинейный.

Об. ст. В квадратном картуше I/в из двух пересекающихся линий — две тамги (одна — № 1, вторая стерта). По сторонам картуша, очевидно, надписи.

12. Наименование монетного двора стерто (картуши VI—II, тамга № 1) [66]

Л. ст. Как у предыдущего типа, видна также дата цифрами — 706 г. х.

Об. ст. В круглом картуше II/а — тамга № 1 и две виньетки по сторонам. Круговая надпись — имя с титулом халифа Насира.

13. Наименование монетного двора стерто (?) (картуш об. ст. II, тамга № 1) [67]

Л. ст. В поле — символ веры тремя строками لا اله الا الله / محمد رسول الله. Над надписью — арабеска, снизу — мелкими буквами полустертое слово (видны буквы *син-шин* и *алиф*).

Об. ст. В круглом картуше II/а — тамга № 1, над ней — виньетка, а под ней — неясное изображение в виде двух параллельных линий. Круговая надпись не читается.

14. Наименование монетного двора стерто (картуш об. ст. II, тамга № 1) [68]

Л. ст. В поле — двухстрочная надпись (второе слово الاعظم) с необычным украшением букв ع и ظ. По сторонам квадрата, образованного этой надписью,— тоже надпись (стерта). Ободок двухлинейный.

Об. ст. В круглом двухлинейном картуше II/в — тамга № 1,

---

[65] ЛОМ, № 377.
[66] ЛОМ, № 378.
[67] ЛОМ, № 376.
[68] ЛОМ, № 375.

по сторонам которой — непонятные полустертые изображения. Круговая надпись почти не сохранилась.

15. Наименование монетного двора стерто (?) (картуши I—III, две тамги № 1) [69]

Л. ст. В квадратном картуше I/в из двух пересекающихся линий — тамга № 1 с очень загнутыми концами, расположенная по диагонали, а по сторонам тамги — орнаменты. Вне картуша почти все стерто, только с одной стороны видна виньетка.

Об. ст. В картуше III (в виде шестиконечной звезды, образованной пересечением двух двухлинейных треугольников) — тамга № 1, две точки и два колечка. В отсеках картуша как будто орнаменты.

Типы монет без наименования монетного двора в надписях

В составе клада выявлено несколько типов монет, в надписях которых не было наименования монетного двора. Создается впечатление, что эти типы демонстрируют случайные комбинации штампов, первоначально изготовленных и употреблявшихся в других сочетаниях. В этом особенно убеждает использование однотипных штампов для чекана двух сторон монетного кружка.

Тип 1 (картуши II—II, две тамги № 1) [70]

Л. ст. В круглом двухлинейном картуше II/в — тамга № 1 и две виньетки по сторонам. Круговая надпись содержит имя с титулом халифа Насира. Ободок двухлинейный.

Об. ст. Как л. ст.

Тип 2 (картуши II—II, две тамги — № 1, 2) [71]

Л. ст. Как у типа 1.

Об. ст. В круглом двухлинейном картуше II/в — тамга № 2.

Отнести эти два типа к какому-либо определенному городу пока затруднительно. Оба типа примыкают к типам 13—14 Тараза. Разница только в следующем: на монетах Тараза типов 13—14 круговые надписи содержат выпускные сведения, на этих же — имя с титулом халифа Насира. В литературе, кроме того, отмечены монеты Тараза, которые можно считать как бы «переходными»: у них одна круговая надпись с выпускными сведениями, другая — с именем и титулом халифа Насира [72]. Все это на первый взгляд дает основание два разбираемых типа отнести к чекану именно Тараза. Однако штампы с тамгой № 1 и двумя виньетками в

[69] ЛОМ, № 310.
[70] ЛОМ, № 295—297.
[71] ЛОМ, № 298—302.
[72] В. Д. Жуков, Дукентский клад..., стр. 196 (третий тип за 686 г. х. по классификации В. Д. Жукова).

круглом двухлинейном картуше II/в и именем с титулом халифа Насира в круговой легенде употреблялись в чекане и других монетных дворов, например Кенджде (ср. оборотные стороны типов 3, 5) или Отрара. Близкий тип есть в чекане Шаша (там вместо одной из виньеток наименование монетного двора). Убедительно решить этот вопрос можно было бы на основании анализа мелких деталей в расчете на обнаружение экземпляров, чеканенных одним штампом. Однако для такого анализа монеты нашего клада не годятся: их мало и они плохой сохранности.

Тип 3 (картуши II—I, три тамги — № 1, 1, 2) [73]

Л. ст. Как у типа 1.

Об. ст. В квадратном картуше I/в из двух пересекающихся линий — две тамги № 1, 2 и несколько орнаментальных колечек. По сторонам картуша — виньетки. Ободок двухлинейный.

На обеих сторонах не было выпускных сведений. Однако монета скорее всего относится к чекану Тараза. В этом убеждает тот факт, что именно в чекане Тараза в составе разных типов употреблялись штампы, аналогичные штампам оборотной и лицевой сторон разбираемого типа.

Тип 4 (картуши I—VII, две тамги — № 1, 2) [74]

Л. ст. В квадратном картуше I/в из двух пересекающихся линий — примитивная надпись, схематично имитирующая двухстрочные надписи, однако прототип не может быть назван. По сторонам картуша — виньетки. Ободок линейный.

Об. ст. В четырехлепестковом картуше VII (картуш как на бинкетской монете) — две тамги № 1, 2 и колечки. Вокруг картуша — надпись плохим почерком, с ошибками и плохой сохранности. Содержание ее, однако, выясняется: имя с титулом халифа Насира.

Тип 5 (картуши I—I, две тамги — № 1, 2) [75]

Л. ст. В квадратном картуше I/а — двухстрочная надпись изящным почерком الملك / لله. По сторонам картуша — виньетки. Ободок линейный.

Об. ст. В квадратном картуше I/в из двух пересекающихся линий — две тамги № 1, 2. По сторонам картуша — виньетки.

---

[73] ЛОМ, № 307, 362—366.
[74] ЛОМ, № 311—315.
[75] ЛОМ, № 374.

ТАБЛИЦЫ

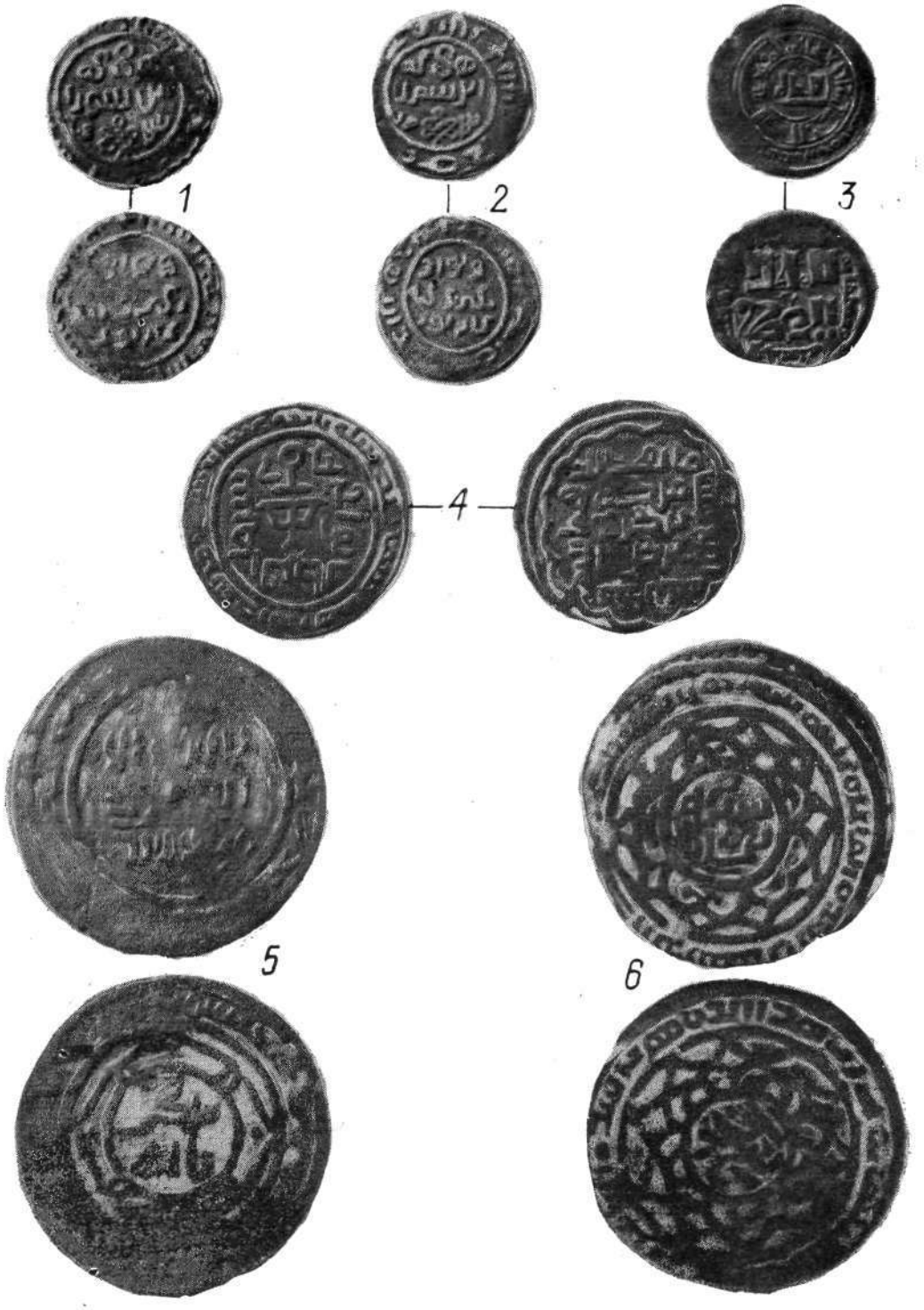


Табл. 1. Серебряные и медные посеребренные дирхемы:
1, 2 — Самарканд, 634 г. х.; *3* — Алмалык, 65. г. х. Медные посеребренные дирхемы; *4* — Самарканд, тип 4; *5* — Бухара, тип 4; *6* — Бухара, тип 5

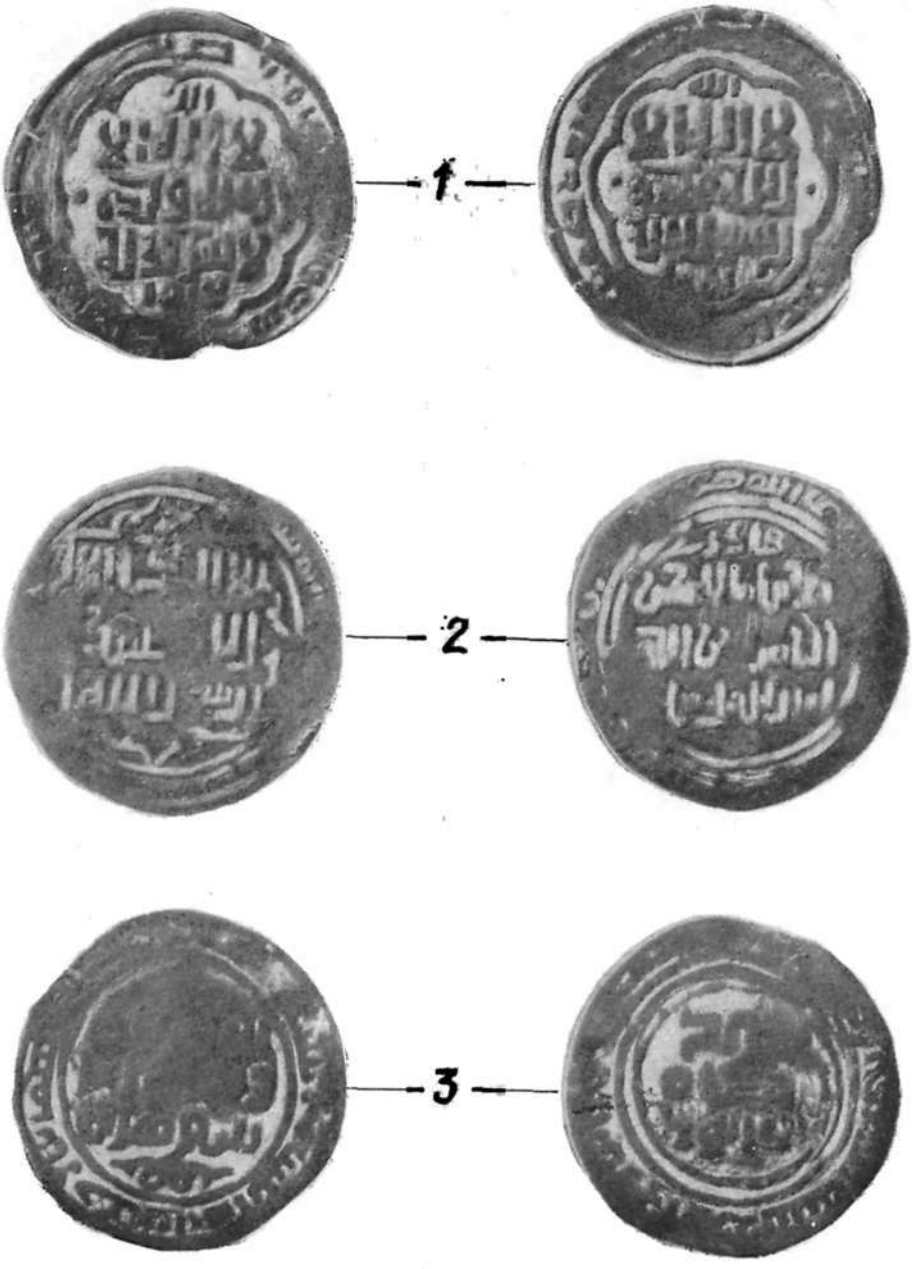


Табл. 2. Медные посеребренные дирхемы:
1 — Бухара, тип 7; *2* — Самарканд, тип 2; *3* — Самарканд, тип 5

Табл. 3. Ленинабадский клад:

1 — Алмалык, тип 1; *2* — Андиган, тип 1; *3* — Бинкет, тип 1; *4* — Бухара, тип 1; *5* — Кенджде, тип 2, вар. 2; *6* — Кенджде, тип 5

Табл. 4. Ленинабадский клад:

1 — Отрар, тип 1; *2* — Самарканд, тип 1, вар. 2; *3* — Тараз, тип 1; *4* — Тараз, тип 3, вар. 3; *5* — Тараз, тип 4; *6* — Тараз, тип 5

Табл. 5. Ленинабадский клад:

1 — Тараз, тип 7; *2* — Тараз, тип 14; *3* — Тараз, тип 16; *4* — Термез, тип 1; *5* — Ходженд, тип 1; *6* — Ходженд, вар. 2 типа 1.

Табл. 6. Ленинабадский клад:
1 — [Тараз], 706 г. х. с тамгой (?) № 7; *2* — Кашгар, тип 1 (увеличено); *3*, *4*, *5* — монеты с надчеканами, двух типов

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3
Список сокращений 7
Глава 1. Классификация медных посеребренных дирхемов первых двух этапов. Клады. Значение слова «менгу» в надписях медных посеребренных дирхемов 8
Глава 2. Курултай 1251 г. и место золота в денежном хозяйстве Средней Азии на первых двух этапах 29
Глава 3. Особенности денежного обращения на первых двух этапах. Обесценение медного посеребренного дирхема (первый этап) и опыт реорганизации монетного дела (второй этап) 37
Глава 4. Клады серебряных монет третьего этапа 51
Глава 5. Классификация серебряных монет как источник для характеристики организации их чекана и обращения 61
Глава 6. Особенности чекана Тараза и Кенджде 73
Глава 7. Опыт определения указного веса серебряных монет третьего этапа по их среднему весу 84
Глава 8. Денежная реформа купца-правителя Мас'уд-бека и пореформенное обращение 96
Глава 9. Почему на чагатаидских монетах проставлено имя покойного халифа Насира 115
Заключение. Нумизматические материалы как источник для характеристики и периодизации частичного восстановления городской жизни в Средней Азии XIII в. 121
Приложение. Ленинабадский клад серебряных монет . . . 152
Таблицы 175

Елена Абрамовна Давидович

ДЕНЕЖНОЕ ХОЗЯЙСТВО
СРЕДНЕЙ АЗИИ
ПОСЛЕ МОНГОЛЬСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ
И РЕФОРМА МАС'УД-БЕКА (XIII в.)

Утверждено к печати
Институтом истории
Академии наук ТаджССР

Редактор *М. М. Хасман*
Младший редактор *И. И. Исаева*
Художник *М. Р. Ибрагимов*
Технический редактор *З. С. Теплякова*
Корректор *Р.Ш.Чемерис*

Сдано в набор 28/VI 1972 г.
Подписано к печати 31/X 1972 г.
А-10147. Формат 60 × 90¹/₁₆. Бум. № 2
Печ. л. 11 + 0,5 на мел. бум.
Уч.-изд. л. 11,62. Тираж 1400 экз.
Изд. № 2784. Зак. 745. Цена 90 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

Цена 90 коп.